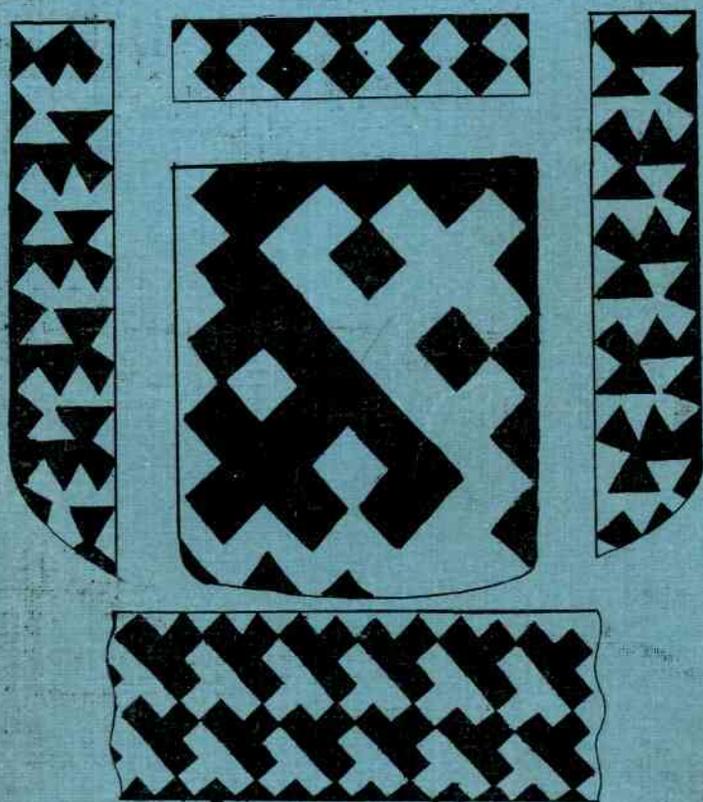

63.8 (253.3)
М 29

Е.П. МАРТЫНОВА

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ И
КУЛЬТУРЫ ХАНТОВ**

Ответственный редактор серии: **С.В. Чешко**

Рецензенты: д.и.н. **К.И. Козлова**, д.и.н. **З.П. Соколова**

Редакционно-издательская группа:

С.С. Крюкова, Г.А. Носова, Б.А. Пивнева

**СЕРИЯ «НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОЛОГИИ И
АНТРОПОЛОГИИ»**

Издается при поддержке Российского гуманитарного
научного фонда
(проект №97-01-00227)

Монография - первое обобщающее исследование о формировании и культуре хантов. В книге на основе архивных, полевых материалов и данных литературы рассматриваются расселение и изменения численности хантов в XVII - XIX вв., их этнические взаимодействия, а также особенности хозяйственной деятельности, социальной организации, материальной и духовной культуры по отдельным этнографическим ареалам.

ISBN 5-201-00809-7

© Институт этнологии и антропологии РАН. Координационно-методический центр «Народы и культуры», 1998

© Е.П. Мартынова, 1998

ВВЕДЕНИЕ

/Ханты - один из малочисленных народов Севера, близкородственный манси, вместе с которым они объединяются в этническую группу обских угров. Расселены ханты в бассейне Средней и Нижней Оби по данным переписи 1989 г., их насчитывается 22,3 тыс. чел. Хантыйский язык относится к угорской группе уральско-юкагирской семьи языков. Ханты неоднородны в этническом отношении, в их составе исследователи выделяют несколько в большей или меньшей степени самобытных групп, различающихся по хозяйственным занятиям, культуре и языку.

Что касается хозяйства, то сама географическая среда ставила население различных зон "хантыйской земли" в неодинаковые хозяйственные условия/ Практически все авторы, начиная с XVIII в., отмечали варьирование основных отраслей хозяйства - рыболовства, охоты и скотоводства (в форме оленеводства или животноводства) у хантов, расселенных в разных местах. Даже по Уставу 1822 г., разные группы хантов по хозяйственному признаку оказались отнесенными к "кочевым" и "бродячим" инородцам. Современные исследования по традиционному хозяйству обских угров убедительно показывают, что у хантов существовало по крайней мере четыре хозяйственных комплекса [Головнев, 1992]. Весьма существенно различались формы материальной культуры и быта, обычаи, обряды.

По языку ханты также очень неоднородны. Языковеды отмечают настолько значительные расхождения между диалектами хантыйского языка, что они препятствуют взаимопониманию представителей разных диалектов; где существует и единого хантыйского литературного языка [Можарский, с. 459; Майтинская, с. 317; Хайду, с. 45]. Лингвистика выделяет в его составе свыше трех десятков отдельных диалектов, говоров или наречий (эти термины употребляются недифференцированно), имеющих специфику в области фонетики и морфологии, которые объединяются в три большие группы диалектов. Эти группы имеют различия

между собой в фонетике, морфологии и лексике [Караулов, с. 244; Хайду, с. 45]. По общему признанию, у хантов наиболее разнятся северные, южные и восточные диалекты, по Н.И. Терешкину - западные и восточные группы диалектов. Все остальные промежуточные лингвистические единицы (наречия, говоры), как считают языковеды, являют собой цепочку переходов от одного к другому. Для этнологов в вопросе о диалектных различиях решающее значение имеют не признаки родства диалектов или говоров как таковые, а то, причисляют ли себя говорящие на этих диалектах люди к одной этнической общности или нет. [Локальные группы хантов сознают свое отличие друг от друга. "Так, юганские ханты, живущие в бассейне Средней Оби, не осознают своего единства с войкарскими, живущими в низовьях Оби. Сре^ хантов обнаруживаются антропологические различия/!

сJiТаК, многие данные говорят о том, что ханты далеко не едины и не монолитны. "З.П. Соколова одна из первых обратила внимание на то, что различия между отдельными группами хантов велики и что "до недавних пор хдрпгы... не считали себя единым народом" [Соколова 1990, с. 27]]В этнографии направление о локальных особенностях в культуре обских угров стало доминирующим с 1970-х гг. Появилось много работ, посвященным отдельным группам хантов и манси [Соколова, 1972, 1986; Лукина, 1972, 1976, 1977, 1985; Кулемзин, 1976, 1977; Пика, 1982; Мартынова, 1986, 1988а, 1988б, 1989; Молданова, 1993; Сязи, 1995а, 1995б; Первалова, 1990, 1991, 1997]. Вместе с тем проблема выделения у обских угров этносоциальных и этнических субподразделений и групп является, как указала^ З.П. Соколова, одной из сложных [1990, с. 3, 5]. Исследовательницей обосновано разделение хантов на этнографические и территориальные группы, определены факторы, влияющие на формирование этих групп [Соколова, 1973, 1975а, 1979а - г, 1982, 1983б]. Предложенное ею деление хантов на три этнографические (северную *хантэ*, или *хантис*, южную *хандэ*, восточную *кантах*, или *кантэк*) и территориальные группы стало общепринятым в этнографической литературе [1973, с. 123; 1975а, с. 201, 202]. Основанием для выделения этнографических групп послужили такие признаки,

как язык и эндогамия! Более мелкие этнические подразделения - территориальные группы, совпадающие с границами распространения диалектов и говоров (наречий), выявлены по расселению в бассейне обских и иртышских притоков и характеризуются меньшим, по сравнению с этнографическими группами, уровнем эндогамии [Соколова, 1990, с. 22].

Между тем, критерии определения подразделений этноса наряду с языком и эндогамией включают и другие признаки: культуру, этногрупповую психологию, самосознание. Р.Г. Кузеев подметил: «Если этнос иерархичен, следовательно, реальность, которая обозначается общепринятыми терминами "народная культура" также иерархична... Понятие вариативности культуры в пределах "общенародной" отграничивает подразделение этноса с более плотной однородностью культуры от этноса в целом» [Этнос и его подразделения, с. 4]. Гетерогенными по своему составу являются и этнографические группы, входящие в состав этноса и, определяющие его гетерогенный характер [Решетов, с. 128]./Имеющийся материал о хантах позволяет выделить в составе их этнической территории несколько этнографических ареалов, каждый из которых отличается историей формирования хантыйского населения, его этническими связями, хозяйственным укладом, культурными и языковыми характеристиками. Каждый ареал, в свою очередь, включает ряд более мелких этнических подразделений.^

Автор сочла необходимым обратиться к формализованным методам исследования. В качестве объекта последних были использованы статистические данные о брачных связях хантов по волостям из материалов ревизских переписей населения 1782 и 1795 гг. Обработанные математически, они позволили проверить наличие или отсутствие взаимосвязей между волостями по брачному} партнерству, установить "тесноту" и характер этих связей. Полученные результаты отразили структуру брачных связей в хантыйском обществе конца XVIII в. У хантов было выявлено пять эндогамных демонов: Иртышский (уровень эндогамности 90%), Кодский (83%), Сосьвинско-Куноватский (91%), Юганский (89%) и Ваховский (92%) [Мартынова, 1994а].\В конечном итоге

определилось пять этнографических ареалов: 1) Прииртышский, 2) Кодский, 3) Нижнеобский, 4) Юганско-Пимский, 5) Аганско-Васюганский. Они выделены по совокупности явлений и элементов хозяйственной, социокультурной характеристики хантов, с учетом самосознания, этнических связей и выявленных брачных демонов конца XVIII в Д

* * *

История изучения хантов и родственных им манси насчитывает не одно столетие. Начало знакомству с ними было положено еще в XVII в. поездкой по Сибири Н. Спафария [1882]. Его путевые заметки содержат одни из самых ранних достоверных свидетельств о расселении остяков, отдельных сторонах быта. В начале XVIII в. у кондинских, иртышских и обских остяков побывал Г. Новицкий, оставивший много интереснейших наблюдений об их хозяйственных занятиях, общественном устройстве, обычаях и верованиях [1884].

Большой вклад в научное описание угорских народов Сибири был сделан участниками Академических экспедиций XVIII в. (Г.Ф. Миллером, В.Ф. Зуевым, П.С. Палласом). Работы велись по специально подготовленным программам, ориентированным на изучение истории коренного населения Сибири, а также описание различных сторон жизни и быта аборигенов. "История Сибири" Г.Ф. Миллера отличается привлечением обширного исторического материала: архивных документов, летописей, легенд [1937, 1941]. Им оставлено много интересных и важных наблюдений о "княжествах", о взаимоотношениях между остяками и татарами, о российской колонизации Прииртышья и Приобья. В обзоре П.С. Палласа отсутствуют какие-либо этнически определенные сведения по локальным группам обских угров [1788]. Зато заметки В.Ф. Зуева, посвященные описанию березовских остяков и самоедов Нижней Оби, отличаются вниманием именно к этим аспектам; они содержат богатый этнически конкретный и в то же время сравнительный материал по остякам и самоедам [1947].

Литература XIX в. об обских уграх наряду с обзорно-географическими и официально-статистическими очерками Н.А. Абрамова [1857], Ю.И. Кушелевского [1864, 1868], Х.М. Лопарева [1897] представлена сделанным Ф. Белявским подробным описанием остяков, живущих по Нижней Оби [1833]. В его работе много сведений о сборе ясака, управлении на местах, остяцких князьях, им выделены некоторые локальные особенности в культуре и быту туземцев. Финский лингвист М.А. Кастрен прославился не только своими открытиями в области языкознания, но и этнографическими заметками о народах Севера и Сибири [1858, 1860]. Им особо выделена северная, обдорская, группа остяков, находящаяся в постоянном взаимодействии с самоедами. М.А. Кастрен привел сведения о родовом делении инородцев Нижней Оби, дал характеристику рода у обдорских хантов.

Большой вклад в изучение обско-угорских народов был сделан исследователями рубежа XIX - XX вв. Особо следует отметить труды С.К. Патканова. До сих пор остается непревзойденным его собрание фольклора иртышских хантов [1891а, 1891б, 1897, 1900]. Он не только записал, но и проанализировал множество легенд, сказаний, установил, что в остяцком героическом эпосе нашли отражение многие черты реальной жизни угорского общества середины 2 тыс. н. э. "Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев" [1911, 1912], зафиксировавшие демографическую и этническую ситуацию в Сибири на конец прошлого века, не потеряли своего научного значения и в настоящее время. Особо следует отметить указание С.К. Патканова на то, что "в существующей литературе замечается полное отсутствие столь необходимых... достоверных источников, где бы отдельные инородческие волости и управы, улусы, селения и т. д. Сибири были распределены по населяющим их племенам" [1912, вып. 1, с. IV]. Тем самым автор впервые поставил вопрос о необходимости описания и изучения отдельных "племен", т.е. локальных общностей среди коренного населения Сибири. Это замечание справедливо и по отношению к обско-угорскому населению, которое суммарно называлось "остяками" и

"вогулами" без четкого подразделения на малые этнические общности.

В изучении Обского Севера велика заслуга А.А. Дунина-Горкавича, в книге которого "Тобольский Север" дана общая этнографическая характеристика остяков-хантов и вогулов-манси [1904, 1910, 1911]. Не претендуя на подробное исследование всего комплекса хозяйства и культуры аборигенов Тобольского Севера, он уделил основное внимание выявлению региональных хозяйственно-бытовых особенностей населения, живущего по бассейнам обских и иртышских притоков: кондинских, салымских, юганских, аганских и др. остяков. Эти группы, живущие "в более или менее одинаковых бытовых условиях" и говорящие "на общем наречии", рассматривались им как территориальные общности.

Такой "региональный" подход характерен и для ряда других работ этнографов-краеведов рубежа XIX - XX вв.: В.В. Бартенева [1895а, 1896], Г.М. Дмитриева-Садовникова [1911, 1912, 1916], В. Пигнатга [1910], Л.Р. Шульца [1913, 1924], И.Н. Шухова [1913, 1914, 1915а, 1915б]. Их очерки основаны на богатом полевом материале, привязаны к строго определенным районам, посвящены конкретным вопросам, хотя и страдают подчеркнутой описательностью. В 1920 - 1930-е гг. полевые этнографические обследования хантов были продолжены В.В. Васильевым [1924], Г.Н. Старцевым [1928], М.Б. Шатиловым [1931], работы которых содержат трактовку ряда частных и общих вопросов этнографии и истории народа.

Особого упоминания заслуживают исследования по обским уграм В.Н. Чернецова, затронувшего множество проблем обско-угорской археологии и этнографии, прежде всего этногенеза, социальной организации и религиозных представлений. Его труды отличаются богатством фактического материала, тонким и обстоятельным анализом [1939, 1947, 1953, 1957, 1959, 1964, 1971].

Работа С.В. Бахрушина, посвященная угорским княжествам XVI - XVII вв., базируется на богатом архивном материале [1955а]. Он охарактеризовал внутреннюю организацию княжеств, их взаимосвязи, политику князей. Фундаментальный труд Б.О. Долгих [1960] посвящен выявлению значения и социальных функций

родо-племенных структур у народов Сибири и является замечательным примером исторической ретроспекции, осуществленной на анализе широкого круга архивных источников. Б.О. Долгих один из первых поставил вопросы об этнической микроструктуре угорского населения Западной Сибири, о необходимости преодоления "разрыва между этнографией и историей", ему удалось воссоздать этнодемографическую ситуацию в Сибири в начальный период российской колонизации.

На современном этапе (1970 - 1990 гг.) обско-угорской этнографией занимаются более 20 исследователей в Москве, С.-Петербурге, Томске, Тюмени, Тобольске, Ханты-Мансийске, Салехарде. К настоящему времени накоплен богатейший фонд документальных, коллекционных и полевых материалов, многое сделано и делается в плане его осмысления. В последние десятилетия издано несколько монографий по отдельным аспектам этнологии хантов и манси: материальной культуре (Лукина Н.В., Федорова Е.Г.), социальной организации (Соколова З.П.), религиозным представлениям (Кулемзин В.М., Гемуев И.Н., Зенько А.П.); опубликовано множество работ, посвященных отдельным региональным группам обских угров; в ряде трудов проблемы обско-угорской этнологии рассматриваются в контексте истории и культуры других народов Западной Сибири (Головнев А.В., Рындина О.М.). Между тем в литературе по обским уграм отсутствует монографическое описание истории и культуры как отдельных групп, так и народов в целом.

Исходя из этого, основной целью данной работы является исследование формирования, особенностей хозяйства, социальной организации, материальной и духовной культуры хантов по ареалам. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: 1) анализ волостного состава и демографических процессов у хантов в XVII - XIX вв., 2) рассмотрение этнических связей и выявление иноэтничных компонентов в составе Дантов, 3) характеристика хозяйственной деятельности и выявление особенностей социальной организации, материальной и духовной культуры у хантов разных этнографических ареалов.

Поставленные задачи обусловили структуру работы: книга ВСОСТОИТ из пяти глав, каждая из которых посвящена одному этнографическому ареалу. Главы построены по следующему принципу: волостной состав и демографические изменения, этнические связи, специфика хозяйственной деятельности, социальной организации и традиционной культуры хантов того или иного ареала. В работе не ставится задача всестороннего описания традиционного хозяйства, культуры и социальной организации хантов, поэтому в соответствующих разделах приведены лишь те сведения, которые позволяют выявить своеобразие хозяйственно-культурного облика той или иной региональной группы. Исследование проведено на основе методов исторической реконструкции и сравнительно-исторического анализа.

Одним из основных источников для написания работы явились архивные материалы, прежде всего Тобольского филиала Государственного архива Тюменской области (ТФ ГАТО). К ним относятся данные демографического учета хантыйского населения - материалы ревизских переписей ("ревизских сказок") по волостям и юртам хантов. Данные ревизий включают сведения о территориально-административном размещении населения (по волостям и юртам), о естественном движении (рождение, брак, смерть), о половозрастном составе. В исследовании использованы материалы следующих ревизских переписей: IV (1782 г.), V (1795 г.), VII (1816 г.), X (1858 г.) [ТФ ГАТО, ф. 154, оп. 8, д. 42, 43, 44, 53, 55, 74, 75, 76, 77, 78, 268, 269, 271, 273, 287, 289, 347, 404, 556, 558, 814, 992, 994]. В тексте "сказок" последовательно перечислены все члены семей, живших в определенном селении определенной волости, а в материалах ГУ и V ревизий еще и сведения о браках - откуда и у кого взята жена. Наряду с данными Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. материалы ревизий позволили проследить динамику численности хантыйского населения, проанализировать фамильный состав волостей. В работе использованы также материалы Первого и Второго Сибирского комитетов, содержащие статистические сведения о хозяйстве хантов в начале XIX в. [РГИА, ф. 1264, 1265]. Наряду со статистическими использовались и описательные рукописные материалы из фондов

ГАРФ, Архива РАН (г. С.-Петербург), ТФ ГАТО, Научного архива ТГИАМЗ и Архива ХМАО [ГАРФ, ф. 3977; Архив РАН, ф. 135, 1004; ТФ ГАТО, ф. 152, 690, 695].

Помимо архивных источников работа основывается на полевых материалах, собранных в 1984, 1985, 1989, 1990, 1991, 1992 и 1993 гг. в Белоярском, Березовском, Кондинском, Нефтеюганском, Октябрьском, Ханты-Мансийском районах ХМАО и Шурьшкарском районе ЯНАО Тюменской области среди различных групп хантов. В процессе работы были обследованы селения, расположенные на территории бывших Нарымской, Тарханской, Верх-Демьянской, Меньпе-Кондинской, Селиярской, Салымской (Прииртышский ареал), Шеркальской, Чемашевской (Кодский ареал), Подгородней, Казымской, Куноватской, Обдорской (Нижнеобский ареал), Подгородно-Юганской (Юганско-Пимский ареал) волостей. Маршруты экспедиций охватили районы с различными в прошлом и настоящем этнокультурными ситуациями. Полевые материалы помогают реконструировать этнические связи населения и этнические процессы в прошлом, ряд сторон жизнедеятельности и культуры хантыйского населения по состоянию на 1920 - 1930-е гг. Они включены в той или иной мере во все разделы работы, за исключением характеристики Аганско-Васюганского ареала, на территории которого, к большому сожалению, автору не удалось побывать. Наиболее широко полевые материалы представлены в третьей главе при описании нижнеобских хантов, среди которых прошло четыре экспедиции.

Автор выражает искреннюю благодарность всем информаторам за содействие, оказанное при сборе материала.

Названия на хантыйском языке даны в работе по полевым дневникам с учетом языковых особенностей локальных групп хантов.

Глава первая

ПРИИРТЫШСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АРЕАЛ

Географически этот ареал охватывает территорию Нижнего Прииртышья (от устья р. Туртас и ниже по Иртышу) и прилегающих местностей в бассейне Средней Оби (до устья р. Лямин). В административном отношении с конца XVI в. район Нижнего Прииртышья относился почти полностью к Тобольскому уезду. После учреждения в 1708 г. Сибирской, а в 1796 г. Тобольской губернии он находился в их составе. Хантыйское население было приписано к семи волостям Тобольского округа: Туртасской, Назымской, Тарханской, Нарымской, Темлячевской, Верх-Демьянской, Меньпе-Кондинской и двум волостям Сургутского: Салымской, Селяирской. По современному административно-территориальному делению Прииртышский ареал относится к Ханты-Мансийскому, Кондинскому, Нефтеюганскому районам ХМАО и Уватскому району Тюменской области.

По принятому в этнологической литературе делению, хантыйское население Прииртышского ареала относится к южной этнографической группе, за исключением хантов Салымской волости, включаемых в состав восточной. В языковом отношении ханты рассматриваемого ареала неоднородны, данные лингвистик свидетельствуют об их большой диалектной раздробленности [Караулов, с. 243]. По М.А. Кастрену, на территории Нижнего Прииртышья встречаются иртышский (в низовьях Иртыша с притоками Конда, Демьянка и по Оби в районе устья Иртыша) и салымский (по р. Салым) диалекты. Согласно К.Ф. Карьялайнену, по рекам Иртыш, Демьянка, Салым и по Оби между Самаровым и Салымом распространен иртышский диалект. С.К. Патканов относил иртышский, кондинский, демьянский и салымский диалекты хантыйского языка к группе южных. В.К. Штейниц выделил особую группу южных диалектов хантыйского языка с подразделениями на отдельные диалекты: атлымский, кеушин-

ский и иртышско-кондинский от Алешкиных юрт до устья Назыма по Оби и Иртышу с притоками; салымский диалект он отнес к группе восточных. Н.И. Терешкин объединил четыре говора хантов Нижнего Прииртышья - усть-иртышский (самаровский), иртышский, кондинский и демьянский - в одно прииртышское наречие западной группы диалектов хантыйского языка. Салымский говор он отнес к сургутскому наречию восточных диалектов. П. Хайду подразделил южную группу диалектов хантыйского языка на пять диалектов, отметив при этом особую близость между собой иртышского, демьянского и кондинского; салымский диалект он причислил к восточным [Кастрен, 1860, с. 263; Штейниц, с. 194-195; Терешкин, с. 320; Караулов, с. 244; Хайду, с. 45]. При всех различиях языковеды все же отмечают определенную языковую общность иртышских, кондинских, демьянских хантов; более отчетливо языковая специфика выражена у салымских, хотя практически все лингвисты считают салымский диалект переходным между южными и восточными. Согласно К.Ф. Карьялайнену и С.К. Патканову, иртышские, кондинские, демьянские, салымские ханты образовывали языковое единство.

Известные краеведы начала XX в. А.А. Дунин-Горкавич и Л.Р. Шульц объединяли хантыйское население Иртыша, Демьянки, Конды, Салыма и Оби от устья Салыма до устья Иртыша в одну группу южных хантов [Дунин-Горкавич, т.3. с. 31-32; Шульц, 1924, с. 167]. По моим полевым материалам, ханты Нижнего Иртыша, Нижней Конды, Демьянки и Салыма также относят себя к одной группе. Так, салымские ханты говорят: "Мы ближе к иртышским, чем к юганским хантам. У нас с иртышскими язык сходится, мы с ними больше общались, а с обскими хантами мы мало общались" [ПМА, 1993, Нефтеюганский р-н]. Юганские ханты тоже довольно определенно отличают себя от салымских: "У салымских язык другой, и боги у них другие. Нам по языку ближе пимские ханты, чем салымские" [ПМА, 1993, Нефтеюганский р-н]. Следует также отметить, что по направлениям брачных связей в конце XVIII - XIX вв. салымские ханты были ориентированы на иртышских [Соколова, 1990, с. 108; Мартынова, 1994, с. 64-65].

В пределах Прииртышского ареала выявляются черты культурно-бытовых локальных различий между отдельными группами хантов: иртышскими *танэт ях* ('иртышский народ'), кондинскими *контах ях* ('кондинский народ'), демьянскими *нимьян ях* ('демьянский народ'), салымскими *сотом ях* ('салымский народ'), обскими *ас ях* ('обской народ'). Специфика обнаруживается и в языке, и в культуре как материальной, так и духовной. По словам информаторов, различия в говоре существовали даже между жителями разных селений в границах одного диалекта. Так, на Конде и на Салыме приходилось слышать сходные утверждения: "Между деревнями разница в языке была. Отдельные слова не сходились, по-разному говорили. Чем ближе деревня, тем ближе язык, с дальними деревнями разница большая была" [ПМА, 1984, Кондинский р-н; 1993, Нефтеюганский р-н]. Лингвисты также считают, что более дробное деление хантыйского языка предполагает различие говоров отдельных мест (селений) [Караулов, с. 245].

1.

Прииртышские ханты в XVII- XIX вв.

В период с конца XVI до начала XVIII в. на территории рассматриваемого ареала, по данным Б.О. Долгих, существовало 11 остяцких волостей: Назым (Лебаут), Демьян, "Верх-Демьянки Митькина", "Верх-Демьянки Григорова", Нарым, Тархан (Колпугол), Цынга, Малая Конда, Салымская, Темличеева (Базьяновская), Селиярская. В конце XVI в. волость Малая Конда входила в состав Пелымского уезда, волости Темличеева и Салымская - в состав Сургутского, остальные волости относились к Тобольскому уезду. В первой половине XVII в. все остяцкие волости Прииртышского ареала были отнесены к Тобольскому уезду, за исключением Салымской, которая осталась за Сургутским ведомством [Долгих, 1960, с. 56; Буцинский, 1893а, с. 63].

О динамике изменений численности плательщиков ясака в XVII - начале XVIII вв. по волостям прииртышских хантов можно судить по данным таблицы.

**Таблица 1. Численность плательщиков ясака
в Прииртышском ареале в XVII - начале XVIII в.**

№ п/п	Волости	Число плательщиков (чел.)			
		1629 г.	1645 г.	1680г.	1701 г.
1.	Назым (Лебаут)	60	60	97	ПО
2.	Демьян	37	48	75	93
3.	"Верх-Демьянки Митышна"	5	6	4	
4.	"Верх-Демьянки Григорова"	9	13	17	13
5.	Нарым	56	63	315	129
6.	Тархан(Колпугол)	38	44	200	92
7.	Цынга	7	4	35	16
8.	Малая Конда	41	52	300	116
9.	Салымская	-	-	76	48 v
10.	Темличеева	-	-	68	76
11.	Селиярская	30	22	18	17
	Итого:	283	312	1205	710

Из таблицы видно, что численность плательщиков ясака, а, следовательно, и всего населения, изменялась неравномерно. Одной из причин колебаний численности была несостоятельность правительственного учета. Другой причиной были миграционные процессы. Движущими силами и основой миграционно-демографических сдвигов явились новые социально-экономические условия, в которых аборигены Северо-Западной Сибири оказались после включения в состав Российского государства. Сразу же после присоединения сибирские автохтоны были обложены ясачной повинностью, которую московские власти "с году на год имати". Вероятно, стремление избежать уплаты ясака заставляло хантов переселяться в отдаленные места, недоступные русской администрации, что приводило к изменениям в размещении аборигенного населения.

Основными направлениями миграций хантов в XVII - XVIII вв., как показали исследования З.П. Соколовой, были северное и

восточное [1979в, с. 108-112; 1982, с. 15, 44, 47]. У А.А. Дунина-Горкавича и Л.Р. Шульца встречаются сведения о переселении хантыйского населения с Иртыша в более восточные районы левобережья Средней Оби. Так, оба автора получили информацию о том, что в "дорусский период" балыкские и салымские ханты жили по берегам Иртыша, а "с приходом Ермака остяки бежали в места своего настоящего кочевья, на реки Салым, Балык и их притоки". Согласно данным Л.Р. Шульца, выходцами из Тарханской волости на Иртыше были основаны селения по верхнему течению Салыма, среднее течение Салыма заселялось обскими остяками, переселялись на Салым и демьянские ханты [Дунина-Горкавич, т.3, с. 29; Шульц, 1924, с. 170-171].

Волостную и демографическую структуру хантов Прииртышского ареала в конце XVIII - XIX вв. рассмотрим по отдельным локальным группам.

Иртышские ханты относились к четырем волостям. Туртасская волость с волостным центром в юртах (далее -ю.) Уватских находилась на Иртыше при устье р. Туртас. В ее составе было три селения - юрты Туртасские, Уватские и Алымские. В 1816 г. там проживало 132 чел., в 1858 г. - 105, в 1897 г. - 84. Наиболее распространенные фамилии: Кочайнов (ю. Туртасские), Бехметев (ю. Алымские).

Назымская волость с центром в ю. Кошелевских располагалась в бассейне Иртыша, вниз от Туртасской до устья р. Демьянка. В волости было пять селений, наиболее крупные: ю. Буренские, Лебаутские, Варлымовские. В 1795 г. в волости проживало 296 хантов, в 1816 г. - 304, в 1858 г. - 226, в 1897 г. - 222 ханта и 181 русский. В конце XVIII в. в Назымской волости зафиксировано 23 фамилии, в середине XIX в. - 27, наиболее распространенные: Бузабаев, Урабаев (ю. Лебаутские), Калаузов, Борисов (ю. Арлымовские), Палин, Катанцев, Лабытков (ю. Буренские).

По данным V ревизии в волости был заключен 131 брак, в том числе: внутри волости - 61 (47%), с Туртасской - 32 (24%), Меньпе-Кондинской - 15 (11%), Верхне-Демьянской - 12 (9%), Тарханской - 2 (1,5%), Кондинской - 2 (1,5%), с русскими - 7 (5%). В Назымской волости в конце XVIII в. оказался довольноно

высоким уровень эндогамных браков при небольшой численности населения. Межволостные брачные связи практически не выходили за пределы своего Прииртышского ареала (72,5% от всех браков).

Тарханская волость с центром в ю. Цынгалинских занимала территорию в нижнем течении Иртыша: между устьями рек Демьянка и Конда, включая часть бассейна р. Салым, близко подходившей к Иртышу. В конце XVIII в. в ней было девять селений-юрт (8 по Иртышу и 1 по М. Салыму). В ревизских сказках XIX в. Салымские юрты разделены на семь более мелких поселенческих единиц. Наиболее многочисленными были юрты Цынгалинские, Саргатские, Филинские, Колпуховские (Заводинские). В 1782 г. в волости числилось 622, в 1795 г. - 625, в 1858 г. - 552 ханта. В 1795 г. в волости зафиксировано 22 фамилии, наиболее распространенными являлись: Кулаков, Тюльканов, Алабердин, Киприянов, Вагликов, Айтаров, Баймаков.

Материалами V ревизии зафиксировано 233 брака, котор*ые распределились следующим образом: внутри волости - 118 (51%), с Меньине-Кондинской - 24 (10%), Темлячевской - 22 (9%), Белогорской - 18 (8%), Салымской - 15 (6%), Верхне-Демьянской - 14 (6%), Кондинской - 8 (3%), Селярской - 7 (3%), Назымской - 7 (3%). При высокой доле эндогамных браков (51%) межволостные довольно равномерно распределились среди населения волостей по Иртышу, Конде, Салыму и Оби в прилегающих районах.

Нарымская волость находилась в низовьях Иртыша к северу от устья р. Конда. В материалах FV-V ревизий эта волость не встречается. По VII ревизии, в ней было девять юрт, наиболее крупные: Колпуховские, Репаловские, Сотниковские. В 1816 г. в волости проживало 459, в 1858 г. - 316 остяков, в 1897 г. - 582 ханта и 216 русских. Наиболее распространенные фамилии в волости: Чуругаев (ю.Коринские), Самарин (ю.Репаловские), Чебаев (ю.Ечинские), Сипров, Сотников (ю. Сотниковские).

В начале XIX в. Тарханская волость была объединена с соседней Нарымской. В материалах II ясачной комиссии Сибирского комитета 1828 - 1831 гг. по этому поводу сказано: "Окладная книга Нарымской и Тарханской волостей составлена не разделя-

но, потому что инородцы сих волостей обитают на одних землях в одних и тех же селениях и пользуются всеми выгодами промышленности нераздельно" [РГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 275, л. 405-406].

Ввиду неполноты данных по иртышским хантам на конец XVIII в. об изменении их численности можно судить только по данным XIX в. С 1816 г. по 1897 г. она уменьшилась почти вдвое.

Демьянские ханты в конце XVIII - XIX вв. были приписаны к Верхне-Демьянской волости с центром в с. Демьянское. Она занимала территорию бассейна р. Демьянки и прилегающую часть Иртыша. В конце XVIII в. в ней числилось семнадцать юрт, в переписях XIX в. не упоминаются ю. Карабашевы, Урматские, Черемкоевы, Баретинские, Янышкины, Тайлаковы, Еганские, Пагиланские, зато указаны ю. Эскинские; ю. Коринские были переведены в Нарымскую волость. В 1865 г. десять селений Верхне-Демьянской волости были объединены с русской Демьянской. В 1795 г. в Верх-Демьянской волости проживало 387, в 1816 г. - 347, в 1858 г. - 216 хантов, в 1897 г. - 124 ханта, 16 русских. С 1795 по 1897 г. численность демьянских хантов сократилась весьма существенно - на 68%. Из 33 перечисленных в V, VII, X ревизиях фамилий наиболее распространенными были Пагилев, Патликов, Полин, Улымкоев, Сипайлов, Алекин.

По переписи 1795 г., зафиксировано 160 браков, из которых внутри волости - 81 (51%), с Нарымской - 25 (16%), Тарханской - 18 (11%), Меньпе-Кондинской - 18 (11%), Назымской - 10 (6%), Больде-Кондинской - 2 (1%), Белогорской - 2 (1%), Туртасской - 1, Темлячевской - 1. При значительной доле внутриволостных браков наибольшее тяготение демьянские ханты обнаружили к иртышским (34% всех браков) и кондинским хантам (11%).

Кондинские ханты в конце XVIII - XIX вв. относились к Меньпе-Кондинской волости. В ней объединялось хантыйское население, проживавшее в нижнем течении притока Иртыша - р. Конде. В конце XVIII - XIX вв. в пределах волости существовало от 17 до 19 селений-юрт, наиболее крупные: ю. Болчаровские, Пуштинские, Шумиловские. По данным 1795 г., в волости про-

живало 649, 1816 г. - 733, 1858 г. - 871 хант, 1897 г. - 934 ханта, 130 русских. Численность хантов за этот период возросла на 44%. В переписи 1795 г. названо 40 фамилий, 1858 г. - 42, наиболее часто встречающиеся: Эндин, Китаев, Пагилев, Чесноков, Галкин, Эльпин, Багардаев, Чемляков, Тойчин, Пахтышев, Кумышев.

У ревизией зафиксировано 228 браков, распределившихся следующим образом: внутри волости - 96 (42%), с Тарханской - 57 (25%), Кондинской - 27 (12%), Верхне-Демьянской - 24 (10,5%), Назымской - 17 (7,5%), Белогорской - 3 (1%), с русскими - 4 (2%). По направлению брачных связей ханты Менше-Кондинской волости обнаружили тяготение к иртышским (32,5%); браки с соседними кондинскими манси составили всего 12%.

Обские ханты Прииртышского ареала относились к двум волостям: Темлячевской и Селяирской.

Темлячевская волость с центром в с. Самарово включала хантыйские селения по нижнему течению рек Назым, Малый Салым, Оби между ними, а также на правом берегу низовьев Иртыша. Материалы конца XVIII в. по этой волости не сохранились. В 1816 г. в ней было 15 селений, в 1897 г. - 16, изменились названия ряда юрт: Ахтомины стали называться Нялины, Априны - Майковы, вместо Большепеушиных, Иванушковых, Нейпных появились Вершинские, Костинские, Шапшины. В 1816 г. в волости проживало 363 ханта, в 1858 г. - 391. В 1865 г. Темлячевская волость была присоединена к русской Самаровской. В 1897 г. в 16 юртах бывшей Темлячевской волости проживало 394 ханта и 42 русских. В 1858 г. зафиксировано 32 фамилии, самые распространенные: Куклачев, Костин, Патришев, Чебыков, Сандыков.

Селяирская волость с центром в с. Селяирово объединяла хантыйские селения по берегам Средней Оби вверх от устья Иртыша, по протокам Бастоминной и Марниной. В материалах IV - IX ревизий селения не названы, в X указано 4 юрты. По данным 1795 г., в волости проживало 104 ханта, 1858 г. - 85, 1897 г. - 91 хант и 17 русских. В конце XVIII в. в ней значилось 13 хантый-

ских фамилий, в середине XIX в. - 7, наиболее известные: Тугалкин, Загнетаев, Чагомкин, Тухленкин.

Данными V ревизии в волости зафиксировано 28 браков, из которых с Салымской - 15 (54%), Темлячевской - 7 (25%), Тарханской - 5 (18%), Пимской - 1 (4%). По направлению брачных связей селярские ханты тяготели к салымским, с которыми было заключено более половины всех браков, а также к соседней Темлячевской волости.

С 1816 по 1897 г. численность обских хантов Прииртышского ареала увеличилась на 9%.

Салымские ханты населяли Салымскую волость, занимавшую территорию в бассейне Большого Салыма и на Оби при устье Салыма. Юртовый состав указан только в материалах X ревизии, тогда в волости числилось 11 юрт, наиболее крупные: Рымовы, Милясовы, Совкунины, Аламины. 9 из 11 селений были однофамильными по составу жителей. В переписи 1897 г. вместо ю. Алякиных и Савойских названы Сайгатины и Варлымовы. По сведениям 1795 г., в волости проживало 278 хантов, 1858 г. - 312, 1897 г. - 214. V ревизией зафиксировано 24 фамилии, X -17. С 1795 по 1897 г. численность салымских хантов сократилась на 23%.

Судя по данным V ревизии, в волости было заключено 74 брака, распределившиеся следующим образом: внутри волости - 28 (38%), с Тарханской - 21 (28%), Селярской - 10 (14%), Темлячевской - 7 (9%), с тремя волостями в бассейне Югана - 8 (10%), Верхне-Демьянской - 1, Пимской - 1, волостями Тобольского ведомства - 2. Для салымских хантов характерен высокий уровень внутриволостных браков при малой численности населения. Межволостные браки тяготели к иртышским хантам и обским.

Об изменении численности хантов Прииртышского ареала в конце XVIII - XIX вв. можно судить по данным таблицы.

Таблица 2. Численность хантов Прииртышского ареала
в конце XVIII - XIX вв.

№ п/п	Волости	Численность хантов (чел.)				
		1782г.	1795 г	1816г.	1858 г.	1897г.
1.	Туртасская	-	-	132	105	
2.	Назымская			304	226	}222
3.	Тарханская		625	750	552	
4.	Нарымская	-	-	459	316	}582
5.	Верхне-Демьянская	396	387	347	216	124
6.	Меньше-Кондинская	606	649	733	871	934
7.	Темлячевская	-	-	363	391	394
8.	Селиярская	90	104	82	85	91
9.	Салымская	273	278	256	312	214
	Итого:	2312	2339	3426	3044	2561

За период между 1795 г. и 1816 г. численность хантыйского населения Нижнего Прииртышья увеличилась на 46%. Затем началось сокращение численности хантов: с 1816 по 1858 г. - на 12%, с 1858 по 1897 г. - на 14%; в целом за 1816 - 1897 гг. их численность уменьшилась на 23%. При этом у разных локальных групп хантов Прииртышского ареала демографические процессы протекали по-разному. Наиболее значительное сокращение численности произошло у демьянских (на 68%) и иртышских (на 46%) хантов; у салымских - на 16%. Численность кондинских и обских хантов постоянно возрастала, увеличившись с 1816 по 1897 г. соответственно на 27% и 9%.

Чем же объяснялись изменения численности хантыйского населения? Среди аборигенов была довольно высокая смертность, множество жизней уносили болезни и эпидемии. Так, в материалах Ясачной комиссии 1828 г. говорится: "В волостях Туртамской (Туртасской - *Е.М.*), Верх-Демьянской и Темлячевской противу переписи 1763 г. убыль произошла от необыкновенной между ними смертности" [РГИА, ф. 1264, оп. 12, д. 275, л. 199 об.]. Но вряд ли в основе сокращения численности лежала только естественная убыль населения. По подсчетам З.П. Соколо-

вой, естественный прирост населения у обских угров в XVII- XIX вв. был незначителен: максимально он составлял 1,5%, чаще всего - 0,2 - 0,7% [Соколова, 1982, с. 13]. Ее выводы подтверждаются данными ревизских переписей населения, согласно которым число родившихся в волости примерно соответствовало числу умерших от одной ревизии до другой. По мнению З.П. Соколовой, основным фактором, определяющим течение демографических процессов среди хантов и манси, был миграционный. На большую подвижность обско-угорского населения указывали многие авторы [Б.О. Долгих, 1960; Н.А. Миненко, 1975; В.Г. Бабаков, 1973б; З.П. Соколова, 1979в, 1981, 1982; А.И. Пика, 1982; Е.П. Мартынова, 1988а, 1988б, 1994б].

Одной из причин миграций хантов в начале XVIII в. была христианизация аборигенного населения Северо-Западной Сибири. Указ Петра I 1710 г. повелевал Тобольскому митрополиту ехать "во всю землю Вогульскую, и в Остяцкую и во все их уезды, и в Татары... и в волостях их, где найдешь их кумиры и кумирницы, пожечь, а их вогуличей и остяков и татар и всех иноземцев... приводить в христианскую веру" [Огрызко, с. 26]. С 1712 по 1720 г. состоялось несколько миссионерских экспедиций митрополита Филофея (Лещинского) на Обь, Иртыш, в ходе которых обские угры подверглись насильственной христианизации. Вероятно, часть хантов, стараясь укрыться от христианизации, ушла на иртышские и обские притоки, недоступные для миссионеров.

Другой и главной причиной миграций хантов Прииртышского ареала был постоянный, ежегодно нараставший приток в Западную Сибирь русского населения. Русские стали селиться в Нижнем Прииртышье с конца XVI в., сразу же после включения Западной Сибири в состав России, а на протяжении XVIII - XIX вв. приток русских переселенцев был настолько интенсивным, что коренные ханты оказались в численном меньшинстве среди окружавшего их пришлого (русского) населения. В XVIII - XIX вв. в низовьях Иртыша, на территории проживания хантов, существовало 5 русских волостей: Уватская, Демьянская, Юровская, Филинская, Самаровская. В них, по данным 1795 г., жило около

8000 ямщиков и крестьян. Численность же хантов на этой территории составляла около 1300 чел. В середине XIX в. численность русских в низовьях Иртыша составила около 11 700 чел. (прирост на 47%), хантов - около 2700 чел. По данным переписи 1897 г., в прииртышских волостях насчитывалось 19 718 русских и 2256 хантов. Со второй половины прошлого столетия русское население стало появляться в "иностранческих" волостях Прииртышского ареала. Так, в 1897 г. в волостях иртышских хантов числилось 439 русских (26,8% от общего числа населения), в Верх-Демьянской волости - 16 (11,4%), в Меньпе-Кондинской - 130 (12,2%), в Селяирской - 17 (16%). В 1865 г. тобольской Казенной палатой было принято постановление о присоединении хантыйских Темлячевской и Верхне-Демьянской волостей к русским Самаровской и Демьянской, хотя учет населения до 1920-х гг. по-прежнему велся отдельно по русским и "иностранческим" волостям [ГФ ГАТО, ф.152, оп. 44, д. 51, л. 8].

По-видимому, в XVIII - XIX вв. часть иртышских и демьянских хантов переселилась на Конду. По утверждениям кондинских старожилов, их край богат рыбой, зверем, дичью, ягодами, что, несомненно, привлекало переселенцев. Территориальная близость, схожесть языковых диалектов позволяют допустить, что рост численности хантов в Меньпе-Кондинской волости объясняется притоком населения извне. Сокращение численности иртышских и демьянских хантов, очевидно, связано как с их частичным обрусением, так и с миграциями в бассейн Средней Оби, где отмечался значительный прирост численности населения на протяжении XIX в.

2.

Этнические связи прииртышских хантов

На юге ханты Прииртышского ареала граничили с сибирскими татарами (*катань ях*), на востоке - с юганскими, пимскими хантами (*ягун ях*, *пинь ях*) и эвенками (тунгусами), на севере - со среднеобскими, или кодскими хантами, на западе - с кондинскими манси. Главной особенностью межэтнической ситуации XVIII

- начала XX в. в Прииртышье было то, что наряду с хантами здесь проживало много русских.

В середине 2 тыс. н. э. угорское население Нижнего Прииртышья находилось в интенсивных контактах с тюркским населением. В XFV - XVI вв. территория Тоболо-Иртышского междуречья входила в состав сначала Тюменского, а затем Сибирского ханств. Сибирское ханство состояло из отдельных улусов, часть из которых располагалась на угорских землях. Известно, что столица ханства Искер, или Кашлык, находилась на месте древнего укрепления угров. В то время происходила тюркизация угорского населения по рекам Тара, Тавда, Иртыш. Б.О. Долгих считал, что в XVII в. ряд татарских волостей Тобольского уезда ранее были населены хантами и манси, в том числе волости Аремзян, Надцы, Карбина и УК, Би-Туртас, Кул-Туртас, Уват "представляли южное ответвление прииртышских хантов" [Долгих, 1960, с. 52]. Граница между татарами и хантами оформилась к концу XVI в. и прошла по Конде и Демьянке. Южнее этого рубежа, где угорское население имело непосредственные контакты с татарами, произошла тюркизация хантов. Вероятно, одним из ведущих факторов ассимилятивных процессов была насильственная исламизация угорского населения. Ислам с его строгой регламентацией всех сторон жизни способствовал стиранию этнических различий между автохтонным угорским и пришлым тюркским населением в пределах Сибирского ханства. Еще П.Н. Буцинский обратил внимание на то, что "остяков, принявших магометанство, русские всегда называли татарами" [Буцинский, 18936, с. 23]. Часть же хантыйского населения, стремясь избежать исламизации, мигрировала к северу. В татарских рукописях сохранились сведения о военных столкновениях конца XIV в. между бухарскими мусульманами и иртышскими остяками. Последних не удалось обратить в исламскую веру, они бежали в тайгу, сохранив язычество [Каганов, с. 21-22].

Необходимо подчеркнуть, что в период XFV - XVI вв. тюрко-хантыйские контакты не сводились к вытеснению и ассимиляции угорского населения. Они имели более сложный и разно-сторонний характер. Сибирские летописи повествуют о походах

татарских ханов против остяков, в результате которых иртышские ханты были обложены данью. Остальные ханты, по мнению Г.Ф. Миллера, "из-за дальности расстояния не были покорены" [Миллер, т. 1, с. 198]. С.К. Патканов также считал, что влияние татар едва ли простиралось далее р. Демьянки [Патканов, 1891 а, с. 6]. С.В. Бахрушин допускал, что в зависимости от татар находились не только иртышские, но и демьянские, и даже приобские остяки [Бахрушин, 1955а, с. 153].

Сибирские ханы, по словам летописей, "дани и оброки со многих язык имаша, ...Кучум и дани со многих низовых язык имаша, и городки свои распространиша по многим местам" [Сибирские летописи, с. 186, 319]. Иными словами, установив с хантами даннические отношения, татары требовали своевременной и полной уплаты ясака ценной пушниной. Зависимость от Сибирского ханства состояла также в некоторой военной помощи ханам, ибо последние стремились найти военную поддержку у остяцких "князцов" с их "сборным" ополчением. Предания говорят и о военных столкновениях иртышских хантов с татарами. По сообщению Г.Ф. Миллера, после сражения Кучума у стен города Сибири "все остяки из местности по Иртышу, которых хан вызвал для усиления своего войска, покинули его и со страхом разбежались по своим юртам" [Т. 1, с. 230-231]. Таким образом, между Сибирским ханством и подчиненным ему угорским населением существовали отношения "дани и службы". Связи Кучума с остяцкими предводителями оказались непрочными и легко разрушились вследствие русского завоевания, местные "князцы" стали с легкостью отдаляться от хана и переходить на сторону Русского государства. В то же время в фольклоре иртышских, салымских, демьянских хантов есть упоминания о походах остяцких богатырей на конях против русских, в ходе которых они доходили до Тобольска [ПМА, 1984, Ханты-Мансийский р-н; 1993, Нефтеюганский р-н].

Любопытно, что в пределах Сибирского ханства существовали так называемые "кыштымные" и "тарханные" отношения между правителями и подчиненными. "Кыштымны" находились в полном подчинении хана. Слово "тархан", по замечанию

Г.Ф. Миллера, «являлось почетным званием у татар и в переводе значит "вольный господин". Обладатель его не обязан платить господину своей страны, но в случае нужды должен принимать участие в его походах. Что же касается его людей, то они наравне с прочими должны платить государю этой страны известную дань, хотя и более легкую» [Миллер, т.1, с. 222]. Быть может, название хантыйской Тарханской волости на Иртыше свидетельствует о таких "тарханных" отношениях между татарским ханом и остяцкими князьями и указывает на северную границу распространения военно-политического влияния Сибирского ханства.

Следует сказать и о хозяйственно-культурном взаимодействии хантов и татар. С одной стороны, под влиянием тюркского населения у прииртышских хантов получило дальнейшее развитие животноводство (прежде всего коневодство). С другой стороны, оттесняя угорское население на север, тюрки сами попали в иную географическую среду, и на первый план у группы заболотных татар выдвинулись занятия рыболовством и охотой. Приемы и способы промыслов были заимствованы ими у аборигенов-угров. Между соседями - татарами и хантами - развивались торговые связи. Объектами купли-продажи выступали продукты питания, предметы домашнего обихода, шкуры, пушнина, конское снаряжение и т.п.

Наконец, необходимо упомянуть о татарских заимствованиях XV - XVIII вв. в языке южных хантов. По мнению П. Хайду, у них насчитывается 200-300 слов татарского происхождения [Хайду, с. 48]. Татарские языковые заимствования в хантыйском языке распространены преимущественно по р. Конда, в основном это термины из области животноводства, земледелия, домашних работ, торговли, названия жилища, пищи, одежды [Караулов, с. 337]. Таким образом, тюркско-хантыйские взаимосвязи охватывали социально-политическую, хозяйственно-культурную и языковую сферы. Наиболее интенсивными они были в "дорусский период", затем приобрели более ограниченный характер и практически сошли на нет к XX в.

В дорусский период, судя по материалам С.К. Патканова, прииртышские ханты страдали от нашествий самоедов-ненцев,

приплывавших с севера на берестяных лодках. "Своими набегами самоеды тревожили в пределах Тобольского округа всю область Нижнего Иртыша до Демьянки и область Конды" [18916, с. 105]. По одной из легенд, неподалеку от деревни Готиловой Демьянской волости остяцкий богатырь Салхан убил самоедского князя, осаждавшего остяцкий городок на мысу Каттида ванда [Патканов, 18916, с. 99].

На связи хантов Прииртышского ареала с эвенками указывают данные лингвистики. По мнению П. Хайду, около 50 слов эвенкийского происхождения встречаются в восточных и южных диалектах хантыйского языка [Хайду, с. 48]. Согласно точке зрения В.А. Туголукова, "остяцкие князцы" Бояр и Самар, исполнявшие функции ясачной администрации при хане Кучуме, были по этнической принадлежности не остяками, а тунгусами. По подсчетам исследователя, в XVII в. насчитывалось около 125 иртышских тунгусов. Тунгусы-эвенки, по его мнению, появились в районе Прииртышья задолго до XVII в. «Возможно, они попа^{тм} туда либо с кимаками-кипчаками (IX - XI вв.), либо несколько позднее - с чжурчженями (XII в.), преследовавшими разгромленных ими киданей» [Туголоуков, с. 245, 267].

В середине XIX в. эвенки-оленоводы, согласно данным В.В. Васильева, появились в бассейне Демьянки. В 1925 г. в верховьях левых притоков этой реки кочевала группа Нихачевых (Лихачевых), состоящая из 8 семей с 300 оленями; 2 семьи Нихачевых выпасали оленей у оз. Парвеновское; 3 семьи Ваговских - у озера в верховьях Югораса и на его притоке Кацысе [Васильев В.В., с. 23]. В.В. Васильев отметил, что летом демьянские тунгусы устраивали для своих оленей загороди в форме подковы с дымокурами, в которые загоняли животных [с. 28]. Аналогичные летние сооружения для оленей устраивали ханты; вероятно, тунгусы восприняли эти сооружения от них. В.А. Туголуков допускал возможность того, что у этих эвенков были жены-хантыйки, поскольку женщины, якобы, были приписаны к Загваздинскому району Тобольского округа [С. 263].

В преданиях юганских, демьянских, салымских хантов нередко упоминаются эвенки *тункиш ях*. Отличительной чертой

хантыйских рассказов о тунгусах является наличие у последних больших оленьих стад: "Олени у них кругом, так много, что их даже не считают". Кроме того, информаторы указывали, что тунгусские олени были гораздо выше и массивнее хантыйских. Ханты обменивали оленей у *тункиш ях* на металлические изделия и порох. По словам старожилов-хантов, в 1930-е г. тунгусы оставили хантыйские земли, откочевав на восток. Часть эвенков была ассимилирована местным хантыйским населением, поскольку некоторые фамилии демьянских хантов (например, Наргины) ведут свое происхождение от народа *тункиш ях* (тунгусов) (ТМА, 1993, Нефтеюганский р-н).

В полевых материалах В.Н. Чернецова есть указание на то, что от тунгусов вел свое происхождение род Тришкиных (по моим данным, они же Гришкины) из селения Тугияны Казымской волости, которые считали себя *Тункас махум* и не относились ни к группе *Пор*, ни к группе *Мось* [Источники по этнографии Западной Сибири, с. 239]. Моими материалами информация В.Н. Чернецова не подтвердилась. Современные Гришкины относят себя к роду *Тук якын ёх* из группы *Пор*, или *Ас ёх*, и не помнят о своем неугорском происхождении. Название ю. Тугиянских - *Тук якын курпг*, они переводят как "деревня на дугообразном повороте" [ПМА, 1992, Белоярский р-н].

Контакты хантов Прииртышского ареала с кондинскими манси были интенсивными. С конца XVI в. происходило постепенное продвижение манси с запада на восток [Соколова, 1982, с. 25]. Близость языков, сходство культуры создавали условия для ассимиляции хантов Конды мансийским населением. По мнению З.П. Соколовой, в бассейне Средней Конды и ее притока Карыма ассимиляция хантов завершилась в первой половине XIX в. [1982, с. 25]. В материалах ревизской переписи 1816 г. население Леушанской волости на Средней Конде числилось остяцким, а во время ревизии 1858 г. жители волости были записаны вогулами. Граница между хантами и манси в этом районе окончательно оформилась к середине XIX в.: она прошла западнее устьев рек Юконда и Катыш. В процессе ассимиляции кондинских хантов манси определенную роль сыграли брачные контакты. По дан-

ным З.П. Соколовой, в XVIII в. доля браков кондинских хантов с кондинскими манси составила 17%, а в первой половине XIX в. - 63%. У кондинских манси с хантами в XVIII в. было заключено 28% от общего числа браков, в первой половине XIX в. - 27% [1990, с. 106-107].

С XVIII в. жизнь хантов Нижнего Прииртышья протекала под постоянно усиливавшимся влиянием со стороны все возраставшего русского населения. Массовый приток в Нижнее Прииртышье русских крестьян привел к установлению территориальной этнической "чересполосицы" хантов с русскими. На картах Тобольской губернии прошлого столетия видно, что хантыйские селения либо находились в 1 - 2 км от русских, либо, что встречалось не так уж редко, одно селение подразделялось на две части: русскую и хантыйскую. С учетом этих обстоятельств объединение волостей, задуманное губернской администрацией во второй половине прошлого века, было вполне обосновано. Проживание по-соседству способствовало активным хозяйственно-культурным контактам между русскими и хантами. Ханты многое воспринимали от преобладающих численно русских в повседневном быту. Тесные связи и постоянное общение постепенно приводили к обрусению некоторых групп хантов в Нижнем Прииртышье. Мне довольно часто приходилось слышать от информаторов-хантов: "Мы обрусевшие ханты. По-хантыйски очень редко разговариваем. Одежды своей национальной не носим, обычаи забыли". Как обрусевших оценивали местных хантов и русские старожилы Прииртышья [ПМА, 1984, Кондинский р-н; 1985, Ханты-Мансийский р-н; 1993, Нефтеюганский р-н].

Обрусение сами ханты определяли по-разному. По их словам, овладение элементами русской культуры, т.е. ношение "русской" одежды (платьев и блузок из ситца), строительство домов "по русскому образцу", забвение традиционных обрядов, обычаев (хотя подчас и в чисто внешнем выражении) и даже частичное восприятие русской обрядности, прежде всего календарных православных праздников, переход на русский язык еще не были признаками превращения ханта в русского человека *руть хо*. Внешне обрусевшие ханты довольно стойко сохраняли свое

этническое самосознание, отделяя себя от русских. По-видимому, этому способствовало сохранение вплоть до 20-х гг. нашего столетия специфического социального статуса хантов - "ясашные", "инородцы". Полное обрусение, в понимании информаторов, наступало тогда, когда вся семья и даже целое селение переставали вообще носить что-либо из национальной одежды, использовать в быту традиционные вещи, соблюдать свои обычаи и обряды, говорить по-хантыйски [ПМА, 1984, Кондинский р-н; 1985, Ханты-Мансийский р-н].

Несмотря на то что ханты в Прииртышском ареале жили в окружении численно преобладающих русских, суда по данным З.П. Соколовой, смешанные хантыйско-русские браки все же встречались довольно редко. По подсчетам исследовательницы, в XVIII в. в хантыйских волостях Тобольского округа было заключено 12 браков с русскими (1,3% от общего числа браков), в первой половине XIX в. - 29 (3,6%) [1981, с. 54]. В процессе обрусения главную роль играли социально-экономические и культурные связи, а не межнациональные браки.

Влияние русских на культуру и быт хантов в Прииртышском районе было неодинаковым. Так, уже в конце XVIII в. было замечено, что у остяков, живущих в Тобольском округе по берегам Иртыша, "нравы и обычаи их, так же и покрой платья сходствуют с русским, более же тех, кои чаще сближение с оными имеют" [Описание Тобольского наместничества, с. 28-29]. В начале XIX в. Ф. Белявский подтвердил, что остяки, живущие при устье Иртыша, "в сравнении с прочими остяками, живущими вниз по реке Оби, гораздо образованнее. Дома у них очень хорошие, лошадей и коров у них множество, и весь домашний быт сходен с образом жизни русских крестьян" [Белявский, с. 17-18]. В середине XIX в. М.А. Кастрен отметил, что у иртышских остяков русское влияние «сказывается всюду: в религии, в нравах, обычаях, и в чувствовании, и в мышлении» [Кастрен, 1860, с. 228]. В начале XX в. А.А. Дунин-Горкавич писал: "Там, где среди остяков разбросаны оазисами русские селения, или сами остяки проживают близ границ сплошных русских поселений, весьма заметно влияние на остяцкую жизнь русской культуры" [Дунин-

128]. У иртышских хантов процессы обрусения начались раньше и протекали более интенсивно. Гораздо большую самобытность вплоть до начала нашего столетия сохраняли ханты, расселенные по притокам, особенно в селениях по их среднему и верхнему течению: салымские, кондинские, демьянские.

3
Г

Традиционная хозяйственная деятельность и особенности социальной организации прииртышских хантов

Традиционный хозяйственный комплекс хантыйского населения Нижнего Прииртышья базировался на рыболовном и охотничьем промыслах, подсобное значение имели животноводство, сбор лесных ягод и орехов, а в самой южной части ареала ханты занимались и земледелием. В соответствии с природно-географическими условиями выявлялись локальные различия внутри ареала: по берегам Иртыша и низовьям его крупных притоков (Демьянки, Конды, Назыма, Салыма) доминировало рыболовство, по среднему и верхнему течению притоков преобладала охота, животноводство наибольшее развитие получило в пойме Иртыша.

К В традиционной системе жизнеобеспечения прииртышских хантов ведущее место занимало рыболовство. В бассейне Иртыша водились такие виды промысловых рыб, как сырок, щука, елец, язь, окунь, плотва, карась и др. Способы и приемы лова были сходными у разных групп обских угров, как, впрочем, и у соседних народов, - ненцев, селькупов, татар. Они определялись географическими условиями местности, временем года и биологическими особенностями вылавливаемой рыбы. Ловили рыбу круглый год. Ранней весной, до появления "прибылой воды", добывали в протоках посредством сплошных заграждений - запоров *пол*, а также малыми неводами и плетеными рукавами. Во время половодья лов осуществлялся в заводях сетевыми орудиями. Самый интенсивный рыболовный период приходился на июнь-июль. Летом рыбу промыслили в сорах сетями, с началом спада воды в

речках, протоках, озерах ставили запоры, тогда же начинали неводить. Осенью ловили плавными сетями и при помощи заграждений. В зимний период промышляли посредством запоров со ставными сетевыми орудиями - сетями и чердаками. В низовьях Иртыша зимой был распространен так называемый "юровой" лов, основанный на том, что ценная рыба (осетр, стерлядь) стайкой залегает в ямах, глубоких местах, быстринах. Такие места на Иртыше хорошо известны местному населению. Например, в пределах Назымской волости "юрковые" располагались у ю. Летнебуренских, Варлымовских и Солянских. Жители следили за тем, чтобы рыбу не ловили в неурочное время. "Юровой" лов длился несколько недель, со второй половины ноября до начала января. Он производился одновременно всем селением или даже несколькими соседними селениями, поскольку "ямы" находились в коллективном пользовании. В начале "юровой" распределяли места лова (по числу участников), ставили вехи, затем делали проруби. Орудиями промысла служили самоловы, осмотр которых производился в определенном порядке, начиная с нижней проруби. В конце XIX в. улов рыбы на одной "юровой" составлял от 10 до 800 пудов, в зависимости от продуктивности места улова [Варпаховский, т. 2, с. 44-57].

В первой половине XIX в. ежегодная добыча рыбы хантами Прииртышского ареала колебалась от 34 018 до 49 037 пудов. Значительная часть улова шла на продажу. В Нарымской волости продавалось около 93% улова, в Тарханской - около 86%, в Темлячевской - от 80 до 89%, в Назымской - от 61 до 78%, в Меньше-Кондинской - от 42 до 47% [Подсчеты по данным РГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 275, л. 212-213, 241-242]. Эти данные свидетельствуют о высоком уровне товарности рыболовства у прииртышских хантов уже в начале прошлого века.

Наряду с рыболовством важную роль в хозяйстве хантов Нижнего Прииртышья играл охотничий промысел. Объектами охоты были соболь, лисица, горностай, россомаха, заяц, медведь, лось, дикий олень, а также водоплавающая и лесная дичь, самым массовым промысловым зверем была белка. Охотничий сезон начинался осенью и длился всю зиму. С ноября начинали про-

мышлять лисиц, их гоняли на лошадях с нагайками по неглубокому снегу. Зимой на них настораживали самострелы, весной промышляли капканами. Соболей добывали черканами и с помощью сети. Зайцев ловили в течение всей зимы капканами, слопцами и луками-самострелами. Росомах и горностаев промышляли черканами и ружьями.

На крупных копытных (лосей, диких оленей) практиковался загон в специально устроенные "засеки" или "загороди", весной их "гоняли по насту", летом, в комариную пору, били у речек и ручьев, нередко с лодок. Медведей обычно "упромышливали" артелью в берлоге.

Из дичи наибольшее промысловое значение имели утки, гуси, глухари, тетерева, рябчики. На уток охотились весной, вскоре после прилета, перевесом и летом, в июле, сетями и при помощи собак. Гусей и лебедей били весной и осенью. Лесных птиц промышляли с середины августа до первого снега слопцами и ямах. Зимой ловили куропаток и рябчиков сетями и пленками.

В материалах Сибирского комитета по Тобольскому округу сказано: "Прежде звероловство было у них богато, судя по неизменным пространствам лесов, а ныне леса сии во многих местах выгорели, и именно такие, где были главные промыслы" [РГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 275, л. 406]. Об "упадке звериной промышленности" хантов писали и многие авторы XIX в. В XVII - XVIII вв. была широко распространена охота на ценных пушных зверей (соболей, бобров, лис), в XIX в. их промысел сократился, в конце столетия "наибольший и наивернейший доход ловцам доставляла белка" [Дунин-Горкавич, т. 1, с. 149].

В летний период прииуртышские ханты вели сбор лесных ягод (смородина, голубика, брусника) и кедровых орехов. В близости от русских селений и торговых центров развивалось товарное собирательство. Особенно славилась "ягодным промыслом" р. Конда. У кондинских хантов ягоды служили предметом обмена и торговли, они сбывались специальным скупщикам. По своему значению в системе жизнеобеспечения сбор брусники на Конде шел вслед за ловлей рыбы, оттеснив охотничий промысел на третье место. У каждого селения были свои ягодные боры,

причем у жителей некоторых юрт мест для сбора ягод насчитывалось до 20. Право на сбор брусники у коренного населения выкупали соседние русские [Дунин-Горкавич, т.2, с. 187]. Для повышения урожайности ягод практиковалось периодическое выжигание лесов и кустарников. "Кедровый промысел" был особенно распространен у хантов Темлячевской и Нарымской волостей. Вблизи крупных селений на Иртыше сбор орехов имел торговую направленность.

Важной отраслью хозяйства у хантов Прииртышского ареала было животноводство. В XVIII - XIX вв. домашний скот держали жители всех волостей, хотя наибольшее развитие животноводство получило по берегам Иртыша, где имелись хорошие пастбищные и сенокосные угодья.

Щрииртышские ханты держали лошадей, коров, овец. Общее поголовье скота, по данным за 1828 г., составляло: лошадей • 1508 голов, коров - 1209, овец - 535 [РГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 275, л. 213-214, 241-242]. Видовая структура поголовья скота по волостям имела некоторые различия. Проследить динамику изменения поголовья скота у прииртышских хантов на протяжении XIX в. сложно ввиду того, что материалы II ясачной комиссии (1828 г.) содержат сводные данные только по волостям, без выделения отдельных юрт, а в конце века были обследованы лишь несколько селений Нижнего Прииртышья. По сведениям Тобольского окружного полицейского управления, в 1897 г. ханты Меньные-Кондинской волости держали 467 лошадей, 418 коров, 139 овец; в Назымской: 122 лошади, 168 коров, 63 овцы, в Нарымской: 379 лошадей, 313 коров, 146 овец [ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 1, д. 43, л. 7]. По сравнению с 1828 г. поголовье лошадей в этих трех волостях увеличилось на 37%, коров - на 32%, овец уменьшилось на 13%.

Средняя похозяйственная обеспеченность лошадьми у прииртышских хантов в начале XIX в. колебалась от 0,7 в Салымской волости до 4 голов в Назымской; коровами - от 0,5 в Селиярской до 4,7 голов в Назымской, овцами - от 0,4 в Темлячевской до 5 голов в Назымской [Подсчеты по данным РГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 275, л. 213-214, 241-242]. В конце XIX в. средняя похо-

зяйственная обеспеченность лошадьми у хантов ареала составляла от 2,5 голов в Нарымской до 3,8 в Темлячевской; коровами - от 2,7 голов Нарымской до 4,3 в Назымской; овцами - от 0,1 в Меньине-Кондинской до 2,6 голов в Назымской [Патканов, 1891в, вып. XII, прилож., с. 13-14]. Следует заметить, что средние величины далеко не отражают реальной картины обеспеченности хозяйств теми или иными видами скота. В Прииртышье имелись хантыйские хозяйства, вообще не державшие домашнего скота, встречались и хозяйства, имевшие всего одну лошадь, а большинство семей держало по 1 - 3 лошади, 1-2 коровы [Патканов, 1891в, вып. XII, прилож., с. 17,21]. Максимальное число скота в одном хозяйстве составляло 8 - 10 лошадей, столько же коров и овец.

Животноводство в Прииртышье успешно развивалось в местах, имевших для этого благоприятные условия, прежде всего в пойме Иртыша. Ханты отводили под пастбища луга, ограниченные естественными препятствиями - реками, озерами, болотами. Скот выпускали на пастбища в мае, а загоняли в сентябре - начале октября, лошадей иногда даже в ноябре, после ледостава. В летний период коров держали вблизи селений, за лошадьми никакого присмотра не было. В начале лета кони паслись по высоким берегам реки, по мере спада воды переходили на заливные луга. Иногда табуны уходили за 20-50 верст и даже далее от селения. Как заметил С.К. Патканов, "нужда в них являлась лишь тогда, когда устанавливался санный путь... летом же здесь в конях не нуждались" [1891в, вып. XII, с. 104].

Несмотря на широкое распространение коневодства у прииртышских хантов, оно не являлось самостоятельной специализированной отраслью хозяйства, а было вспомогательной по отношению к рыболовству, на лошадях вывозилась добытая рыба [Патканов, 1891в, вып. XII, с. 161]. Кроме того, лошади использовались на пахотных работах. Разведением лошадей ханты практически не занимались, обычно их покупали у русских или татар.

Помимо лошадей в качестве транспортных животных прииртышские ханты использовали собак. На собаках ездили жители

селений, располагавшихся по притокам, где коневодство не было распространено. Повсеместно собаки использовались при перевозке грузов в домашнем быту (дров, воды, сена). Охотничьих собак держали все хантыйские семьи. Обычно охотничья собака обучалась ходить за каким-либо определенным видом зверя.

I Земледелие у хантов Прииртышского ареала носило весьма ограниченный характер, им занимались только иртышские ханты. Причиной распространения земледелия у аборигенного населения Сибири С.В. Бахрушин считал повседневный хозяйственный и культурный контакт с русским крестьянством [1955г, с. 160]. "Хантыйское" земледелие практически не отличалось от той же отрасли хозяйства у русского населения по агротехнике (трехпольная система с элементами перелога) и возделываемым культурам (рожь, овес, ячмень). Ограниченное количество удобных для хлебопашества земель заставляло земледельцев использовать различные способы поддержания на достаточном уровне производительности этих земель - пар, удобрения, смену культур [Пундани, с. 117]. Основным орудием земледельца в северных районах была соха-"рогальюха", которая запрягалась одной лошастью. Хотя "рогальюха" требовала от пахаря больших физических усилий, ею было удобно орудовать при распашке лесных новей и небольших пашен. Усовершенствование этого вида сохи в XVIII - XIX вв. состояло в том, что особое приспособление (перо, шабала, крыло) помогало лучше отваливать взрыхленную землю [Лапин, с. 491]. Суровые климатические условия требовали тщательной обработки земли. В Тобольском округе землю под посев готовили в мае. После вспашки и удобрения земли навозом поле боронили и еще раз пропахивали. Только тогда сеяли хлеб и еще раз боронили [Описание Тобольского наместничества, с. 252].

Чисто земледельческих волостей у хантов, в отличие от манси, не было. Северная граница распространения зерновых культур проходила у ю. Репаловских Нарымской волости [Кастрен, 1860, с. 228; Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г., с. 184]. По сведениям Х.М. Лопарева, в 1867 г. предпринимались попытки хлебопашества в районе Самарова, но они оказались безуспешными. Даже в более южной русской Деньщиковской

волости "урожай едва превышал цифру посева" [Лопарев Х.М., с. 29].

Иртышские ханты занимались земледелием меньше русских крестьян, поскольку в гораздо большей степени были заняты промыслами. С.К. Патканов заметил: "Во многих инородческих волостях, чересполосных с русскими, земледелие практикуется в незначительных размерах или даже вовсе не существует, хотя для соседей их - крестьян хлебопашество составляет важный источник пропитания" [1891в, вып. X, с. 132]. У хантов число семей, занимавшихся земледелием, значительно уступало русским, жившим в соседних селениях. Так, в конце XIX в. в северных русских волостях, чересполосных с хантыйскими, хлебопашеством занимались 46,3% домохозяев, а в хантыйской Назымской, в которой земледелие было наиболее развито, сеющие дворы составляли 33,3% [Патканов, 1891в, вып. X, с. 334, 336]. В начале XIX в. в Туртасской и Назымской волостях на один наличный двор приходилось 1,3 десятины пашни, а в Нарымской, Вер&Демьянской и Тарханской волостях по 0,1 - 0,3 десятины [Подсчеты по данным РГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 275, л. 211, 213-214]. В конце XIX в. величина запашки, приходящейся на одну семью, была примерно одинаковой у русских и у хантов. Так, в инородческой Назымской волости на сеющий двор приходилось 1,1 десятины, а на наличный - 0,4 десятины; в русской Уватской волости на каждый сеющий двор приходилось 1,2 десятины, на наличный - 0,8 десятин; в русской Юровской - соответственно 1,0 и 0,7 десятин [Патканов, 1891, вып. X, с. 334, 336].

Поскольку земледелие в Нижнем Прииртышье было крайне неустойчивым, количество пахотной земли в хантыйских дворах то увеличивалось, то сокращалось. Например, размеры земельной запашки в 1887-1888 гг. оказались значительно ниже тех, что существовали в 1883-1884 гг. Причинами тому были, по мнению С.К. Патканова, неблагоприятные природно-географические и климатические условия, в силу которых пашни часто страдали от холодов, наводнений, иногда после сбора урожая не получали даже семян [Патканов, 1891в, вып. X, с. 344].

\Северные округа Тобольской губернии не могли обеспечить себя хлебом. По подсчетам С.К. Патканова, средняя запашка на личной инородческой семье была в 1887-1888 гг. в шесть раз меньше требуемой [1891в, вып. X, с. 343]. Население всех хантыйских волостей пользовалось покупным хлебом. В конце XVIII в. в Западной Сибири были открыты "хлебозапасные магазины", через которые "инородцы" получали необходимые запасы муки и другие продукты, а также порох и свинец!. В XIX в. в Тобольской губернии было 18 "хлебозапасных магазинов" [ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 40, д. 251, л. 18 об.]. Большое количество хлеба покупалось у купцов. \

Несколько большее распространение, по сравнению с земледелием, у иртышских хантов получило огородничество, развившееся под влиянием русского населения. У многих хантыйских семей имелся огород, где сажали картофель, морковь, репу, горох, капусту. Картофель стал распространенной культурой среди иртышских хантов к концу XIX в. [Лапин, с. 491].

Выше уже отмечалось, что ситуация в Нижнем Прииртышье благоприятствовала сближению русского и хантыйского населения. Ханты заимствовали у русских многие приемы земледелия и животноводства. Необходимо подчеркнуть, что развитие именно этих отраслей хозяйства способствовало обрусению населения. Временем наиболее значительной и глубокой перестройки традиционного бытового уклада хантов Нижнего Прииртышья был XIX в. Уже ко второй половине этого столетия многие семьи перестали выезжать на летние места. По свидетельству С.К. Патканова, иртышские ханты постоянно жили "в одних и тех же зимних и реже летних юртах". У кондинских также "заметно стремление к переходу к оседлому образу жизни. Те же инородцы, которые живут вдали от больших путей и у которых более сохранились их старые обычаи и привычки, по-прежнему с наступлением лета перекочевывают в свои летние юрты, которые иногда расположены на расстоянии 2 верст от зимних, иногда же на 20 и более верст" [1891в, вып. X, с. 53].

Специфика социальной организации хантов Прииртышского ареала связана с тем, что эта территория ранее других хантыйских земель оказалась в орбите не только иноэтничного, но и государственного влияния: сначала тюркского (период Сибирского ханства), затем русского, что сказалось на темпах и степени разрушения традиционных родоплеменных структур. По сравнению с другими регионами проживания хантов, здесь уже в конце XVIII - XIX вв. на первый план выдвинулись территориально-соседские, а не родовые (генеалогические) связи; основными социально-производственными ячейками являлись семья и община.

Большинство хантыйских поселений в Прииртышье были многофамильными по составу жителей, что свидетельствует о разрушении родственных связей и о развитии соседских. В двух волостях, Верх-Демьянской и Салымской, преобладали поселения, населенные родственниками-однофамильцами. В первой, по данным за 1858 г., однофамильными были 7 юрт из 15, во второй - 9 из 11. Судя по данным ревизских переписей, в XVIII - XIX вв. у прииртышских хантов преобладали малые семьи численностью 4-6 человек, удельный вес больших неразделенных семей с 1782 по 1858 г. сократился с 26 до 13% [Мартынова, 1986, с. 170-181].

Прииртышский ареал ранее других оказался втянутым в товарно-денежные отношения. Здесь еще с XVII в. развивались арендные отношения: нуждаясь в средствах для уплаты ясака, покупки орудий труда, продуктов питания, ханты отдавали в аренду ("кортом") свои рыболовные угодья. Х.М. Лопаревым приведено множество фактов "кортома" "рыбных ловель и сенокосов" в XVII - XVIII вв. [1892, с. 58-73]. В XIX в. арендные отношения русских с коренными жителями Прииртышья еще более упрочились, стали обычным, распространенным явлением и приняли более широкие масштабы. Так, в середине XIX в. инородцы Темлячевской волости отдавали в "кортом" 11, Нарымской и Тарханской волостей - 5, Селиярской - 4 песка. Сделки обычно заключались на небольшой срок: на лето, на три-четыре года. Плата колебалась от 6 до 240 руб. в год в зависимости от продук-

тивности угодий [ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 39, л. 182]. Нередко арендаторы вели на "кортомленных" угодьях только летний промысел, в остальное время года промысляли "владельцы" - ханты.

Аренда охотничьих угодий была распространена в Нижнем Прииртышье в меньших масштабах, чем рыболовных. По данным за 1828 г., ханты Туртасской волости отдавали в аренду "звероловных угодий" на 87 руб. в год, Верх-Демьянской - на 45 руб., Меньине-Кондинской - на 100 руб. [РГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 275, лл. 215, 216].

Устойчивыми у хантов Нижнего Прииртышья были патронимические связи, весьма значимые в опромышленивании угодий вплоть до начала XX в. Примеры патронимической (родовой) собственности на угодья у иртышских хантов приводились С.К. Паткановым [1891а, с. 18-19] и А.А. Дуниным-Горкавичем [т. 1, с. 77].

Родственники-однофамильцы по линии отца считались у прииртышских хантов представителями одного рода. Родовые связи играли существенную роль в культовой практике. Деления на группы *Пор* и *Мосъ* не обнаруживается по полевым материалам. У салымских хантов сохранилось предание о сражении с войском людей *Пор* на Салыме [ПМА, 1993, Нефтеюганский р-н].

Особенности традиционной культуры хантов Прииртышского ареала

Описаний традиционного жилища прииртышских хантов не сохранилось. Свидетели конца XIX в. отмечали, что дома иртышских хантов почти не отличались от домов русских крестьян. В быту у коренных жителей широко использовались "русские" (точнее, покупные) утварь, одежда, в частности, везде бытовали! русские самовары. Из традиционной хантыйской утвари повсеместно встречались сосуды, плетеные из корней кедра (так называемые корневатика), распространенные здесь более, чем в других районах расселения хантов; утвари же из бересты использо-

валось меньше, чем у соседних групп кодских и юганских хантов. Обязательной принадлежностью хантыйского жилища были сделанные на станке циновки из травы, которые расстилались на нарах на спальных местах. Необходимо подчеркнуть, что только у хантов Прииртышского ареала существовало ткачество. На станке горизонтального типа изготовлялись не только циновки, но и крапивная ткань. Крапивное полотно использовалось для шитья одежды.

В зимний период основным средством передвижения у хантов Прииртышского ареала были конные сани (как и у русских крестьян) и ручные (собачьи) нарты. По словам информаторов, на Конде ханты ездили на собаках вплоть до 60-х гг. нашего столетия. По данным Л.Р. Шульца, конные сани в верховьях Салыма напоминали русскую кошевку, но с более узким задком и на более высоких копыльях без отводов. В низовьях Салыма и прилегающей к нему части Оби были распространены прямокопыльные нарты с кузовом из досок, возвышающейся спинкой и коробообразным устройством передка [Шульц, 1924, с. 187]. Обрусевшие ханты пользовались санями и конской упряжью русского производства.

В летний период основным транспортным средством служила лодка. В Прииртышье получили распространение большие лодки из кедровых досок и легкие долбленные обласки из осины, встречались и обласки с набоями. Если зимние средства передвижения заимствовались хантами у русских (конные сани), то летний водный транспорт, наоборот, был воспринят русскими от коренного населения. Хантыйские обласки бытовали и среди русских для плавания по небольшим речкам.

Одежда хантов Прииртышского ареала отличалась обилием украшений, как нашитых на одежду, так и съемных. Мужская рубаха из крапивного холста была прямого покроя с маленьким отложным воротником или воротником-стойкой из сукна. Женская рубаха, также крапивная, туникообразного покроя шилась с небольшим воротником или без него. Цветными шерстяными нитками вышивалась верхняя часть рукавов, центральная часть стана: спереди до подола или пояса, сзади - до лопаток; обшлага

рукавов украшались бисером. Иногда вышивка заполняла весь перед и рукава рубахи. Украшение рубах вышивкой выделяло прииртышские вещи среди одежды других групп хантов, хотя внутри рассматриваемого ареала имелись локальные различия в характере украшений. В вышивке преобладали синий и красный цвета, самым распространенным узором был крест. В качестве шейных украшений использовались стоячие воротники из нашитого на холст сукна, украшенные бисером и бусами [Прыткова, с. 208].

Поверх платья женщины надевали кафтаны из черного или синего сукна с подкладом из ситца, тика или холста с небольшим стоячим воротом. Полы у кафтанов были прямыми, спинка цельная, скроенная в талию; бока отрезные, пришитые у пояса в сборки; рукав прямой. Все швы кафтана, плечи, нагрудный разрез, полы, обшлага украшались ажурным бисерным шитьем. Как украшение использовались также литые медные пуговицы с ушком [Прыткова, с. 185]. В холодное время года и мужчины, и женщины носили шабур - суконную одежду прямого покроя. По сообщению Н.Ф. Прытковой, в XVII - XVIII вв. для изготовления теплой одежды единственным материалом служила рыбаья кожа [с. 124-125], авторы XIX в. о ней не упоминают. Зимой прииртышские ханты надевали овчинные шубы, иногда крытые какой-либо тканью.

Обрусевшие хантыйские женщины предпочитали широкие юбки с оборкой, кофты из цветного ситца с воротником-полустойкой, расшитым бисером или украшенным оловянными подвесками. Полосками бисера украшали нагрудный вырез, плечи и обшлага рукавов. Широко бытовала покупная одежда: жилеты, пиджаки, шубы-армяки.

Только в Прииртышском ареале в качестве женского головного убора бытовали треугольные косынки из холста *хатань охчам* ('татарский платок'), которые носили наряду с платками, характерными для других групп обских угров. Косынки расшивались цветными шерстяными нитками, бисером, сзади прикрепляли подвески. Аналогичным образом украшались и платки. Вплоть до начала XX в. женщины носили головные повязки со-

рават, надеваемые под платок. Спереди на повязку нашивали полоску сукна или бумажной ткани, вышитую бисером [Историко-этнографический атлас Сибири, с. 330]. Хантыйские женщины носили две косы, заплетенные от висков, в которые вплетали косники - ажурные подвески из цветного бисера, заканчивающиеся кисточками из цветной шерсти или металлическими жетонами [Прыткова, с. 207].

Из мужских головных уборов были распространены невысокие круглые шапки с конусообразной тульей и околышем из меха. Среди хантов региона широко бытовали вязаные из овечьей шерсти носки и чулки "с узорами", из обуви - башмаковидные чирки без голенища с низкой головкой.

Пожалуй, в верованиях хантов Прииртышского ареала наиболее полно, по сравнению с другими местами, проявлялся синкретизм хантыйского язычества и русского православия. Ханты держали иконы в домах, носили нательные кресты, совместно с русскими отмечали такие православные праздники, как Рождество, Крещение, Пасха, Троица, Петров день и др. В их праздновании отчетливо проступает контаминация православных и языческих традиций. В эти дни посещали церковь и священные места. Примечательно, что Троицу отмечали только прииртышские ханты, в других местах мои информаторы ничего не знали об этом празднике и троичской обрядности. Вместе с тем, в Прииртышье не отмечали Вороний день, который у многих групп хантов считается одним из основных "национальных" праздников. На Троицу с утра в лесу срубали березку и ставили ее за домом с наружной стороны священного угла. По языческой традиции, на ветки березки вешали кусочки цветной ткани; в этот день на дворях хлебов рисовали кресты. Было принято ходить друг к другу в гости, веселиться. В Родительский день ходили на кладбище, поминали умерших родственников 1 [ПМА, 1985, Ханты-Мансийский р-н; 1993, Нефтеюганский Дг-н].

Православные праздники наполнялись языческими ритуалами и атрибутами: приклады в церкви в виде лоскутов ткани и монет, моления с принесением кровавых жертв на Петров день, Семенов день, Прокопьев день. Описание одного из таких жертвоприношений у кондинских хантов дано в материалах Общества изучения края при Тобольском музее. В Прокопьев день после установки летних запоров остяки собирались всем селением на берегу Конды, накрывали столы. Духа воды "угощали" едой со столов и брагой, затем забивали корову, обмывали тушу в реке, мясо варили и несли в деревню, а кости и шкуру опускали в омут. Всеми действиями руководил шаман [Искра, с. 38-39].

В сознании хантыйского населения существовало довольно четкое разделение богов на своих, хантыйских, и чужих, русских. Из православного пантеона наиболее почитаемы были Николай Угодник (Микола) и Богородица. В этой связи любопытен один из документов в делах Комитета Севера, содержащий рассказ демьянского ханта Григория Наргина. "Стало брать меня, который бог сильнее - русский или наш. Подошел Миколин праздник (19 декабря). И захотелось мне Миколу испытать. Зажег я ему свечку, а рядом с ним поставил нашего бога на божницу. Однако своего бога надо тоже почитать. Надел ему на голову шапку. Сам ушел спать. Утром любезно открываю дверь и вижу - наш у Миколы свечку вышиб, а Микола у нашего шапку стянул - лежат на полу. Так я и не узнал, который бог сильнее" [ГАРФ, ф. 3977, д. 41, л. 15].

По-видимому, ситуацию в Нижнем Прииртышье можно охарактеризовать как двоеверие - признание и языческих, и христианских богов. Представления о сущности православной веры, о православных канонах были у хантов очень смутными и неопределенными. Особенно живучей языческая религия была у салымских и демьянских хантов. Большим почитанием в регионе пользовался *Санге*. По К.Ф. Карьялайнену, слово "*Санге*" означает "свет", "белизна", "светлый", "яркий". Это благосклонное к людям божество, которому можно приносить жертвы и в молитвах выражать свои просьбы [1911, № 37-39, с. 126-127]. Демьянские ханты ежегодно 1 сентября приносили *Санге* в жертву корову на

священном месте за деревней. Подробное описание церемонии жертвоприношения дал К.Ф. Карьялайнен [1911, № 37-39, с. 139-144]. В.М. Кулемзин приводит сведения о богине *Санге*, почитаемой иртышскими осятками, которая "была известна своей неограниченной властью, пребывала в стороне восходящего солнца и ассоциировалась со светом" [Кулемзин, Лукина, 1992, с. 94]. Мои информаторы из салымских и кондинских хантов упоминали о верховном божестве *Санге*, тождественном *Торуму* у других групп угров. Относительно слова "*Торум*" у К.Ф. Карьялайнена есть такое замечание: "У демьянских осятков ... Торум не есть имя какого-либо отдельного бога, а ... или нарицательное имя, или же название христианского божества..., к нему они не обращались ни с молитвами, ни с жертвоприношениями [1911, № 37-39, с. 126]. Подобные объяснения мне приходилось слышать от хантов на Салыме и Конде. В то же время салымские ханты знали и верховного бога-демиурга *Торума*. У них сохранились воспоминания о поклонении "верхнему" богу *Ыныт Торум* ('Большой бог') или *Канц ики*. На поклонение к нему салымские ханты съезжались осенью в ю. Рымовские. Хранителями (*мир ок ку*) божества считались Рымовы, в доме у которых после совершения жертвоприношения проводили праздник. По словам салымцев, *Канц ики* определяет судьбы людей, посылает удачу. Ему приносили в жертву либо жеребенка, либо теленка, либо свинью, либо петуха; в качестве прикладов дарили отрезки ткани белого или красного цвета; священным деревом *Канц ики* считался кедр [ПМА, 1993, Нефтеюганский р-н].

Один из основных персонажей обско-угорского пантеона *Мир венты ху* ('За миром наблюдающий человек') известен приртышским хантам под именем *Охус ики* ('Запада старик'). Его священное место, по словам информаторов, находится недалеко от г. Ханты-Мансийска. Он считается сыном верховного бога, объезжает на белом коне землю, охраняет покой на ней. Богиню-жизнеподательницу, покровительницу женщин и детей, жену верховного бога прииртышские ханты называют *Каттась ими*. Ей полагается жертвовать петуха, дарить цветную ткань.

За помощью прииртышские ханты чаще обращались к божествам более низкого ранга - духам-хозяевам реки, селения, семьи. В Сибирских летописях упоминается богиня Рача, которой поклонялись нижнеиртышские ханты. "Егда же доплыша Рачева городища и ту котелные шейтанчики збиратели со всех юрт на молбщце к шейтану Рачю, и в зборе их многое" [Сибирские летописи, с. 334]. По сведениям К.Ф. Карьялайнена, иртышские остяки очень значительным считали духа деревни Чингала (ю. Цингалинские) *Вотс охт ими*, жертвоприношение которому устраивали в Петров день. Из других иртышских божеств исследователь упомянул Торного старика' (селение Яч), 'Духа-лису' (селение Саргач), 'Карася-духа' (селение Согом) [1994, с. 152, 153].

У салымских хантов главным божеством считается *Сотом ты ики* ('Вершины Салыма старик'), покровительствующий всем жителям бассейна этой реки. Он является богом грозы, владельцем семи гроз. По поверьям, ежегодно в июле он "ездит" в гости на р. Большой Юган к юганским богам, а в августе возвращается обратно. Летние грозы местные ханты до сих пор объясняют путешествием Сотом ты ики. Среди важных салымских духов К.Ф. Карьялайнен назвал 'Мужчины, стреляющие в глаз' (ю. Чагровы), 'Старика с Окуневого озера' (ю. Кинтусовы), 'Старика пустоши' (ю. Соровские) [1994, с. 153]. В ю. Сивохребских на Салыме почитали налима, эту рыбу, по словам Л.Р. Шульца, не ловили и не ели. Перед началом рыболовного сезона "налимьего бога" задабривали, бросая в воду монеты [1924, с. 198].

Прииртышские ханты считали медведя священным зверем. Медвежьи пляски, по сведениям К.Ф. Карьялайнена, длились три ночи; позже, судя по словам информаторов, они стали проводиться в сокращенном варианте - в течение 1-2 дней. Объяснение этому обстоятельству дали такое: "Плясали медведя мало, потому что песни многие забыли. Сколько знали песен, столько и плясали". К.Ф. Карьялайнен отметил, что у иртышских хантов была значительнее, чем на Севере, церемония доставки медведя к селению [1927, bd. 3, s. 94]. Судя по данным Л.Р. Шульца, маски, используемые во время медвежьего праздника салымскими хантами, назывались *миль* (шапки), их надевали на голову, и пред-

ставляли они собой широкий обруч из бересты с пришитым носом и нарисованными углем глазами, ушами и ртом [1924, с. 197]. Помимо медведя, священными в регионе считались лебедь, гагара, змея, налим.

В повседневном быту многие ритуальные действия были забыты. В частности, не соблюдался обычай избегания. Даже более приверженные традиционному образу жизни салымские женщины не закрывали лицо от свекра и старших братьев мужа, и этим, по словам информаторов, отличались от соседних юганских и пимских хантов, придерживавшихся традиционных норм поведения.

* * *

Сведений о семейных обрядах хантов Прииртышского ареала немного. О свадьбе прииртышских хантов писали С.К. Патканов и Ф. Белявский. В сватовстве обычно участвовали жених и два-три его родственника. Отличительным знаком свата был посох *сеу, су*. Сваты говорили на образном языке, ведя переговоры о свадьбе и калыме [Патканов, 18916, с. 88]. В самой свадьбе было много черт, заимствованных от русских [Соколова, 1980в, с. 39]. Бытовало венчание в церкви, во время которого одна или две девушки ("защитницы девичьего пояса") держали в руке косу невесты. Дружка с маленькой плеткой в руке, по русскому обычаю подпоясанный головным платком, давал им деньги, выкупая невесту. После этого девушки приводили невесту к жениху [Patkanov, 1897, s. 140; Соколова 1980s, с. 39]. Невесту в дом жениха везли на санях или лодке. Над санями делали покрытие и на нем укрепляли перевязанные сплетенным невестой шнуром платки и куски тканей. После свадьбы этот ворох платков и кусков ткани развязывали и дарили свекру, свекрови и гостям, часть предназначалась почитаемому духу [Patkanov 1897, s. 141]. Нередко брак совершался умыканием. При заключении брака через сватовство обязательно выплачивался калым *тан*, включавший деньги, скот и одежду. Сторона жениха брала на себя расходы по свадебному пиру, платила деньги за венчание в церкви, дарила

невесте свадебный наряд. Приданое состояло из женской одежды и обуви, оно было меньше калыма [Patkanov 1897, s. 138-139].

Данные о погребальном обряде очень отрывочны, они встречаются в работах К.Ф. Карьялайнена и С.К. Патканова. Сразу после смерти покойника обмывали, затем надевали несколько рубах (на мужчину), платьев (на женщину). А. Каннисто упомянул о специальной расшитой бисером рубахе, надеваемой на умершего кондинскими хантами [1897, S. 35]. По С.К. Патканову, умершего клали на стол и накрывали тканью; по К.Ф. Карьялайнену, иртышские ханты на стол ставили гроб [Patkanov, 1897, s. 142; Карьялайнен, 1994, с. 82]. По сведениям К.Ф. Карьялайнена, зажиточные иртышские ханты тело заворачивали в шкуры, женщин одевали в суконный, украшенный бисером кафтан [1994, с. 77]. У иртышских хантов был распространен гроб-колода. На дно гроба стелили мох, ткань, под голову клали узел с одеждой, иногда - настоящую подушку [Соколова 1980в, с. 131]. В гроб помещали личные вещи умершего, иртышские ханты женщинам клали украшенную бисером одежду [Карьялайнен, 1994, с. 82]. Вдоль тела покойника, положенного в гроб, протягивали три шерстяные нити. С ними проводили обряд "гадания", стремясь узнать причину смерти, дальнейшую судьбу родственников и т.д. Похороны проходили на третий день. После выноса гроба из дома на порог клали топор и нож острием наружу, набивали на порог железо, прислоняли к стене бревно или полено [Соколова, 1980в, с. 134]. Могилу рыли глубиной около 1 м, над ней устраивали сруб из досок. В знак траура родственники делали повязку на ноге из красной шерстяной нити, которую носили, пока она не отпадала [Карьялайнен, 1994, с. 98]. Иртышские ханты посещали могилу умершего супруга первые 4 - 5 ночей после похорон [Patkanov, 1897, s. 144; Карьялайнен, 1994, с. 102]. Кондинские ханты в знак траура в течение года носили специальный траурный чепец или платок с черной каймой. В плохую погоду чепец не надевали, его держали под подушкой на месте, где при жизни спал умерший. По истечении года бахрому с платка отпарывали и бросали на могилу, а платок отдавали бедным [Patkanov, 1897, s. 144; Карьялайнен, 1994, с. 102]. С.К. Патканов указывал, что

иртышские ханты хранили немывтое белье и простыню умершего, которые клали на подушку во время поминок [1897, s. 145]. Обычай изготовления куклы-заместителя покойного у прииртышских хантов не зафиксирован.

Проведенное в настоящей главе исследование позволяет высказать следующие общие положения. До присоединения Зауралья к России ханты Прииртышского региона активно взаимодействовали с тюркским населением, контакты охватывали социально-политическую (даннические отношения, военно-политические союзы) и хозяйственно-культурную (обмен навыками традиционной хозяйственной деятельности, торговля, языковые заимствования) сферы. В результате исламизации часть хантов ареала была тюркизирована, часть оттеснена к северу. В бассейне Конды в период XVII - начала XIX вв. активно протекали контакты продвигавшихся с запада, из Предуралья, манси с аборигенами-хантами, завершившиеся к середине прошлого столетия ассимиляцией части кондинских хантов. В составе демьянских хантов, заселяющих самую восточную часть Прииртышского ареала, обнаруживается эвенкийский компонент.

Начиная с XVII в. развитие прииртышских хантов протекало под мощным влиянием Российского государства, русской культуры и русского языка. Освоение Нижнего Прииртышья русскими крестьянами, с одной стороны, обусловило обрусение местных хантов, а с другой, явилось детерминантой миграционно-демографических процессов в регионе. Часть прииртышских хантов переселилась в Среднее Приобье, другие группы продвинулись к северу по Нижней Оби. Вместе с тем отдельные семьи иртышских хантов (судя по увеличению численности населения в Меньше-Кондинской волости, а также по данным Сибирских летописей и авторов XVIII в. о перенесении остяцких идолов с Иртыша на Конду), вероятно, влились в состав локальной группы кондинских хантов.

Социальная структура прииртышских хантов претерпевала серьезные изменения во второй половине 2 тыс. н. э. в связи с влиянием сначала тюркской, а затем российской государственной системы, в результате чего традиционные генеалогические связи оказались вытеснены территориальными. Общение с русским крестьянством послужило главной причиной утраты специфических хантыйских черт культуры и быта, приверженность традиционным хозяйственным занятиям, прежде всего рыболовству и охоте, сохранялась гораздо дольше, вплоть до середины XX в.

Глава вторая

КОДСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АРЕАЛ

Среднеобский ареал занимает территорию по Нижней Оби от г. Ханты-Мансийска (бывш. Самарово) до границы Березовского и Белоярского районов ХМАО. По современному административно-территориальному делению, это Октябрьский и часть Ханты-Мансийского района ХМАО. Ареал интересен тем, что в "дорусский период" здесь располагались два влиятельных древнеугорских княжества - Кодское и Белогорское.

О могуществе древней Коды свидетельствует тот факт, что в русских летописях она именуется "Кодским государством". Географическое положение княжества было очень выгодным: оно находилось на главной водной магистрали Западной Сибири - Оби - в центре угорских земель. Сюда приводил один из путей-в Сибирь из Предуралья, через Коду проходили пути на север - в Обдорию, на восток - к княжеству Бардака и к Пегой Орде, на юг - к Сибирскому ханству. По-видимому, даже название княжества "Кода" ("Куда") связано с его центральным положением среди угорских земель. (По-хантыйски *кут*, *кутон* - "средний"; *кутлон* - "середина"; *кутн* - "между, среди", т.е. "центральное", "срединное" княжество.) Кода выступила союзницей русских во время завоевания Сибири, за что правящей кодской династии Алачевых были пожалованы на иммунитетных правах земли, ранее не относившиеся к Коде: выше по Оби и Васпукольской протоке - волость Васпукол (Васпухольская), по р. Ендырь - Ендырская, в низовьях Иртыша - Колпукол (Колпухольская) и по Ваху - Ваховская. Собственно Кода, по-видимому, состояла из 8 более мелких вассальных княжеств, центрами которых были "городки". В них жили удельные князья с дружинами, большинство населения проживало в неукрепленных селениях, окружавших "городки" [Мартынова, 1995, с. 80].

На Нижней Оби, при устье Иртыша, находилось Белогорское княжество, бывшее крупнейшим религиозным центром у хантов. его святилища привлекали, по выражению русских лето-

писей, "съезд великий". В дар "белогорскому шайтану" был послан панцирь Ермака, что свидетельствует о политическом влиянии древнего Белогорья [Сибирские летописи, с. 342, 346]. Сведений о территориальном распространении власти белогорского "князца" Самара не сохранилось. Указание русских летописей о восьми князцах, сражавшихся вместе с ним против казаков [Сибирские летописи, с. 33], позволяет предположить, что владения Самара тянулись вниз по Оби, ибо иртышские ханты упоминались выступившими вместе с демьянским князем Нимьяном. Самар был убит в бою, и после взятия его городка Б. Брызга, по словам Г.Ф. Миллера, поставил вместо Самара кодского князя Алача "как главного над всеми тамошними остяками" [Т. 1, с. 246]. Белогорье утратило политическую самостоятельность и былое величие, а его земли попали под влияние кодских князей Алачевых, возвеличенных московскими властями в знак благодарности за союзничество. От самого же Белогорья, вероятно, остались только юрты Согомские и Чагинские, во всяком случае в материалах IV - IX ревизий только они числились в Белогорской волости.

У лингвистов нет единой точки зрения относительно языкового деления среди кодских хантов. По классификации М.А. Кастрена, язык хантов Белогорской, Сухоруковской (Васпухольской), Ендырской, Малоатлымской и Больнеатлымской волостей относится к кондинскому диалекту северной (обдорской) группы, язык хантов Естыльской, Чемашевской и Шеркальской волостей - к обдорскому диалекту этой же группы. Согласно К.Ф. Карьялайнену, на территории Кодского ареала распространен кондинский диалект хантыйского языка. В.К. Штейниц и П. Хайду определили границу между северными и южными диалектами языка хантов у ю. Шеркальских. По их точке зрения, ханты Чемашевской и Шеркальской волостей говорили на шеркальском диалекте северной группы, ханты Малоатлымской, Большеатлымской и Ендырской волостей - на атлымском (низямском) диалекте южной группы, ханты Васпухольской и Белогорской волостей - на кеушинском диалекте южной группы. С.К. Патканов относил язык кодских хантов к северному

диалекту. Согласно точке зрения Н.И. Терешкина, жители Белогорской и Васпухольской волостей говорили на усть-иртышском говоре прииртышского диалекта, жители остальных кодских волостей - на среднеобском говоре приобского диалекта, оба диалекта Н.И. Терешкин отнес к группе западных [Караулов, с. 243-245; Хайду, с. 45.].

Хотя К.Ф. Карьялайнен и С.К. Патканов по языковому принципу объединяли хантов Кодского ареала в одну группу, диалектные различия, отмеченные другими лингвистами, наводят на мысль о сложном процессе их формирования. Ханты, проживающие по Оби вниз от устья Иртыша до границ Нижнеобского ареала, называют себя *кутон ас хантэ* - 'среднеобские ханты'. Более северные, березовско-казымские и обдорско-куноватские, также называют хантов, проживающих в Октябрьском и Ханты-Мансийском районах, среднеобскими. Судя по фольклорным материалам, собранным у разных групп хантов, жителей Коды и Белогорья называли *хурун ёх* (нижнеобские) или *куран ях* (юганско-пимские и аганско-васюганские). В русских официальных документах XVII-XIX вв. они были известны под именем "кодские остяки" с выделением более мелких групп, называемых по имени реки или населенного пункта: шеркальские, чемашевские, кормужиханские, алешкинские, малососьвинские и т.п. Современное хантыйское население Кодского ареала отделяет себя от соседних локальных групп. Типичным является такое высказывание: "В Ханты-Мансийске живут такие же ханты, как и мы. Сургутские - совсем другие, кондинские и демьянские ханты тоже другие, у них язык другой. С ванзеватскими и полноватскими у нас разница в языке есть, они отличаются от нас, казымские и обдорские - это северные ханты, вообще другие" [ПМА, 1990, Октябрьский р-н].

Несмотря на языковые отличия, кодские ханты были довольно монолитны в культурно-бытовом отношении. Во всяком случае имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют выявить культурные различия между локальными группами внутри региона. К концу XX в. среднеобские ханты обрусели и утратили многие черты традиционной культуры. Судя по поле-

вым материалам, ношение национальной хантыйской одежды, строительство "хантыйских избушек", соблюдение религиозно-культурных ритуалов и семейных обрядов, а также сохранение родного языка держалось до середины нашего века. Большинство информаторов связывает утрату самобытных черт в быту с укрупнением населенных пунктов в конце 1950-х - начале 1960-х годов. Причем особенно значимым в этом плане считается бытование национальной женской одежды, именно с ее утратой старшее поколение связывает исчезновение хантыйской культуры вообще и переход "на русский образ жизни".

1.

Кодские ханты в XVII - XIX вв.

После включения Зауралья в состав России на месте Кодского княжества была создана волость Кода, жители которой несли военную службу и не платили ясака до 1644 г. В XVIII в. она была реорганизована в "сборную" волость Кодские городки, подразделявшуюся на 9 самостоятельных административных единиц: Чемашевскую, Естыльскую, Шеркальскую, Нагакарскую, Больпеатлымскую, Малоатлымскую, Ендырскую, Васьпухольскую и Белогорскую волости, относившиеся к Березовскому уезду Тобольской губернии.

Самой северной из кодских волостей была Чемашевская. В "дорусский период" в ее пределах располагался Чемашевский городок, к которому тяготело окружавшее его население. В конце XVIII - начале XIX в. волость состояла из 4 юрт, в середине XIX в. прибавились ю. Комудванские, в 1897 г. на этой территории насчитывалось 13 селений. В 1782 г. в волости проживало 319 хантов, в 1795 г. - 448, в 1816 г. - 244, в 1858 г. - 332, в 1897 г. - 456 хантов, 77 манси, 46 русских. Материалами V ревизии в волости зафиксировано 25 фамилий, материалами X ревизии - 15, наиболее распространенные из них: Шадрин, Лысков, Константинов, Ньюляков, Костин, Яркий.

По данным IV ревизии 1782 г., в волости было заключено 122 брака, распределившиеся следующим образом: внутри волос-

ти - 25 (20%), с жителями Шеркальской - 27 (22), Нагакарской - 24 (20), Подгородней - 23 (19), Сосьвинской - 18 (15), Ендырской - 3 (2), Темлячевской - 2 (2%). Большая часть браков (60%) была заключена в пределах Кодских городков, треть браков были ориентированы на более северные волости (Подгороднюю и Сосьвинскую) за пределами Коды.

Естыльская волость располагалась южнее Чемашевской в бассейне р. Малая Сосьва и прилегающей части Оби. До 1642 г. учет населения в волости Естыл велся совместно с Сосьвинской волостью. В 1642 г. в ней числилось 53 плательщика ясака (около 210 чел.). По V ревизии в волости насчитывалось 9 селений, по VII и IX ревизиям - 11, в 1897 г. - 9. В 1795 г. в волости проживало 376 хантов, в 1816 г. - 169, в 1858 г. - 129, в 1897 г. - 379 хантов, 14 манси. Из материалов V ревизии известно 37 фамилий, из X ревизии - 27, наиболее распространенные: Алексеев, Неттин, Соболев, Сумкин, Яснаков. ^

Шеркальская волость находилась выше по Оби от Естыльской волости. Ее центром был древний городок Шоркар. До переписи 1858 г. население волости приписывалось к одному Шеркальскому городку, в материалах X ревизии указано 5 юрт, в 1897 г. в пределах волости находилось 14 селений. По данным IV ревизии, в волости проживало 198 хантов, по V ревизии - 245, по VII - 206, по X - 175, в 1897 г. - 147 хантов, 13 манси. В 1795 г. в волости названо 24 фамилии, в 1858 г. - 15, основные из них: Константинов, Тебетев, Киприянов, Юдин, Маремьянин, Алексеев.

V ревизией зафиксировано 76 браков, в том числе: внутри волости - 32 (42%), с Нагакарской - 17 (22), Чемашевской - 15 (20), Большеатлымской - 8 (11), с русскими - 2 (3%), в двух случаях волостная принадлежность жены не указана. Все браки были заключены в пределах центральной и северной частей Кодских городков.

Нагакарская волость располагалась к югу от Шеркальской до устья р. Большой Атлым. Она была "центральной" среди кодских волостей, в ее пределах находился Кодский городок - резиденция князей Алачевых. До XVIII в. в ясачных книгах не выделялась. В

1782 г. в волости было 4 селения, 338 жителей. В 1795 г. к волости относились 4 селения с населением 503 чел., в 1816 г. - 5 селений с 363 чел., в 1858 г. - 4 селения, с 332 чел., в 1897 г. - 5 селений, 224 ханта, 10 манси, 9 русских. Материалами V ревизии в волости указано 49 фамилий, X ревизии - 22, наиболее распространенные: Алачев, Когов, Хатылов.

По данным IV ревизии, в волости зафиксировано 104 брака, в том числе: внутри волости - 29 (28%), с Большеатлымской волостью - 28 (27), Малоатлымской - 4 (4), Чемашевской - 13 (13), Шеркальской - 8 (8), Белогорской - 6 (6), Ендырской - 3 (3), с русскими крестьянами с. Кондинского - 10 (10), с зырянами - 1 (1%), в двух случаях волостная принадлежность жены не указана. Ханты Нагакарской волости вступали в брачные контакты только в пределах Кодских городков.

Большеатлымская волость занимала территорию по Оби в районе устья р. Большой Алым и в бассейне этой реки. Большеатлымский городок был одним из центров Кодского княжества. До XVIII в. в ясачных книгах волость не выделялась. В XVIII-XIX вв. включала ю. Большеатлымские и Венжегорские. По данным IV ревизии, в волости проживало 386 хантов, по V ревизии - 568, по VII - 425, по X - 413, в 1897 г. - 355 хантов, 5 манси, 42 русских. В конце XVIII в. в волости насчитывалось 59 фамилий, в 1858 г. - 19, наиболее распространенные: Маморов, Лазарев, Картамов, Алталов, Петикин, Карандышев.

Материалами IV ревизии зафиксировано 119 браков, которые распределились следующим образом: внутри волости - 18 (15%), с Нагакарской - 39 (33), Белогорской - 29 (24), Шеркальской - 12 (10), Малоатлымской - 6 (5), Темлячевской - 1 (1), с русскими - 2 (2%). Брачные связи большеатлымских хантов не выходили за пределы Кодских городков.

Малоатлымская волость располагалась по Оби выше Большеатлымской. В средневековье Малоатлымский городок был одним из центров Коды. До XVIII в. волость в ясачных книгах не выделялась. В XVIII - начале XIX в. включала только ю. Малоатлымские, по ревизии 1858 г. в ней числятся еще и ю. Леушанские, по переписи 1897 г. - ю. Малоатлымские и Протоchno-

Малоатлымские, В 1782 г. в волости проживало 178 хантов, в 1795 г. - 286, в 1816 г. - 216, в 1858 г. - 322, в 1897 г. - 209 хантов и 8 русских. На 1795 г. в волости зафиксировано 30 фамилий, на 1858 г. - 19, наиболее распространенные: Пеленкин, Пермяков, Пьянкин, Эливашков.

IV ревизией отмечено 52 брака, в том числе: внутри волости - 7 (13,5%), с Белогорской - 14 (27), Большеатлымской - 7 (13,5), Ендырской - 9 (17), Нагакарской - 5 (10), Темлячевской - 5 (5), с русскими - 5 (10%). Так же как и в Большеатлымской, браки хантов Малоатлымской волости заключались в пределах Кодских городков.

Ендырская волость занимала территорию в бассейне р. Ендырь и прилегающей части Оби. В пределах волости располагалось два средневековых городка: Карымкарский на Оби и Ендырский на р. Ендырь. В 1645 г. в волости числилось 92 плательщика ясака (около 370 чел.). По данным IV, V, VII ревизий был 7 селений, по X ревизии - 13. В 1782 г. в волости проживало 554 ханта, в 1795 г. - 575, в 1816 г. - 555, в 1858 г. - 531. В 1897 г. в 9 селениях жили 456 хантов, 63 русских. В 1795 г. в волости указано 32 фамилии, в 1858 г. - 40, основные: Рукин, Энбанов, Кеушков, Айтов, Скольщиков, Шушканов, Пайков.

Материалами IV ревизии зафиксировано 157 браков, распределившиеся следующим образом: внутри волости - 62 (40%), с Белогорской - 50 (32), Большеатлымской - 16 (10), Малоатлымской - 5 (3), Темлячевской - 14 (9), Нагакарской - 6 (4%), с вогулами - 3, с русскими - 1. Брачные связи ендырских хантов практически не выходили за пределы Кодских городков (89% от всех браков).

Белогорская (Васпухольская) волость располагалась на Оби вниз от устья Иртыша. Она была создана на месте средневекового Белогорского княжества. До середины XIX в. здесь находились две волости - Васпухольская при Оби и Белогорская по р. Согом, объединенные затем в одну Белогорскую. В Белогорской волости в 1642 г. насчитывалось 84 плательщика ясака (около 340 чел.), в волости Васпукол в 1645 г. - 10 плательщиков ясака (около 40 чел.). По материалам ревизских переписей конца XVIII - начала

ХІХ в., в Васпухольской волости насчитывалось 9 селений, в Белогорской - 2, в объединенной волости - 11. В 1782 г. в двух волостях числилось 690 хантов, в 1795 г. - 740, в 1816 г. - 729, в 1858 г. - 523, в 1897 г. - 450 хантов и 47 русских. В 1795 г. названо 26 фамилий, в 1858 г. - 38, наиболее распространенные: Кутлин, Пеленаев, Ковальдин, Катаев, Рогин, Вайветкин.

По данным FV ревизии, хантами Васпухольской и Белогорской волостей было заключено 194 брака, из них: внутри - 49 (25%), с Ендырской - 50 (26), Тарханской - 24 (12), Темлячевской - 23 (12), Большепеатлымской - 14 (7), Малоатлымской - 13 (7), Меньпе-Кондинской - 10(5), Шеркальской - 3 (1,5), вогульской Кондинской - 2 (1), с волостями Сургутского ведомства - 5 (3%), Пелымского ведомства - 1. Большая часть браков хантов Васпухольской и Белогорской волостей была заключена в пределах Кодских городков (65%), затем шли иртышские ханты (12%) и назымские (12%). При этом у жителей Васпухольской волости на Кодские городки пришлось 79% всех браков (27% - внутри волости, 33% - с Ендырской, 18% - с Большеатлымской, 1% - с Шеркальской), а у жителей Белогорской (ю. Чагинских и Согомских) преобладали брачные контакты с населением Тарханской волости на Иртыше (42% браков) и Меньпе-Кондинской по Конде (19%) при гораздо меньшей доле браков в пределах Кодских городков (33%).

Таблица 3. Численность плательщиков ясака в Кодеком ареале в XVII - начале XVIII в.

№ п/п	Волости	Число плательщиков (чел.)				
		1629 г.	1645г.	1680г.	1712г.	
1.	Естыл	-	-	53	83	47
2.	Кода	425	396	651	725	
3.	Ендыр	63	-	-	-	
4.	Васпукол	9	10	18	-	
5.	Белогорье	82	88	83	127	
	Итого:	579	547	835	899	

О динамике численности плательщиков ясака у кодских хантов в XVII в. можно судить по данным таблицы, составленной по материалам работы Б.О. Долгих [1960, с. 65.].

Во второй трети XVII в. наблюдалось сокращение численности плательщиков ясака в Кодеком ареале (на 6%), за вторую половину XVII - начало XVIII в. она увеличилась на 64%. По-видимому, рост численности ясакоплательщиков был связан с совершенствованием системы учета аборигенного населения Сибири.

Данные о численности среднеобских хантов в конце XVIII-XIX вв. представлены в следующей таблице.

Таблица 4. Численность хантов Кодского ареала в конце XVIII - XIX в.

№ п/п	Волости	Численность хантов (чел.)				
		1782г.	1795г.	1816г.	1858г.	1897 г,
1.	Чемашевская	319	448	244	332	456
2.	Естьльская		376	169	129	379
3.	Шеркальская	438	245	206	175	147
4.	Нагакарская	338	503	363	332	224
5.	Болыдеатлымекая	386	568	425	413	382
6.	Малоатлымская	178	286	216	322	209
7.	Ендырская	554	575	555	531	456
8.	Белогорская (с Васпухольской)	690	740	729	523	450
	Итого:	2903	3741	2907	2757	2703

В конце XVIII - XIX в. изменение численности кодских хантов происходило неравномерно: с 1782 по 1795 г. она увеличилась на 22%, на протяжении XIX в. постоянно сокращалась - и к 1897 г. уменьшилась на 28% (по сравнению с 1795 г.). Наиболее существенное сокращение численности отмечалось в Нагакарской (на 55%), Белогорской (на 39%), Большеатлымской (на 33%) волостях. Как отмечалось в главе первой, изменения в численности хантов объяснялись миграционными процессами. Очевидно, на

протяжении XIX в. из кодских волостей происходил отток населения на север.

2.

Этнические связи кодских хантов

Занимая центральное положение среди хантыйских земель, кодские ханты контактировали преимущественно с другими группами хантов - нижеобскими и прииртышскими, среди межэтнических следует отметить взаимодействия с коми, манси и русскими.

Из русских письменных источников известно, что коми принимали активное участие в походах новгородских дружин за "мягкой рухлядью" (пушнинаой) в "югру и самоедь". По данным лингвистики, влияние коми языка на хантыйский началось в X-XI вв. В хантыйском языке выявлено около 350 коми-зырянских заимствований, из которых приблизительно 70 - во всех диалектах, примерно 140 - в северных, в основном это названия в сфере транспорта, торговли, животноводства и одежды [Караулов, с. 335]. В Зауралье и Нижнем Приобье известно более 100 коми-топонимов, часть из которых имеет раннее происхождение [Матвеев, 1980]. Наибольшее скопление этих топонимов отмечается на территории Кодского ареала: в основном это названия населенных пунктов с формантой "кар", переводимой с коми-зырянского языка как "городок": Карымкар, Шеркал или Шоркар, Нангакар, Вежакар, Нарыкар и др. С.Г. Пархимович допускает вероятность того, что название самого княжества и его центра - Кода (Куда) - принесли на Обь переселенцы-коми, назвав городок по аналогии с крепостью на р. Куц в верховьях Камы Кудым кар - в честь богатыря-прародителя пермяков Кудым-Ош, женатого на мансийской княжне [Очерки истории Коды, с. 68].

Археологически продвижение коми населения на территорию Кодского ареала фиксируется с начала 2 тыс. н. э. Считается, что городища Шеркалы (XI - XII вв.) и Перегребное (XII - начало XIII в.) оставлены выходцами из Приуралья. Основными занятиями населения городищ были охота (весьма значимой была

добыча пушных животных, особенно бобра) и рыболовство. Более существенное значение, по сравнению с уграми Нижнего Приобья, имело скотоводство: держали лошадей, крупный и мелкий рогатый скот. Находки шлаков, литейных форм, бракованных лестней и т.п. указывают на занятия железодельным и бронзолитейным производством. На этих городищах, укрепленных валами с деревянными стенами, исследованы остатки наземных срубных домов с полами из широких плах, настланных на лаги. В домах были ямы-погребца и массивные очаги из крупных окатанных камней на высокой песчаной платформе, аналогичные северно-русским печам-каменкам. Такие жилища были распространены у коми и не характерны для обских угров. В культурном слое найдена типичная для коми керамика и украшения - шумящие подвески, пронизки со вздутиями и др., свойственные культурам предков коми-зырян и коми-пермяков XI - XIII вв., причем преобладают коми-зырянские элементы культуры. Оба городища (Перегречное и Шеркалы) погибли от пожара, а, возможно, в результате военного нападения. Следует отметить, что на городище Перегречное были обнаружены два погребения, совершенные по обряду трупосожжения, характерному для древних коми [Морозов, Пархимович, 1985, с. 89-99; Пархимович, 1991, с. 148-150; Очерки истории Коды, с. 60-63]. Не исключено, что существовали и другие поселения коми по Нижней Оби.

Переселения коми в Зауралье происходили на протяжении нескольких веков и имели характер мирной инфильтрации. Скорее всего, побудительным мотивом к продвижению явилось давление восточнославянского населения с запада. Миграция коми усилилась, по-видимому, в конце XIV в. в связи насильственной христианизацией, предпринятой в Коми крае Стефаном Пермским, о чем писали авторы XVIII в. Именно нежелание принимать православие побудило, по словам И.Г. Георги, "большую половину Пермских и Зырян, в Великой Перми живших, покинуть привольные свои, на Западной стороне Уральских гор, места и перейти в суровые северные, около реки Оби, страны" [Георги, с. 78]. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на объяснение, данное этнониму "остяки" Г. Новицким, побывав-

шим у хантов в начале XVIII в. По его мнению, оно означает "останки", т.е. оставшуюся некрещеной часть населения, переселившуюся из Приуралья в Сибирь [Новицкий, с. 38-39]. Историк Г.Ф. Миллер отметил, что остяки при переселении из Пермии принесли с собой знаменитый "Мастерков шайтан", хранившийся в ю. Троицких Белогорской волости [Миллер, т. 1, прилож. №2, с. 247-248]. Н.А. Абрамову довелось услышать предание хантов из Большого Атлыма о приходе их предков из Пермии во главе с шаманом Памсотником, которые поселились на том месте, "где стоят Атлымские горы" [Абрамов, 1857, с. 16.]. Легенда о приходе с Печоры сохранилась до наших дней у хантов Алексеевых из ю. Халапанды [ПМА, 1990, Октябрьский р-н]. Очевидно, генетически связаны с коми такие фамилии кодских хантов, как Пермьяковы, Хатыловы, Кононовы, Юдины, Очепковы.

Причины переселений коми в Зауралье не следует сводить только к насильственному насаждению православия. Действовали и другие факторы - экологические (оскудение пушных запасов в Северном Приуралье при возросшем спросе на пушнину в Европе в начале 2 тыс. н. э.), экономические (увеличение плотности населения в бассейне Вычегды в связи с расселением русских), политические (налоговое давление Москвы). Сокращение возможностей для эффективного пушного промысла в Предуралье заставило охотников обратить взоры на другую сторону Уральских гор, где плотность населения была невелика, а ценных пушных животных много [Жеребцов, 1982, с. 57; Очерки истории Коды, с. 65].

Большая часть преданий коми об "убегающей чуди", ушедшей за Урал, датируется XIV - XVI вв. и бытует по окраинам расселения древних коми (реки Вашка, Вишера, Верхняя Вычегда). По-видимому, именно из этих районов и наблюдался наибольший исход населения на восток [Рочев, 1985, с. 7]. Коми-зыряне в Нижнее Приобье мигрировали, скорее всего, через систему притоков Печоры в бассейн Северной Сосьвы и с нее на Обь. Коми-пермяки проникали из Верхнего Прикамья через Вишеру на Лозьву, затем в верховья Тавды [Викторова, с. 159].

Можно предположить, что с влиянием коми связаны животноводческие традиции кодских хантов, которые в XVII в. держали лошадей, коров и "сена косили" [Бахрушин, 1955а, с. 141]. Попав в хантыйское окружение, мигранты-коми утратили культуру и язык, "растворились" в хантыйской среде к началу русской колонизации Западной Сибири. Ассимиляции могло способствовать, по мнению Н.Д. Конакова, разрушение этнических стереотипов коми (хозяйственных, пищевых), что было практически неизбежно в других природно-географических условиях [Конаков, с. 11-16].

В состав кодских хантов, по-видимому, вошли и манси. А.А. Дунин-Горкавич привел сведения о том, что Лырычиковы, проживавшие в начале нашего века в ю. Нергинских, были выходцами из селения Оронтур на Конде, а Марциновы из ю. Нагагорских - с Пелыма, откуда они "по случаю голода" переселились сначала на Тапсуй, а затем на Малую Сосьву [т. 2, с. 298[^]]. Мансийский компонент обнаруживается среди жителей Естыльской волости по Малой Сосьве. В остальных волостях ассимиляции манси хантами, очевидно, не происходило, хотя начиная со второй половины XIX в. отмечался приток мансийского населения на Обь из более западных районов. По данным переписи 1897 г. в северных кодских волостях (Чемашевской, Естыльской, Шеркальской, Нагакарской и Большеатлымской) проживало 112 манси. Миграции манси продолжались и в XX в. Между манси и хантами не было существенных различий в хозяйстве, культуре и быту, поэтому они мирно "уживались", в равной степени подвергаясь воздействию русской культуры. По словам информаторов, в начале нашего века между среднеобскими хантами и манси заключалось много браков: мужчины-ханты часто брали в жены мансиек с Тапсуя и Северной Сосьвы. Мансийские женщины, путем браков входившие в хантыйские семьи, подвергались языковой ассимиляции. Следует отметить то обстоятельство, что кодские ханты считают более близкими себе по культуре манси, чем казымских хантов, появившихся здесь в конце XIX в. "Казымцы в чумах жили, а манси в таких же избушках; казымцы

на оленях ездили, а манси - на лошадях, как и мы; у нас и манси боги общие были" [ПМА, 1990, Октябрьский р-н].

Если продвижение коми и манси на земли кодских хантов носило характер мирной колонизации, то сами "кодичи" в угорских легендах предстают весьма воинственным народом. У многих групп хантов и манси до наших дней бытуют предания о воинственных *хурун ёх* (*курам ях*), совершавших грабительские набеги, забравших ценную пушнину, уводивших женщин и детей, угонявших оленей. Кодские воины принимали участие в походах на Кондинское, Обдорское, Бардаково княжества, замиряли непокорную Пегую Орду, ходили даже "в тунгусы" на Енисей. При дворе кодского князя и его вассалов - удельных князей - имелись целые арсеналы "с панцырями и шеломами". Кодские князья были в состоянии выставлять вооруженные отряды численностью до 200, а иногда и до 300 воинов [Очерки истории Коды, с. 99]. Как заметил С.В. Бахрушин, "подчинение Оби и ее притоков произведено в значительной степени посредством вооруженных сил кодских князей" [1955а, с. 123]. Помимо участия в военных действиях "служилые" кодские остяки помогали русским при строительстве острогов (с их участием "ставили" Березовский, Сургутский, Томский, Маковский, Енисейский остроги), делали мелкие суда, исполняли подводную повинность, совершали походы "по соль" вместе с казаками и стрельцами. Кодские воины получали специальные хлебные запасы "на прокорм", а князья - даже денежные оклады.

Судя по фольклору, в "дорусское" время *хурун ёх* воевали с татарами *катань ёх* и ненцами *ёрн ёх*. Материалы Г.Ф. Миллера говорят о том, что и сами кодские остяки нередко становились объектами нападений. Историк упомянул, что в древности они прятались от врагов - татар и самоедов - на городищах у ю. Карымкарских и Старый Атлым [Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г. Ф. Миллера, с. 226].

С конца прошлого столетия на территории Кодского ареала начали селиться казымские ханты. По словам А.А. Дунина-Горкавича, подтвержденным и моими информаторами, причиной продвижения казымцев в более южные районы была нехватка

пастбищных и промысловых угодий в бассейне Казыма. А.А. Дунин-Горкавич застал четыре семьи казымцев неподалеку от ю. Лорбатских на р. Ендырь, две семьи на р. Кормужиханская и одну на р. Низямская. По хозяйственным занятиям и культуре они весьма существенно отличались от кодских [Т. 2, с. 206, 252].

Весьма заметное влияние на кодских хантов оказала русская крестьянская колонизация. Если в конце XVIII в. русское население всего Березовского уезда исчислялось сотнями человек, то в 1851 г. на территории только Кодского ареала проживало 1363 русских, а по данным переписи 1897 г., в двух русских Елизаровской и Кондинской волостях, чересполосных с хантыйскими кодскими, проживало 2000 чел., кроме того, русские жили и в "иностранческих" волостях (215 человек). Русское население сосредоточивалось преимущественно по Оби. Территориальная близость способствовала развитию хозяйственно-культурных контактов между русскими и кодскими хантами, что создавало условия для межэтнических взаимодействий, приведших к сближению хантов с русскими, а частично - ассимиляции хантыйского населения. Смешанные браки при этом, как и в Прииртышском ареале, не играли ведущей роли, обрусение было прежде всего результатом соседского общения, изменений условий и образа жизни.

3.

Традиционное хозяйство и особенности социальной организации кодских хантов

По описанию Н.А. Абрамова середины XIX в., территория Кодского этнографического ареала "изобилует кедровым строевым лесом. Луговых мест для сенокосения довольно. В лесах водятся соболи, лисицы, горностаи, белки, росوماхи, медведи и в некоторых местах попадаются бобры низкой доброты" [Абрамов, 1857, с. 44]. По словам А.А. Дунина-Горкавича, этот район расположен в пределах зоны высокоствольных лесов, в долине Оби встречается много луговых и соровых мест, грив лиственного леса; болот относительно немного (по сравнению с более север-

ными и восточными регионами расселения хантов. - *Е.М.*); распространённые породы деревьев: сосна, кедр, ель, лиственница, пихта, берёза, осина [т. 2, с. 199-209; 244-254].

Основными видами хозяйственной деятельности кодских хантов были рыболовство, охота, животноводство, занимались также сбором ягод и кедровых орехов. **Ведущую** роль в жизнеобеспечении жителей всех кодских волостей, за исключением Ендырской и Естыльской, играло рыболовство; ендырские и малососьвинские остяки (жители Естыльской волости) слыли в крае лучшими охотниками.

По сведениям Н.А. Варпаховского. в пределах Кодских городков было 30 рыболовных песков, многие из которых позволяли "кормиться" 200-300 чел. [т. 1, с. 67]. Песками близ ю. Троицких и ю. Шеркальских в начале XIX в. пользовались 300 жителей, на песке у ю. Большеатлымских рыбачило 200 человек [ГФ ГАТО, ф. 341, д. 33, 52, 55].

\ В летний период основная часть населения вела рыболовный промысел в русле Оби. Среди кодских хантов только жители ю. Нергинских по Малой Сосьве не спускались на Обь для летней рыбалки, часть малососьвинских рыбаков промышляла летом на Нижней Сосьве. Ханты из приобских селений перебирались на летние места по последнему зимнему пути в апреле на лошадях. Расстояние между зимниками и летниками у них составляло до 10 км. У жителей всех юрт были свои места для ведения летнего рыболовного промысла на Оби, где строили либо бревенчатые дома, либо "шалаша" из жердей, крытые берестой [ПМА, 1990, Октябрьский р-н].

В летний период добывали на Оби осетра, нельму, муксуна, стерлядь, сырка; в сорах и речках ловили язя, щуку, окуня, плотву, ерша и др. Во время летней рыбалки на песках был распространён лов большими неводами *ун тохты* (до 900 м) и калыда-нами. С началом спада воды протоки и устья соров закрывали запорами *пот*, сора облавливались сетями *хотын*, на протоках неводили малыми неводами *аи тохты* (250-300 м). О продуктивности летнего лова есть сведения у А.А. Дунина-Горкавича на начало XX в. Так, остяки ю. Ендырских (23 хозяйства) добывали

за сезон щуки и плотвы до 2000 пудов, окуня - до 500, ерша - до 200, язя - до 20 пудов. Жители ю. Ковенских выльвливали щуки и окуня до 2000 пудов. Малососьвинские остяки ловили на Нижней Сосьве тугуна (сосьвинскую сельдь), которого запасали на зиму по 5-6 пудов на семью [т.2, с. 249, 250], После спада воды возвращались на зимники. Осенью рыбачили сетями, неводили, закрывали небольшие речки запорами. После ледостава начинался подледный промысел рыбы: ставили запоры у живунов, использовали ставные сети, неводной лов производили по озерам и старицам.

Следует отметить, что в Среднеобском районе довольно рано получила распространение практика аренды рыболовных угодий. Так, в 1686 г. белогорские ясашные остяки "заложили" остров на Оби "со всеми ловлями и сенокосами" самаровским ямским охотникам Змановскому, Оленеву и Тимофееву. В 1802 г. Тобольский мещанин Панов "кортомил" у остяков "песок на острову ниже села Троицкого в 3 верстах за 25 рублей в лето", а другой" песок, "выше Троицкого села в 5 верстах", арендовал ирбитский крестьянин Шенаурин за 65 руб. Ханты ю. Белогорских отдавали "в кортом" ямщикам Юровской волости песок на зимний рыболовный период [Лопарев Х. М, с. 14, 22; ТФ ГАТО, ф. 154, оп.л21,д. 11].

Основными объектами охоты кодских хантов были лось, дикий олень, лесная и водоплавающая птица, из пушных - белка, лисица, россомаха, соболь, горностай, выдра, заяц. О продуктивности охотничьего промысла можно судить по материалам II ясачной комиссии 1828-1831 гг. Ежегодно добывали зверей от 10 до 24 тыс. шт. и птиц от 800 до 1000 пудов. По видам животных добыча распределялась следующим образом: соболи - от 250 до 400 шт., лисицы - от 180 до 250, горностаи - от 800 до 4000, белки - от 8000 до 20 000, зайцы - от 600 до 1000, россомахи - от 10 до 20, выдры - от 15 до 20, медведи - от 5 до 10, лоси <*УГ 40 до 80, дикие олени - от 100 до 220 [РГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 275, л. 220-221, 248-249]. По сведениям А.А. Дунина-Горкавича, в начале XX в. ендырские ханты за зиму добывали лосей до 100 шт., соболей - до 200, лисиц - до 10, медведей - 3-4, зайцев - до 50. В

ю. Васпухольских один охотник промышлял за зиму 4-5 соболей, 15-30 белок, 1-2 диких оленя, 2-3 лося, а медведя одного раз в 5 лет [Т.2, с. 249, 250].

Охотничьи угодья находились в коллективном пользовании. Обычно на охоту отправлялись артелями из 5-6 человек, у каждой артели была своя охотничья избушка в 30-50 км от селения. Сам процесс промысла был индивидуальным: ночевали вместе в одной избушке, а днем расходились по разным тропам. Основной сезон пушной охоты длился с конца октября по декабрь. После Нового года в лес ходили эпизодически, по мере надобности добывали лосей и диких оленей на мясо.

В XVII - XIX вв. домашних животных содержали жители всех кодских волостей; наибольшее развитие животноводство получило в селениях, расположенных непосредственно на берегу Оби. О животноводческих традициях кодских хантов упоминалось в начале главы. Ханты из Нижнеобского ареала во время бесед часто указывали на обладание домашним скотом - лошадьми и коровами - как на важный отличительный признак *хурун ёх*: "у них скота много было, они сено косили" [ПМА, 1990, 1991, Шурьшкарский р-н, Березовский р-н].

По данным ясачной комиссии 1828-1831 гг., в 500 хозяйствах кодских хантов насчитывалось 500 голов лошадей, от которых в "хороший" год прибыли было 140 голов, в "плохой" - 100 голов; 300 голов коров, от которых в "хороший" год прибыли было 150 голов, в "плохой" - 100 голов. В среднем одна лошадь приходилась на одно хозяйство и две коровы - на три хозяйства [РГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 211]. Способы содержания и ухода за домашним скотом у кодских хантов были такими же, как у приртышских. Сенокос начинался после Петрова дня и завершался к сентябрю.

По данным А.А. Дунина-Горкавича за 90-е гг. XIX в., в ю. Ендырских из 23 хозяйств только в 7 дворах держали лошадей (всего 18 голов), и только в 3 дворах - коров (всего 3 коровы). Большая часть хозяйств не имела никаких животных, кроме собак. К сожалению, данными по другим юртам я не располагаю, сопоставить их с материалами 1820-х гг. невозможно. Наверяд ли

в приобских селениях к концу XIX в. обеспеченность хантов домашним скотом оказалась меньшей. По словам информаторов, в начале нашего столетия (до коллективизации) по Оби в каждом хозяйстве имелось по 3-4 лошади, 2-3 коровы, 5-10 овец.

Распространение оленеводства в Кодеком ареале связано с расселением здесь казымских хантов. По сведениям А.А. Дунииа-Горкавича, 20 оленей держали казымцы на Ендыре, 38 - на р. Кормужиханской, 50 - на р. Низямской [т. 2, с. 206, 252]. Несколько семей казымских хантов приезжали в район Большого Атлыша на период летнего рыболовного промысла, они арендовали у большеатлымских остяков рек Моимская и Малая Моимская, где ловилось много чебака [там же, с. 204-206]. Рыболовные и охотничьи угодья казымцы арендовали у местных, кодских, хантов, которые в свою очередь покупали олени шкуры для шитья малиц.

У кодских хантов преобладали довольно крупные селения, насчитывавшие несколько десятков хозяйств, что связано с их расположением в непосредственной близости от русла Оби. Большинство поселков были многофамильными по составу жителей. Распространены самоназвания по наименованию поселений: *Муликорт ёх* - мулигортский народ *Шашь ваи ёх* - шеркальский народ и т.п. По полевым материалам, род как особая форма социальной организации не выявляется, сородичами считаются родственники-однофамильцы по линии отца. В ареале рано были разрушены традиционные генеалогические связи. Основной хозяйственной ячейкой была малая семья, входившая в территориальную общину. Существовали поселковые (общинные) и семейные духипокровители.

О делении на группы *Пор* и *Мось* сохранились очень смутные представления. Судя по собранной информации, кодские ханты *хурун ёх* называются также *ас ёх* ('обской народ'), *постын ёх* ('проточный народ') и *пор ёх*. К этой группе 'людей *Пор*' от-

носятся большая часть фамилий кодских хантов. Довольно многочисленны были и *тор ёх* ('соровой народ'): Ангашуповы, Китуровы, Константиновы, Маремьянины, Тебетевы, Юдины. Комудванские Савины считаются пришедшими с верховьев Оби во время Священного потопа *Йемэн шинк*, *К Мось ёх* информаторы отнесли фамилии Лысковы, Куриковы, Миляховы. Последние две фамилии считаются "приплывшими" с Северной Сосьвы на плотах во время Священного потопа.

4.

Особенности традиционной культуры хантов Кодского ареала

Сведения о материальной культуре этой группы хантов в литературе немногочисленные. По полевым материалам не удалось выявить локальных различий внутри ареала.

В первой половине нашего века повсеместно были распространены срубные избы без сеней с двухскатными крышами и чердаками, отапливаемые чувалами. Во дворе возле дома располагалась хлебная печь. В жилище противоположную от входа стену занимали нары, на них спали, подстилая оленьи и лосиные шкуры. Единственным видом мебели был низкий столик, за которым ели, подставляя к нарам, на краю которых сидели. Широко бытовала берестяная и деревянная посуда,

В летний период основным средством передвижения были лодки. Именно в Кодеком ареале, судя по полевым материалам, локализуются лодки с каютой, которые у всех других групп обских угров известны под названием *хурун (куран)-хон (рыт)*, т.е. "лодка людей *хурун*". Это большие дощатые лодки длиной 8-10 м, шириной до 1,5 м либо с берестяными, либо с дощатами каютами. Такие лодки служили для переездов на большие расстояния, обычно на них перебирались на места летнего рыболовного промысла в долине Оби. Широко бытовали в этом районе и лодки-калданки.

В зимний период ездили на лошадях и собаках. На лошадях перевозили добытую рыбу, ездили на ярмарки. Собачья упряжка была основным видом транспорта на охоте.

Традиционная одежда среднеобских хантов по покрою и материалу существенно не отличалась от одежды прииртышских, хотя и имела некоторые специфические особенности. Судя по материалам музейных коллекций, в XIX в. кодские остячки носили рубахи из домотканого холста и из хлопчатобумажной ткани. Н.Ф. Прыткова отметила следующие особенности в покрое женских рубах среднеобских хантов: клин, расширяющий подол, был больше, чем клин у более южных групп, он доходил до основания рукавов, где собирался в складки; рукава кроились по косой и не имели малого клина под мышкой [Прыткова, с. 171]. Холщовые рубахи украшались вышивкой, композиционно и технически близкой хантам Прииртышского ареала, с той лишь разницей, что подол рубахи среднеобские женщины орнаментировали с помощью разноцветных горизонтальных полос [Рындина, с. 78]. Встречались рубахи, украшенные вышивкой в виде широких орнаментальных полос, идущих по низу подола и поперек всей длины рукава; края разреза на груди и обшлага рукавов отделялись полосами нанизанного бисера. Рубахи из бумажной ткани орнаментировались разноцветными аппликативными узорами: широкие полосы из бордюров на рукавах и подоле, бисерная отделка разреза и обшлагов [Рындина, с. 78]. Считается, что аппликативный орнамент появился под влиянием меховой мозаики, широко распространенной у северных хантов [Федорова, 1992, с. 102]. В начале XX в. в Кодеком ареале начали носить рубахи-платья на кокетке с воротником-стойкой и оборкой по низу подола, близкие нижнеобским. Воротник, нагрудный вырез, кокетка, манжеты, стан над оборкой, низ подола украшались аппликативным орнаментом, преимущественно в виде полос; манжеты и низ подола часто дополнительно расшивались бисером.

Поверх рубахи или платья кодские хантыйки носили распашную тканевую или суконную одежду с разрезом спереди - *сах*. В прошлом столетии бытовали домотканые холщовые сахи, расшитые вышивкой и аппликативными полосами по рукавам, по-

лам, подолу. В начале XX в. появились сахи из легких покупных тканей, преимущественно из ситца или сатина, украшенные ап-гс шкативными полосами. В холодное время носили суконные сахи, орнаментированные бисером и аппликацией. Зимой одева-ли распашные шубы из сукна на подкладке из птичьих шкурок, в о* яовном из утки, а также гагары, лебедя, реже из меха, укра-гп'лтые бисером и аппликативными полосами.

Шейными женскими украшениями служили стоячие ворот-нички из сукна или холста с нашитыми на них отливками и бляшками. По мнению Н.Ф. Прытковой такие украшения типич-бы для северных хантов [с. 208]. В качестве нагрудных украше-ьмй носили полосы ткани, обшитые бисером с кистями или пле-тшые из бисера ленты. В середине нашего столетия среднеобские хантййки перешли на покупную одежду.

Женские пояса бытовали двух видов: из ткани с нашитыми на них пуговицами и из бисера. В регионе отмечено два вида женской летней кожаной обуви: чирки *ныр*, практически сплошь украшенные бисером, и ровдужные чулки с длинным голенищем *нюки вай*. Бытовали шерстяные вязаные чулки длиной до колена. Зимняя женская обувь шилась из оленьего камуса.

Традиционный головной убор кодских женщин - платок, в прошлом представлявший собой квадратное полотнище ткани, по краям обшито широкой каймой из ткани другого цвета и бахро-мой или кистями. С начала нашего века распространение полу-чили покупные платки с бахромой. Их носили согнутыми по диа-гонали коротким углом вверх, в летний период три угла забра-сывали за спину, а зимой - два угла собирали под подбородком и закусывали зубами так, чтобы можно было закрыть лицо от; старших родственников-мужчин по линии мужа; закрытой при этом получалась одна половина лица.

У мужчин Кодского ареала были распространены холщовые р\бахи-косоворотки с орнаментом, аналогичным прииртышко-му. В XX в. рубахи начали шить из хлопчатобумажных тканей: с разрезом спереди, на кокетке, с отложным или стоячим воротни-ке м. Эти детали и подол украшались аппликацией из полос ткани и бисером. Зимней мужской одеждой были шубы из птичьих,

преимущественно утиных, шкурок, носили и овчинные шубы. Малицы, такие же как у нижнеобских хантов, использовались в качестве дорожной одежды. Мужские пояса изготавливались из сукна (плетеные) и кожи. Летом мужчины носили чулки из ровдуги, зимой - кисы.

Хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что при обследовании "туземного" остяцкого населения Тобольским комитетом Севера в 1926 г., было отмечено следующее явление: южнее ю. Чуэльских (в прошлом Подгородняя волость) на стенах остяцких домов висели утиные шкурки - заготовки для шитья шуб, севернее они почти не встречались [ГФ ГАТО, ф. 690, оп.1, д. 1242, л. 15]. Граница ношения теплой одежды с подкладками из птичьих шкурок совпадает с границей Кодского этнографического района. Та же комиссия подметила и распространение в этом районе остяцкого музыкального инструмента, так называемого "журавля" *тор сапль юх* ('журавлиная шея - дерево'), севернее по Оби, по наблюдениям члена комиссии, музыкальным инструментом служил *нарыс юх* ('играчное дерево') [ГФ ГАТО, ф. 690, оп. 1, д. 1242, л. 15].

О.М. Рындина указала на специфическую форму женских досок для рукоделия (швеек) у среднеобских хантыек - в своей конструкции они совмещали кроильную доску, немного выпуклую по форме, и пирамидальный ящик для хранения швейных принадлежностей [с. 68]. Игольники среднеобских мастериц были матерчатыми, четырехугольной формы, отороченные мехом, обнаруживающие сходство по декорированию с квадратными и круглыми игольниками восточных хантов [Рындина, с. 68].

Несмотря на христианизацию, в Кодеком этнографическом ареале языческие верования сохранялись длительное время; вплоть до середины нашего столетия местные ханты поклонялись своим богам и духам. Этот регион знаменит не только могущественной Кодой, но и тем, что здесь находились святыни, к кото-

рым приезжали ханты и манси из самых разных мест Северного Приобья.

С территорией средневековой Коды угорская традиция связывает местонахождение самого знаменитого персонажа обско-угорского пантеона *Мир ванты ху*, или *Мир савитэ ху* ('За миром наблюдающий человек'), известного у хантов под разными именами: *Орт ики*, или *Вурт ики* ('Богатырь-старик'), *Нум ху* ('Верхний человек'), *Сорни ху* ('Золотой человек'), *Сорни орт* ('Золотой богатырь'), *Мир керты ху* ('Землю вращающий человек'), *Лув ху* ('Всадник'), *Ас тый ики* ('Вершины Оби мужчина'). По словам информаторов, он - главный бог Алачевых и всех хурун ёх, его святилище было расположено в 'Городе богатыря' Вурт вош на земле хурун ёх. При соотнесении Вурт вош с современными населенными пунктами ханты называют либо с. Белогорье, либо с. Троицкое. С *Мир ванты ху* тесно связан и образ Мастера, или Мастерко. Эти русские имена А. Алквист произвел от хантыйского *Торумас тер* ('Оби корня бог') [Майнов, с. 174]. Возможно, "Мастерко" производное от *Ас тый хо* ('Вершины Оби мужчина'). Во время массовой христианизации обских угров в начале XVIII в. Ф. Лещинский сжег изображение *Орт ики* в Шоркарском городке (ю. Шеркалинские) [Абрамов, 1857, с.339-340]. По-видимому, после этого святилище было перенесено в ю. Троицкие, с которыми связывают пребывание божества многие авторы XVIII - XIX вв. Можно предположить, что первоначально святилище Мир ванты ху находилось в столице Коды городке Нангакар, и что именно Орт ики был тем "палтыш-болваном" кодского князя Алача, коим он, по выражению русских письменных источников, "княжил и кодскими остяками владел". Известно, что в ходе христианизации храмы и часовни строились в местах, отмечаемых языческой традицией. Вероятно, после построения в 1600 г. в Кодеком городке церкви Живоначальной Троицы [Абрамов, 1851, с. 12] языческое святилище было перенесено в Шоркарский городок, где его и застала миссия Тобольского митрополита.

Подробное описание культа Орт ики привел К.Ф. Карьялайнен [1995, с. 137-147]. Очевидно, после разрушения Ф. Лещин-

ским кумирню в Шеркалах не восстанавливали, основным местом почитания Мир ванты ху стало святилище около ю. Проточных (неподалеку от с. Троицкого), где, по сведениям Н.А. Абрамова, прежде находился его помощник Мастер или Мастерко, считавшийся вестником всех высших богов и божеством здоровья [1857, с. 340]. По-видимому, произошло совмещение образов двух божеств, имя Мастер распространилось и на Орт ики. По крайней мере, судя по описанию П. Лопарева начала XX в., Мастера называли *Ун урт* ('Большой богатырь'), в призывных песнях его величали: "Правая рука лошади с косами сын... Солнца сын и месяца сын" [1924а, с. 3-4]. Приезжали на поклонение божеству в ю. Проточные дальние, обдорские, остяки, вогулы и даже самоеды [Майков, с. 174; Поляков, с. 60], привозили дары в виде лисьих и других шкурок, просили об успехе в рыболовном и охотничьем промыслах [Лопарев П., 1924а, с.5-6]. Среди современных нижеобских и среднеобских хантов распространено мнение, что каждый мужчина либо один раз в три года должен съездить на поклонение к Мир ванты ху, либо передать подарки (шкурки пушных животных и отрезки ткани).

Другое знаменитое святилище - 'Медного гуся' - располагалось в ю. Белогорских. По описанию Г. Новицкого, побывавшего здесь в 1712-1715 гг., "Гусь боготворимый идол их бяше, изваян из меди в подобие гуся... Почытается бог птиц водных: лебедей, гусей и всякого роду птиц, иже водному обычны плаванию". Его изображение располагалось в гнезде, сплетенном "от различных сукон, холста, кожей". Сюда "от далечайших селений прыхожаху скверная своя совершающе жертвы, единым обычаем скотов, а наипаче лошадей приношаху". По словам Г. Новицкого, прежде здесь имелось еще одно изображение ("зде бо заедино з Гусем"), накануне христианизации ("егда искореняещеся идолобесие") перенесенное на Конду и названное "Кондийским" [Новицкий, с. 57, 58]. Известно, что одной из ипостасей Мир ванты ху была гусиная, в обрядовых песнях 'Мир наблюдающий человек' зовется "весеннего гуся, осеннего гуся облик имеющий богатырь". По-видимому, в Белогорье хранилось зооморфное изображение этого божества. Что касается упоминания Г. Новицкого о перенесении

изображения на Конду, то, вероятно, речь здесь идет не о р. Конда, а о с. Кондинском, основанном на месте Кодского городка. О судьбе Белогорского святилища у более поздних авторов сведений нет, скорее всего, оно утратило свое значение после христианизации. Из рассказов современных среднеобских хантов известно, что на медвежьих игрищах в Вежакары белогорские ханты приезжали с большими (пятиведерными) медными котлами (котел - символ гнезда и Медного гуся?) [ПМА, 1990, Октябрьский р-н].

На территории той же Белогорской волости при устье Иртыша около с. Самарова располагалось еще одно крупное святилище - божества рыб *Ас ики*. Он считался покровителем хантов Белогорской и Васпухольской волостей. Часто кодские ханты называют его старшим из сыновей верховного бога *Тору*. По хантским представлениям, он "заведует" всей обской рыбой, птицей, зверем. Во время борьбы с братьями богатырями может принимать образ чайки. Описание святилища *Ас ики* оставил Г. Новицкий [с. 58].

С Кодским ареалом связано и местопребывание знаменитой обскоугорской богини *Калтац*. Легенда гласит, что сброшенная с неба Торумом за супружескую неверность богиня "упала" на землю вблизи ю. Калтысянских (относились к Чемашевской волости). Ее святилище было действующим до 1960-х гг. Располагалось оно на речке Калтысянской, в березовой роще, на берегу небольшого озера. На поклонение к богине приезжали ханты и манси со всего Нижнего Приобья. Кто не мог приезжать из-за дальности расстояния, присылал дары - шкурки пушных животных и отрезки ткани [ПМА, 1990, Октябрьский р-н]. У А. Каннисто есть сообщение, что *Калтац* приносили жертву после рождения ребенка, через несколько лет после рождения и когда юноша становился способным ходить на охоту [о культуре *Калтац*: Мартынова, 1992].

На территории Среднеобского ареала расположен и не менее знаменитый 'Священный город' *Йем вош* - ю. Вежакарские, место поклонения божеству *Йем вош ики* - "в облике клыкастого зверя *вэрт* (богатырь), в облике когтистого зверя *вэрт*". Именно здесь регулярно проводились Медвежьих игрища. Следует отме-

тить, что многие информаторы называли празднества в Вежакарах не Медвежьими плясками (*мойпыр як*), а священными плясками (*йемэн як*), или плясками богов (*лук як*), делая различия между этими ритуалами. По их объяснению, медвежьими считаются пляски, проводимые по случаю добычи медведя, а в Вежакарах праздники проводились регулярно в марте. А.М. Золотарев отмечал, что праздник в Вежакарах длился 21 ночь и проводился подряд в течение 7 лет, затем наступал 7-летний перерыв, по истечении которого "съезды" богов возобновлялись на новые 7 лет [Золотарев, с. 227, 228]. По словам моих информаторов, праздник в Вежакарах проводился в течение 7 лет, а в течение следующих 7 лет - в с. Теги у березовских хантов. К вежакарскому божеству Йемэн вош ики "приезжали" 7 божеств из соседних селений.

Из местных (поселковых) божеством в Кодеком ареале почитали Водяного царя *Ине хон* (он же *Хутан ики*) из ю. Белогорских, который считался хранителем рыбных богатств. В жертву ему приносили петухов, которых резали в больших заводях. Полагали, что Хутан ики нырял за жертвой в воду, обратясь в выдру, и разгонял водяных, мешающих ловить рыбу [Лопарев П., 19246, с. 81]. В ю. Васпухольских местный дух считался покровителем лосей [Поляков, с. 60]. Духом-покровителем ю. Чемашевских считался *Нуръш ху* ('Болотный человек').

Кодские ханты к категории священных животных *йемэн вой* относили: лося *йемэн вой*, лебедя *хотын*, орла *курук*, гуся *тунт*, гагару *тохтын*, гоголя *сой*, журавля *торт*, из рыб священной считался осетр *сух*. В случае их убийства полагалось делать "угощение" духам *поры*. После ритуала с тушки птицы сдирали шкуру вместе с перьями, изготавливали чучело и хранили на чердаке. По случаю добычи первого в году лося или осетра устраивали соответственно лосиный или осетровый праздник. Эти праздники считались юртовыми (общинными). Отмечали также первую добытую в году утку и гуся, но в более узком, семейно-родственном кругу. На *поры* готовили угощение: варили мясо, рыбу, пекли открытые пироги-шанги. Кодкий район выделяется как место особого почитания журавля *торт*. Чучела этих птиц хранились на чердаках домов и в специальных священных амба-

рах в лесу с прикладами в виде кусков ткани, шкурок зверей и денег [ТФ ГАТО, ф. 690, оп. 1, д. 1242, л. 16]. Наиболее распространенным жертвенным животным у хантов Среднеобского ареала был петух *сюсь курэк*, часто жертвовали лошадей *тов*, овец *ош*, коров *лис*, реже - оленя *выди*.

Ритуальные действия, связанные с повседневным бытом и семейной жизнью, оказались более забытыми. В ходе экспедиции 1990 г. мне так и не удалось собрать какой-либо полной информации о родильном, свадебном и погребальном обрядах этой группы хантов, которая бы позволила выявить специфику именно этого ареала. В этнографической литературе также отсутствует их описание. Судя по данным информаторов, в начале нашего века были распространены браки через сватовство и убегом. Сватать отправлялись на тройке лошадей с колокольчиками. О погребальном обряде удалось выяснить только то, что могилы копали глубокими - до 1,5 м, покойника клали в нее головой на восток. По русскому обычаю, в ногах устанавливали крест, от которого строили хантыйский "домик". Традиция изготовления куклы-заместителя покойного *иттарма* не зафиксирована; по утверждениям представителей более северных групп хантов, кочичи *хурун ёх* никогда не делали куклу-заместителя умершего.

Контакты с русскими у кодских хантов были тесными и охватывали все сферы жизни, в том числе и религиозную. Информаторы рассказывали о том, что ханты и русские вместе отмечали православные праздники: Пасху, Крещение, Благовещение, Троицу, Петров день, Ильин день. Из православных святых большим почитанием пользовались Богородица и Николай, иконы которых имелись практически в каждом хантыйском доме.

Приведенные в главе материалы показывают, что в формировании кодских хантов большую роль сыграли коми, вошедшие как один из основных этнических компонентов в их состав. К XVII в. западные мигранты-коми растворились в местной хан-

тыйской среде. В русский период истории хантыйское население региона пополнилось за счет переселения хантов из Прииртышья, а в конце XIX в. и с Казыма. В западных частях ареала хантами были адаптированы немногочисленные группы мансийского населения с Пелыма, Конды.

Глава третья

НИЖНЕОБСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АРЕАЛ (ОБДОРСКО-КАЗЫМСКИЙ)

Ареал включает самые северные из населенных хантами территорий в бассейне Нижней Оби с правобережными притоками: Казым, Куноват, Питляр, Собтыеган, Полуй и левобережными: Вогулка, Сыня, Войкар, Собь, а также южное побережье Обской губы с бассейном р. Надым. В административном отношении с конца XVI и до начала XX в. Нижнеобский ареал входил в Березовский уезд Тобольской губернии, хантыйское население было приписано к четырем волостям: Обдорской, Куноватской, Подгородней и Казымской. По современному административному делению эта территория относится к Шурышкарскому, Приуральскому и Надымскому районам ЯНАО, Березовскому и Белоярскому ХМАО.

Этнографически Нижнеобский ареал интересен прежде всего тем, что культурно-бытовой уклад хантыйского населения даже в наши дни, не говоря уже о прошлом, характеризуется наиболее стойким сохранением национальных особенностей. Специалисты, желающие иметь наиболее полное представление о традиционной культуре хантов, обычно работают в этом регионе. В наибольшей степени сохранение самобытного образа жизни отмечается в Шурышкарском районе ЯНАО, где хантыйское население пожилого возраста практически не владеет русским языком.

Язык хантов описываемого ареала относится лингвистами к группе северных диалектов хантыйского языка. По классификации М.А. Кастрена, на этой территории распространен обдорский диалект, К.Ф. Карьялайнена - обдорский и березовский, В.К. Штейница - обдорский и шурышкарско-березовский, Н.И. Терешкина - усть-полуйский и собский говоры обдорского диалекта, шурышкарский и казымский говоры приобского диалекта, П. Хайду - обдорский, шурышкарский, березовский, казымский, сынский диалекты [Караулов, с. 243-245; Хайду, с. 45].

В Нижнеобском ареале издавна существовало размежевание между населением северной (Обдорская и Куноватская волости) и южной (Подгородняя и Казымская волости) частей, граница между которыми соответствует современному разделению на Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа. В экономическом, главным образом торговом, отношении жители северной части тяготели к Обдорску, а южной - к Березову. К.Ф. Карьялайнен и Н.И. Терешкин усматривали такое деление и в языковом отношении. Тем не менее разница в языке не препятствовала речевому общению населения, включаемого в состав северной этнографической группы хантов. Мне неоднократно приходилось слышать от казымских и березовских хантов утверждение: "У хантов, проживающих в Октябрьском районе, язык сложный, трудно понимаемый, нам ближе язык северных хантов: шурышкарских, сынских, куноватских, войкарских и даже приуральских" [ПМА, 1990, Березовский р-н, 1992, Белоярский р-н]. В общем сходен был и традиционный хозяйственно-бытовой уклад населения, хотя в нем имелись и заметные местные различия. По моим наблюдениям, хантыйское население Нижнеобского ареала отличает себя от среднеобских хантов. Самоназвания нижнеобских хантов - *ным хантэт* ('нижние ханты') или *овс хантэт* ('северные ханты'). Для обозначения общности используются понятия *тата мув ёх* ('здешней земли люди') или *тата мув хантэт* ('здешней земли ханты'). Разделение ареала на северную и южную части нашло отражение в самосознании и самоназвании: про обдорско-куноватских хантов говорят *овс мув ёх*, или *ным мув ёх* ('северной земли народ'), про казымско-березовских - *овс шуп ёх*, или *ным шуп ёх* ('северной половины народ'). По особенностям в языке и некоторым этнографическим явлениям среди нижнеобских хантов выявляются более мелкие локальные группы, имеющие самоназвание географического характера (преимущественно по названию обских притоков или населенных пунктов по Нижней Оби) и обладающие местным, земляческим, самосознанием.

Нижнеобские ханты в XVII - XIX вв.

Ханты низовой Оби и бассейнов рек Войкар, Сось, Собтыеган, Полу́й, Надым относились к Обдорской волости. В этническом отношении хантыйское население волости не было единым, в ее составе выделяются локальные группы двух таксономических уровней. Е.В. Переваловой убедительно обосновано разделение обдорских хантов на северную - *хаби*, или *молай ёх* - с заметным ненецким влиянием, и южную группы, рубеж между которыми проходит по рекам Собтыеган и Сось. В свою очередь с составе северной обособляются более мелкие группы полуйских, собских, обдорских, вылпослинско-халасьпугорских, оксарковских, ворважско-казымских, надымских хантов; южной - войкарских (бассейн р. Войкар и прилегающая часть Оби) и шурышкарских [1997, с. 156].

По сведениям Н.А. Абрамова, в пределах Обдорской волости находилось 12 древних остяцких городков: Аспухольский, Войкарский, Шурышкарский, Собский, Обдорский, Полу́йский, Пелважский, Вылпослинский, Войтважский, Воксарский, Варватский, Надымский [1993, с. 42]. В 1680 г. в волости Обдор насчитывалось 308 плательщиков ясака, или 990 чел. По данным IV ревизии 1782 г., в волости были 11 "городков" и 1 юрты с общей численностью остяков 2927 чел. По данным VII ревизии, в тех же селениях проживало 3339 хантов, по X ревизии - в 13 поселках было 3180 чел. В 1897 г. в волости насчитывалось 28 хантыйских поселков, в которых проживало 2533 ханта, 30 манси, 183 ненца, 428 русских (ненцы и русские преимущественно жили в с. Обдорском). С конца XVII до конца XVIII в. население волости возросло почти в три раза, с 1795 по 1816 г. численность обдорских хантов увеличилась на 14%, затем началось ее сокращение: к 1897 г. она уменьшилась на 24%. В конце XVIII в. в волости зафиксировано 83 фамилии, в середине XIX в. - 50; основные: Тобольчин, Сяндю, Кельчин, Максаров, Шиянов, Хунзи, Сюлись.

У ревизией 1795 г. в волости зафиксировано 489 браков хантов, в том числе: внутри волости с хантами - 264 (54%), внутри волости с ненцами - 133 (27), с Куноватской - 59 (12), Ляпинской - 13 (3), Сосьвинской - 4 (1), Казымской - 4 (1%), Подгородней - 2. Более четверти браков хантов Обдорской волости пришлось на ненцев, причем преимущественно их заключали жители "городков", расположенных в северной части волости: Воксарского - 26 браков (65% от общего числа), Обдорского - 77 браков (44), Надымского - 8 (40), Вылпослинского - 19 (39), Ворважского - 6 (20), Войтважского - 3 (15), Полуйского - 2 (8%). Жители других селений в браки с ненцами не вступали, по брачной ориентации они тяготели к населению Куноватской волости. В Аспухольском городке на представителей Куноватской волости пришлось 13 браков (65%), в Войкарском - 14 (45), в Шурышкарском - 16 (41), в Пелважском - 9 (41), в Собском - 5 (26%).

Куноватская волость занимала территорию по Большой и Малой Оби с притоками Сыня, Питляр, Куноват. По особенностям языка и культуры в ее составе выделяются группы сынских, куноватских, питлярско-параватских, хошгортско-утьинских, кушеватско-лангивожских, шишенговских, мужевско-киеватских и азовско-пословских хантов [Перевалова, 1997, с. 156-157]. А.Н. Абрамов упоминал о существовании на территории волости 9 древних остяцких городков: Усть-Сосьвинского, Пугорского, Качегатского, Кушеватского, Киеватского, Куноватского, Сынского, Кажигорского, Питлярского [1993, с. 43]. В 1680 г. в волости числился 271 плательщик ясака, или 870 чел. По данным V ревизии 1795 г., насчитывалось 8 "городков" и 1 юрты, с населением 1938 чел., в 1816 г. - 11 "городков" (появились Унгорский и Вандиязский) с населением 1811 чел., в 1858 г. - 8 "городков" и 7 юрт с 1817 жителями. В 1897 г. в волости числилось 53 населенных пункта, в которых проживали 1684 ханта, 108 манси, 828 коми-зырян (преимущественно в Мужах), 132 русских, 72 ненца. За XVIII в. население волости увеличилось более чем вдвое. На протяжении XIX в. его численность, по сравнению с другими группами хантов, отличалась относительной стабильностью; с 1816 по 1897 г. она уменьшилась всего на 3 %. По материалам V

ревизии, в волости фиксируется 51 фамилия хантов, по X ревизии - 24; наиболее распространенные из них: Нетин, Картаганов, Русьмиленков, Лорахов, Куртямов, Макаров.

Материалами V ревизии в волости зафиксировано 306 браков, из которых внутри волости было заключено 155 (51%), с жителями Обдорской волости - 62 (20), Ляпинской - 45 (15), Сосьвинской - 18 (6), Подгородней - 11 (4), Казымской - 11 (4), с ненцами - 4 (1%). Межволостные браки были преимущественно ориентированы на север (Обдорская волость) и запад (Ляпинская и Сосьвинская волости).

Казымская волость занимала бассейн Казыма с притоками и правобережье Оби в районе устья Казыма. По различиям в языке и культуре население волости подразделялось на собственно казымскую, или верхне-казымскую, и приобскую, или усть-казымскую, группы. В пределах волости Н.А. Абрамов зафиксировал 5 древних городков: Ванзеватский, Амьинский, Кукларский, Камытский, Юильский [1993, с. 46]. В 16,80 г. в волости насчитывалось 209 плательщиков ясака, или 669 чел. В материалах V ревизии 1795 г. названо 7 "городков" с 794 чел., в 1816 г. - 8 "городков" (появился Ванзеватский) с 865 чел., в 1858 г. - те же 8 "городков", 1254 чел. В 1897 г. зафиксировано 13 селений (из Подгородней волости перешли ю. Непкинские, Ванзеватские, Тутиянские, вновь появились ю. Робятские, Ельбигортские, исчезли ю. Тамытские, Кельчиларские), в которых проживали 1331 хант, 15 манси, 9 русских. В 1795 г. в Казымской волости названо 25 фамилий, в середине XIX в. - 18, основные: Калин, Тарлин, Харов, Пендыхов, Гришкин, Молданов.

За XVIII в. прирост население в Казымской волости составил 19%. В XIX в. численность казымских хантов возрастала более быстрыми темпами, особенно в первой половине века: к 1897 г. она увеличилась на 54% по сравнению с 1816 г. Рост численности казымских хантов связан с притоком населения в бассейн Казыма из других районов. З.П. Соколова на основе анализа фамильного состава казымских хантов пришла к выводу о двух направлениях заселения Казыма - с Оби и Иртыша (первый, более ранний), с Ляпина и Северной Сосьвы. По наблюдению ис-

следовательницы, наибольшее сходство в языке, материальной и духовной культуре с северными манси обнаруживают именно казымские ханты [1977, с. 136].

Ревизией 1795 г. зафиксировано 153 брака, распределявшихся следующим образом: внутри волости - 105 (69%), с Подгородней - 23 (15), Ляпинской - 8 (5), Кодскими городками - 8 (5), Куноватской - 5 (3), Обдорской - 2 (1), волостями Сургутского ведомства - 2 (1%). У казымских хантов был высоким уровень эндогамных браков, экзогамные браки отличались юго-западной ориентацией и большей частью были направлены в сторону соседней Подгородней волости.

Подгородняя волость занимала бассейн левого притока Оби - р. Вогулка и прилегающую к ней часть Оби. В этническом отношении население волости отличалось монолитностью и образовывало одну локальную группу березовских хантов. В 1680 г. в ней проживало 132 плательщика ясака, или 422 чел. По данным V и VII ревизий, в волости числилось 9 селений, по X ревизии - 10, в 1897 г. - 11. В XIX в. появились ю. Шоганские, Пугорские, Чуильские, Етлаховы, Кондрашкины, исчезли ю. Тагеевские, Амчуковы, Чамкины, Вогульские, а ю. Ванзеватские, Непкинские отошли к Казымской волости. В 1795 г. в волости проживало 508 хантов, в 1816 г. - 411, в 1858 г. - 391, в 1897 г. - 394 ханта, 68 манси, 35 коми-зырян, 8 ненцев. V ревизией в волости зафиксировано 30 хантыйских фамилий, в 1858 г. - 26. За XIX в. население Подгородней волости значительно "обновились": из 26 фамилий, перечисленных в 1858 г., только 12 встречались в 1795 г. и в 1816 г. (основные среди них: Яуровы, Миляховы, Шоголковы, Рябчиковы, Сабуровы). Среди "пришлых" фамилий преобладали Новьюховы и Курыковы. С конца XVII по конец XVIII в. население волости увеличилось на 19%, затем началось его сокращение - оно уменьшилась на 22,5%.

По данным 1795 г., жители Подгородней волости заключили 107 браков, из которых внутри волости - 17 (16%), с Казымской - 27 (25), Сосьвинской - 26 (24), Ляпинской - 14 (13), Куноватской - 13 (12), Обдорской - 3 (3), Кодскими городками - 7 (7%). При низком уровне эндогамных браков брачные связи березовских

хантов тяготели к населению соседних Казышской и Сосьвинской волостей.

О динамике численности плательщиков ясака по волостям нижеобских хантов в XVII в. можно судить по данным таблицы, составленной по материалам Б.О. Долгих. [1960, с. 65]

Таблица 5. Численность плательщиков ясака в Нижнеобском ареале в XVII - начале XVIII в.

п/п	Волости	Число плательщиков (чел.)			
		1629г.	1645 г.	1680г.	1712г.
1.	Обдор	144	161	308	439
2.	Куноват	105	118	271	318
3.	Казым	119	137	209	170
4.	Подгородняя	40	51	132	117
	Итого:	408	467	467	920

Как видим, на протяжении XVII в. численность плательщиков ясака, а следовательно и всего населения увеличилась: с 1629 по 1712 г. число плательщиков ясака возросло в 2,5 раза, причем в двух северных волостях прирост был больше - в 3 раза. По-видимому, причиной увеличения числа ясакоплательщиков была неполнота учета в начале века, что не исключало и притока населения из других районов.

Следующая таблица показывает динамику численности хантов Нижнеобского ареала в конце XVIII- XIX вв.

Численность хантыйского населения региона с 1795 по 1858 г. увеличилась на 8%, к 1897 г. она сократилась на 11%. Устойчивый прирост населения в рассматриваемый период отмечался только у казымских хантов.

**Таблица 6. Численность хантов Нижнеобского ареала
в конце XVIII - XIX в.**

№ п/п	Волости	Численность хантов (чел.)			
		1795г.	1816г.	1858г.	1897г.
1.	Обдорская	2927	3339	3180	2533
2.	Куноватская	1938	1811	1817	1684
3.	Казымская	794	865	1254	1331
4.	Подгородняя	508	411	391	394
	Итого:	6167	6426	6642	5942

Как отмечалось в главе первой, основной причиной изменений численности обских угров в конце XVIII - XIX вв. считаются миграции населения. Миграции стимулировались прежде всего потребностями экстенсивного рыболовецко-охотничьего хозяйства, находившегося в большой зависимости от экологических условий. Необходимость освоения новых угодий в результате "опромышленования" прежних заставляла аборигенов переселяться на новые места, более богатые рыбой и зверем. Предания о таких переселениях до сих пор сохраняются в памяти населения. Согласно легендам, многие хантыйские семьи пришли на места своего нынешнего расселения из других земель. Так, с Оби пришли на Сыню Макаровы и Артанзеевы, на Войкар - Нензеловы, на Сось - Серасховы, спустились с низовьев Оби на территорию Подгородней волости Нетины, Милыховы, Тарасовы. Причинами таких переселений была потеря оленей, нехватка хороших мест для промыслов [ПМА, 1990, Шурышкарский р-н, 1991, Шурышкарский р-н, Березовский р-н]. Отдельные миграции могли быть вызваны эпидемиями, вынуждавшими людей уходить со своих вотчин. Увеличение численности хантов Обдорской волости в начале XIX в., очевидно, связано с притоком населения из более южных районов.

Начавшееся затем сокращение численности можно объяснить вхождением части хантыйских семей в роды сибирских тундровых ненцев, о чем писали Г.Д. Вербов и В.И. Васильев. По данным Г.Д. Вербова, в составе сибирских тундровых ненцев насчи-

тывается семь родов хантыйского происхождения: Саяндер, Тибтця, Поронгуй, Неркыхы, Лар, Нядингты, Пандо; случаи же ассимиляции хантами тундровых ненцев были очень редки [1939, с. 60]. В.И.Васильев обратил внимание на сравнительно позднее вхождение хантыйских компонентов в состав ненцев. По его мнению, процесс оненечивания начался в середине XIX в., так как представители названных выше родов еще в 30-е годы нашего столетия четко помнили о своей былой принадлежности к хантам и вторые, хантыйские, названия родов [1979, с. 211]. Следует отметить, что за вторую половину прошлого века сокращение численности хантов в Обдорской волости (на 20%) произошло преимущественно за счет ю. Надымских (на 49%), ю. Воксарских (на 39%), ватаги Обдорского городка (на 36%), т.е. того региона, где ханты проживали совместно с ненцами и могли "подключиться" к их родам. В других селениях Обдорской волости численность хантов изменилась несущественно.

2.

Этнические связи нижеобских хантов

Нижеобский ареал выделяется среди других этнически разнородным составом населения: ханты издавна проживали здесь совместно с ненцами, а с середины прошлого века и с коми-зырянами, русское население до XX в. было немногочисленным и сосредоточивалось преимущественно в Обдорске и Березове.

Нижеобским хантам их северные соседи, тундровые ненцы, известны под именем *ур ех*. Н.А. Абрамов и Ю.И. Кушелевский переводили название *ур ях* как "дикий человек" [Абрамов, 1857, с. 350; Кушелевский, 1868, с. 52]. Сейчас ханты объясняют его только как "ненцы", причем употребляют преимущественно при описании давних событий, относящихся к *катра пора*, "времени бабушек и дедушек".

По мнению А.В. Головнева, в середине 2 тыс. н. э. в северо-таежной зоне Нижнего Приобья ненцами были освоены районы верхнего и среднего течения Войкара, Сыни, Ляпина, Куновата, а обские угры заселяли нижнее течение этих рек. В XVII - XVIII вв.

в виду превосходства военного искусства и промысловой культуры обских угров над самодийскими, ханты и манси теснили ненцев с их земель. Со становлением крупностадного оленеводства ненцы начали превосходить угров в хозяйственном и военном отношениях, последние оказались объектом поживы для ненцев-олeneводо-в, которые стали совершать регулярные набеги на селения хантов и манси [1988, с. 88; 1995, с. 103].

Этнокультурное взаимодействие угорских и самодийских групп, непосредственно связанное с формированием и этнической истoрией обдорско-куноватских хантов рассмотрено Е.В. Переваловой. По ее мнению, на территории северотаежного Приобья до хантов проживали самодийцы *ур ёх*, вытесненные уграми в ходе военного противостояния [1997, с. 90-101]. Мои полевые материалы также подтверждают, что ханты не были первожителями Нижнеобского ареала, до них здесь жили ненцы. Часто говорят, что обитателями древних городков *ваш най* по Сыне, Войкару и Оби были представители разных народов, племен и родов *ар сыр* ('разные люди') или *мув ики* ('земляные люди'), так как жили они в землянках, следы которых до сих пор видны на городищах [ПМА, 1990, 1991, Шурышкарский р-н]. Казымцы полагают, что в верховьях реки издавна жили ненцы, а среднее течение и низовья Казыма - хантыйская земля [ПМА, 1991, Березовский р-н].

По словам шурышкарских хантов, *ур ёх* приходили снизу, были вооружены луками со стрелами, они хотели занять хантыйскую землю, но ханты их прогнали, *ур ёх* ушли за Обдорск. Куноватские ханты считают, что по Куновату прежде жили ненцы, которых ханты победили и вытеснили на север. О войнах сынских хантов с ненцами свидетельствуют топонимы: местность недалеко от бывших ю. Хорпынгортских называют *Ур ёх вилим* ("Место битвы с ненцами"). В преданиях говорится, что *ур ёх* отнимали оленей, уводили женщин, ханты прятались от них в землянках, убегали в лес.

Сведения о нападении ненцев на хантыйские земли нашли отражение в русских письменных источниках. Так, в 1678 - 1679 гг. на Обдорь приходила "воровская самадь боль-

ше 400 человек и ясачных остяков, которые были в юртах, и на промыслах, и у рыбной ловли, убили 23 человек..., а детей имали к себе в полон... пришли-де они для того, что князца Гынду Моликова с товарищи убить и всех обдорских остяков разорить, и запасы, и платье, и топоры, и ножи, и котлы... рухлядь отняли, оленей они увели без остатку" [Бахрушин, 1955а, с. 95]. В начале XVIII в. куноватский князь Игорь Данилов доносил коменданту Березова, что к ним часто приезжали обдорские самоеды, грабили и убивали крещеных остяков. В 1722 г. 120 самоедов во главе с Ванютой Валдеевым напали на хантов Куноватской волости, угнали 700 оленей и убежали к берегам Ледовитого моря. В то же время аню-карачейские самоеды совершили набег на Подгороднюю волость, убили остяцкого князя Никифора Еурова, "во многих местах копьями изранили и над телом делали надругания", оттуда отправились в Куноватскую волость, где ограбили Награчевские и Жижимковские юрты, убили нескольких остяков "с поруганиями и варварством". В 1725 г. березовскому воеводе было предписано охранять волости остяков от самоедов. Жестокая расправа с зачинщиками (в 1744 г. четверо из них были повешены, четверо наказаны битьем кнутом) и разосланные русской администрацией казаки с огнестрельным оружием положили конец ненецким набегам [Абрамов, 1993, с. 18, 19].

Судя по историческим преданиям обдорско-куноватских хантов, военные столкновения не были препятствием для взаимных браков между ур ёх и хантами. Одна из ветвей рода шурышкарских хантов Кельчиных ведет свое происхождение от ур ёх: хантыйская женщина вышла замуж за ненца, потом вернулась на родину и привезла с собой сына, от которого и пошли Кельчины ур ёх, жители Шурышкарского городка *Лор вошь* [ПМА, 1989, Шурышкарский р-н]. Предание о происхождении фамилии шурышкарских Максаровых рассказывает, что вождь ур ёх взял в жены женщину рода *максар ёх* с детьми и увез на север. Прослышав, что муж хочет убить пасынка, мать отправила мальчика на родину, велев дойти до двух больших соров - Шурышкарского и Питлярского. На Шурышкарском сору мальчика нашли ханты, оставили здесь жить [ПМА, 1989, Шурышкарский р-н].

Легенды о брачных отношениях между хантами и ненцами подтверждаются материалами ревизских переписей конца XVIII в., данные которых были приведены выше. В.И. Васильев отметил, что среди брачных партнеров хантов преобладали члены ненецкой фратрии Харючи, причем эта традиция у сибирских ненцев имела глубокие исторические корни [Васильев, 1988, с. 101]. В XIX - XX вв. брачные контакты обдорских хантов с ненцами упрочились, причем среди межэтнических браков преобладали (и преобладают) такие: муж - ненец, жена - хантыйка, обратная направленность браков встречалась крайне редко. Мне довелось услышать такое объяснение этому факту: "Хантыйки охотно выходят замуж за ненцев, потому что в ненецких семьях менее строгие порядки, женщины более свободны, меньше запретов. А ненки за хантов не выходят, им тяжело вынести все запреты" [ПМА, 1991, Шурышкарский р-н].

Продолжительное соседство обдорских хантов с тундровыми[^] ненцами повлияло на лексический состав их языка. По свидетельству Н.А. Абрамова середины прошлого века, в обдорское наречие остяков вошло немало самоедских слов [1993, с. 8]. П. Хайду насчитал более 100 ненецких слов в северохантыйских диалектах [С. 48]. Значительная часть их относится к оленеводству или обозначениям особенностей северного края (природа, животный и растительный мир) [Караулов, с. 336]. Длительные контакты сказались и на хозяйственных занятиях, традиционной культуре. На Сыне мне говорили, что оленеводство пришло к сынским хантам из северной страны *Чарас* от ненцев [ПМА, 1991, Шурышкарский р-н]. В.И. Васильев установил, что в XIX - начале XX в. нижнеобские ханты приобщились к оленеводству самодийского типа, это "повлекло за собой восприятие ими основных элементов ненецкой оленеводческой культуры (ездовые и грузовые нарты, упряжь, передвижное жилище-чум, мужская глухая одежда - малица, сокуй и меховая обувь - пимы с меховыми чулками и т.п.)" [1988, с. 101].

В этнографической литературе неоднократно указывалось на взаимную ассимиляцию среди обдорско-куноватских хантов и тундровых ненцев [Васильев, 1979, 1988; Головнев, 1988].

А.В.Головнев отметил, что ее результаты обуславливались хозяйственным укладом: ненцы, по каким-либо причинам потерявшие оленей и осевшие на рыболовных песках, перенимали хантыйский образ жизни, и их потомки со временем считались хантами. И наоборот, ханты, перешедшие к тундровому кочевому оленеводству, через одно-два поколения уже назывались "самоедами" [Головнев, Зайцев, Прибыльский, с. 20]. Помимо хозяйственного фактора немаловажную роль в ассимилятивных процессах играл и демографический. В тех местах, где ханты кочевали среди численно преобладавших ненецких родов, происходило оненечивание; где наблюдался численный перевес хантов (бассейны рек Сось, Сыня, Войкар, Куноват) переход к кочевому оленеводству части хантыйского населения не привел к его ассимиляции. Обосновавшиеся в пойме Оби ненцы оказались в многочисленном окружении хантов и вошли в их состав. Так, в материалах переписей середины прошлого века среди остяков ю. Вылпослинских упоминается фамилия Юганпелик, представлявшая собой хантыйский вариант названия ненецкого рода Нано-Харючи, среди остяков Обдорского городка - фамилии Адер (Одер), Нячин, образованные от наименований ненецких родов Надер и Няч [Головнев, 1988, с. 92-93].

Вообще гораздо больше распространены случаи ассимиляции хантов тундровыми ненцами. Выше уже упоминалось об оненечивании семи хантыйских родов, выявленных Г.Д.Вербовым. Условной границей расселения хантов по южному побережью Обской Губы В.И.Васильев назвал пос. Салемал Ямальского района. Восточнее его произошла ассимиляция надымских хантов ненцами (говорят по-ненецки, многие даже не помнят о своем "остяцком" происхождении). К западу от названного поселка между хантами и ненцами сохраняется этническое равновесие : двуязычие и хантов, и ненцев, мужчины-ханты пользуются преимущественно ненецкой зимней одеждой, а женщины сохраняют хантыйскую, у многих хантов (у ненцев в меньшей степени) выявляется двойственное самосознание [Васильев, 1988, с. 104].

Об ассимиляции хантами уральских ненцев, кочевавших в XVII - XVIII вв. на Полярном Урале (в источниках они именуется либо по названиям обских притоков: "сынская, войкарская, ляпинская самоедь", либо по имени Куноватской волости, к которой были приписаны - "куноватская самоедь"), свидетельствует ряд хантыйских фамилий Обдорской и Куноватской волостей. Приведенные В.И. Васильевым данные ревизских переписей первой половины и середины XIX в. [1979, с. 172-173] позволяют предположить, что в составе сынских и войкарских хантов обнаруживаются ненецкие компоненты. Ханты Еприны из ю. Евригортских (Еврейских) в верховьях Сыни скорее всего ведут свое происхождение от куноватских самоедов Евприных (значились в переписях 1811, 1816 гг., в метрической книге Мужевкой церкви за 1864 г.); Сязи - от самоедов Сесиных / Сези из ю. Ямских (Ямгортских) по среднему течению Сыни (указывались в переписи 1816 и 1858 гг.); войкарские Возеловы, вероятно, связаны с самоедами Возичевыми (названы в переписи 1851 г.).

Ненецкое происхождение устанавливается в отношении шурышкарских хантов Кельчиных, (точнее, одного из родовых подразделений Кельчиных, о чем говорилось выше), пельвожских Сязи [Васильев, 1978, с. 125-126], сынских Тыликовых. По преданию, один из прадедов сынских хантов Тыликовых *ур ху*, живший в Приуралье, перешел на восточную сторону Урала и обосновался на р. Нёс-юган. Затем Тыликовы перебрались в верховья Сыни, основав пос. Савырка. В материалах ревизских переписей за 1858 г. по Куноватской волости фиксируется фамилия Тыдыков как "некрещеная самоедь". Имеются сведения, что сначала пришельцы носили фамилию Хатанзеевы, а потом были записаны как Тыликовы [ПМА, 1991, Шурышкарский р-н]. По В.И. Васильеву, фамилия Хатанзеевы связана с родом европейских ненцев Хэтанзи, в состав которого входила фамилия Тьткин / Дылзин, известная войкарским хантам как Тыликов [1978, с. 120-121; 1979, с. 95]. Привлекает внимание сообщение, что в роде Тыликовых течет и коми-зырянская кровь. Информаторы упоминали о том, что Тыликовы - смесь *ур ёх* и *саран ёх*. По данным нехозяйственных книг 1990 - 1991 гг., из четырех семей Тыли-

ковых, проживающих в пос. Овгорт, три были записаны ненцами, а одна - хантами. В ходе расспросов выяснилось, что еще недавно все Тыликовы считались хантами, говорили только на хантыйском и русском языках, хотя сохраняли память о своих нехантыйских корнях. Но поскольку по отношению к ним использовалось прозвище-этноним *ур ёх*, они решили переписаться в ненцы. Никто из представителей этих фамилий не владеет ненецким языком, в быту они не отличаются от "чистых" хантов, придерживаются хантыйских обычаев (ПМА, 1991, Шурышкарский р-н).

Восточными соседями нижеобских хантов были проживающие в верховьях рек Казым и Куноват лесные ненцы *пян хасово*, известные хантам под именем *ёрн ёх*. В административном отношении они были приписаны к Казымской волости. В фольклоре казымских, куноватских, шурышкарских и сынских хантов немало упоминаний о войнах с *ёрн ёх*. Особенно часто *ёрн ёх* предстают в облике врагов в рассказах казымских хантов, с ними было множество кровавых столкновений. *Ёрн ёх* на оленях зимой приезжали, грабили, уводили оленей, ханты от них прятались в землянках *мув хот*. Однажды *ёрн ёх* пытались похитить казымскую богиню, но ей удалось бежать, обманув преследователей [ПМА, 1991, Белоярский р-н].

Имели место и взаимные ассимилятивные процессы между лесными ненцами и казымскими, куноватскими хантами. Так, в составе пуровских ненцев есть ханты Казымкины (фамилия происходит от основателя Казымко, что в переводе с хантыйского 'Казымский человек' - *Казым хо*), переселившиеся с Казыма в середине прошлого века сначала на р. Варъеган (приток р. Аган), а затем на р. Пур, где они поселились вместе с лесными ненцами Пяками, с которыми считаются родней [Васильев, 1979, с. 212]. В свою очередь фамилия Ерныховы у казымских хантов свидетельствует о включении в их состав *пян хасово*. Березовские ханты Отшамовы, куноватские Тяро имеют ненецкие корни, про них говорят *ёрн ёх* [Васильев, 1988, с. 102, 105]. По некоторым сведениям, происхождение от *ёрн ёх* ведут казымские Молдановы [ПМА, 1991, Белоярский р-н].

О длительных постоянных контактах пян хасово с хантами говорят значительные угорские заимствования в языке лесных ненцев [Вербов, 1973, с. 157-158; Терещенко, с. 10]. Этнические связи с хантами отразились также на традиционной культуре этой группы ненцев. В.И. Васильев охарактеризовал ситуацию в районе озера Нумто как этническое сближение казымских хантов и лесных ненцев [1988, с. 105]. Близость двух этносов проявляется и в религиозно-идеологической сфере - совместном поклонении духу священного озера.

Издавна тесные контакты существовали между сынскими, войкарскими хантами и коми-зырянами, их западными соседями. Хаитам коми-зыряне известны под именем *саран ёх* (зырянский народ), или *саран* (зыряне).

Крупные перемещения племен Перми Вычегодской, предков коми-зырян, в район Нижнего Приобья датируются, судя по археологическим материалам, XI - XIII вв. Они были вызваны социально-экономическими процессами, протекавшими в Северном Зауралье [Морозов, Чемякин, с. 102]. Переселения коми в Зауралье продолжались и в последующий период, обусловленные нехваткой промысловых угодий, переселениями русских на земли коми, налоговой политикой московских властей. Миграции на восток из коми края особенно активизировались в связи с массовой насильственной христианизацией населения после учреждения в Усть-Вьми Пермской епархии (1383 г.) и началом миссионерской деятельности епископа Стефана. Скорее всего, коми-зыряне проникали в низовья Оби через правые притоки Печоры и р. Сось. Наряду с коми-зырянами в Сибирь мигрировали коми-пермяки. Ф. Белявский заметил, что "два рода переселились на берега Оби и в окрестности Березова из Великой Пермии во время введения там христианства" [Белявский, с. 62].

Полевые материалы свидетельствуют об ассимиляции мигрантов-коми нижнеобскими хантами. Среди сынских хантов выявляются фамилии, генетически связанные с коми-зырянами: Вальгамовы, Куртямовы, Лонгортовы. По рассказам информаторов, в "старинное время" (*катра поря*) их предки пришли на сынскую землю из-за Урала (*Кев тум пелек* - 'та сторона Урала')

Про представителей этих фамилий говорят *саран рут* 'зырянский корень' [ЦТМА, 1990, 1991, Шурышкарский р-н]. По р. Войкар проживает хантыйский род *Нёрапса ёх*, включающий фамилии Озеловых (Возеловых), Хунзи и Сюлись. О его происхождении существует легенда. Во время *емэн йинк* ('священная вода', потоп) огненная вода затопила землю. Люди собрались на высоком месте Урала (*Кевур*). Туда же пришли и звери, которые считаются священными (*емэн*). На горе животные и люди множества родов (*ар сыр*) жили целую неделю, пока вода не ушла на север. Потом люди разошлись по тем местам, где живут и поныне. Тогда-то, после спада воды, предок *Нёрапса ёх Саран-ики* (зырянин-старик) и пришел на Войкар. По преданию, первым *Нёрапса ху* (человек Нёрапса) был Озелов, затем Озеловы сошлись с Хунзи и Сюлись, теперь они считаются братьями. *Саран ики* превратился в ханта [ПМА, 1989, Шурышкарский р-н]. Сынские и войкарские ханты "зырянского" происхождения считаются "чистыми" хантами. Попав в хантыйское окружение, переселенцы были полностью ассимилированы.

Топонимическими следами ранней (до русской колонизации) волны коми в низовьях Оби являются географические названия Войкар, Шурышкары, Обдорск и упоминаемый в письменных источниках XVII в. городок Уркар. Эти поселения появились на Оби раньше строительства русских острогов. Их названия на коми языке не всегда совпадают с хантыйскими. Так, коми названию *Войкар* ("Северный город") соответствует хантыйское *Аи вошь* ("Маленький город"), *Шурышкар* на коми языке означает "Роговой город", а хантыйское *Лор вошь* переводится "У озера город". Административный центр Обдорск возник на месте зырянского поселка, существовавшего в окружении остяцких и самоедских селений, название "Обдорск" переводится с коми языка как "Край Оби". Л.Н. Жеребцов отмечал, что в XVI в. зыряне, будучи знатоками Сибири, считались лучшими проводниками русских войск, направлявшихся за Урал. Они принимали участие в походе Ермака и экспедиции Дьякова (1598 г.) на Березов [1982, с. 101].

В XVII - XVIII вв. иммиграция коми в Сибирь ослабевает, что не исключало проникновения их в Нижнее Приобье для ведения пушного промысла. Известно, что с конца XVIII в. коми арендовали у обских угров охотничьи угодья. В начале XIX в. восточные склоны Урала стали осваиваться ижемскими оленеводами, часть из которых, в виду нехватки пастбищ в Приуралье, стала уходить на лето с оленями на другую сторону Урала. Коми-ижемцы регулярно появлялись на Обдорской ярмарке [Конаков, Котов, с. 124].

Вторая волна "оседания" коми в Нижнем Приобье пришлась на вторую половину XIX - начало XX в., когда в Сибирь в поисках новых пастбищ устремились оленеводы коми-ижемцы. Первая ижемская семья обосновалась на р. Ляпин в 1842 г., основав пос. Саранпауль (в переводе с мансийского "зырянский поселок"). Затем ежегодно на постоянное место жительства в Зауралье прибывало по несколько семей из Коми края. В 1863 г. ижемские семьи обосновались в Березове, в 1875 г. - в Мужах. В числе первых поселенцев в с. Мужа были Каневы и Чупровы из Сизябска, Дьячковы и Хозяиновы из Мохчи, Поповы, Каневы, Истоминвы, Терентьевы и Артеевы из Ижмы, Семяшкины из Бокура, Филипповы из Мошьюги, Ануфриевы из Усть-Ижмы. В начале XX в. в Обдорске проживало около 100 семей коми-ижемцев, в Мужах - около 90 [Жеребцов, 1974, с. 27]. Переселенцы заселили сначала верхнее течение р. Ляпин и бассейн Нижней Оби от Обдорска до Азово, затем - бассейн Казыма (20-е гг. XX в.) и верхнее течение Северной Сосьвы (30-е гг. XX вв.). По данным переписи 1926 г., в Обдорском районе проживало 3,8 тыс. коми, в Березовском - 1,1 тыс.

Оленеводы-ижемцы оказали влияние на технологию угорского оленеводства, изменение маршрутов кочевания шурышкарских и казымских хантов-оленеводов. Коми-зырянские женщины славились как мастерицы по выделыванию оленьих шкур, которые хантыйки покупали в обмен на рыбу. Несмотря на активную коми колонизацию в конце XIX - начале XX вв., хантыйское население продолжало занимать основные площади, пригодные для занятий промыслами. Ханты в малой степени контактировали с

коми-ижемцами. Это отразилось на практике языкового общения: коми языком владели ханты-оленеводы, кочевавшие со своими стадами за Урал, а промысловое население знало его довольно слабо. Две волны переселений коми в Нижнее Приобье имели разные последствия. В первом случае отмечается полная ассимиляция мигрантов хантами, во втором - взаимоотношения коми с хантами характеризуются как этническое равновесие.

На западе нижеобские ханты соприкасались с населением Ляпинской и Сосьвинской волостей, известное им под этнонимом *охаль*. Считается, что в XVII - XVIII вв. Северную Сосьву и Ляпин населяли ханты, которых затем вытеснили мигранты-манси [Соколова 19796, с. 120, 123; Бабаков, 1973а, с. 214-215]. Некоторое число манси со второй половины XIX в. размещалось в хантыйских волостях (см. выше данные о численности населения по волостям). Многие данные говорят о том, что в средневековые территория хантов в Нижнем Приобье была значительно шире современной. Археологический материал X - XIII вв. бассейна Северной Сосьвы и Ляпина, относящийся к кинтусовскому этапу, связывается с северными хантами. Не ранее XIII - XIV вв. из более западных районов Урала и Печорского Приуралья здесь появились манси, мигрировавшие на восток под давлением коми. Приток мансийского населения из-за Урала продолжался и в более позднее время [Могильников, 1995]. По утвердившейся точке зрения, в итоге ассимиляции хантов пришельцами в XIX в. сформировалась северная, ляпинско-сосьвинская, группа манси, т.е. по крайней мере до XVII - XVIII вв. ханты проживали по Северной Сосьве и Ляпину [Соколова, 1977, с. 136; 1982, с. 33]. Очевидно, наличием хантыйского населения по Ляпину и Северной Сосьве в конце XVIII в. объясняются и брачные связи жителей Обдорской, Куноватской, Подгородней и Казымской волостей с Сосьвинской и Ляпинской.

От информаторов приходилось слышать различные высказывания об *охаль*. "Охаль называли хантов, которые жили выше Березова, разговаривали они по-другому, не так, как мы" [ПМА, 1989, Шурышкарский р-н]. "Мы с охаль как один народ, и язык у нас похожий, мы понимаем по-охальски. Одежда у них немного

отличалась от нашей, покороче была" [ПМА, 1989, Шурышкарский р-н]. "Охаль это манси, которые раньше приходили сюда (на Войкар - *Е.М.*), женились на хантыйках. Мы язык охаль понимаем, березовских хантов мы хуже понимаем, чем их" (ПМА, 1989, Шурышкарский р-н). Широко распространены представления о том, что раньше охаль знали хантыйский язык. Нижнеобским хантам известны *лев охаль*, которых идентифицируют либо с сосьвинскими манси (хантыйское название р. Северная Сосьва - *Лев юган*), либо с хантами, живущими по Северной Сосьве, и *сак охаль*, отождествляемые с ляпинскими манси (хантыйское название р. Ляпин - *Сак юган*) или с хантами, проживающими по Ляпину. Другое объяснение этнонима *сак охаль* - "бисерный народ" (*сак* - бисер) связано с тем, что сак охаль украшали женские платья бисером.

Приходилось слышать и сообщения о том, что в "старое время" охаль будто бы жили по Нижней Оби. Предания говорят о дружественных отношениях между двумя родственными народцами, о взаимных браках. Шурышкарские ханты Кандыгины, Пронькины, Сайнаховы. Шияновы, березовские Себуровы ведут свое происхождение от охаль. Во время священного потопа (*емэн йинк*) их "принесло водой" с Северной Сосьвы на Обь, где они и обосновались [ПМА, 1989, Шурышкарский р-н; 1991, Белоярский р-н]. До недавнего времени шурышкарские ханты (представители разных фамилий) ездили через селение Тильтим (р. Сыня) на приток Северной Сосьвы Пажит-юган на священное место духа (*лук*) *Пажит ики*. Оттуда привозили ветки, из которых затем изготавливали изображение божества, хранителями которого у шурышкарских хантов были Шияновы. "Главными" хранителями Пажит ики считались тильтимские ханты Талигины [ПМА, 1989, Шурышкарский р-н]. Наличие общего священного места для группы шурышкарских и сынских хантов в бассейне Северной Сосьвы говорит о религиозно-культурном единстве их с охаль, что, вероятно, может свидетельствовать об их былой родо-племенной общности.

Хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. В.Н. Чернецов высказал предположение, что в основе русско-

го названия "вогул" лежит этноним *wolol* (хант.), или *выкли*, встречающийся в исторических преданиях обских угров и обозначающий население, приходившее с западной стороны Урала ("из-за Урала Приходящие Выкли"). В.Н. Чернецов связал с этим этнонимом обособленную группировку угорского населения в Северо-Западном Приуралье эпохи бронзы [1971, ч. II, с. 58]. Аналогичную точку зрения о существовании в древности на территории Северного Приуралья какой-то особой угорской группировки, не связанной ни с хантами, ни с манси, высказал и А.К. Матвеев на основе анализа топонимики региона [1968, с. 142]. Лингвисты также полагают, что влияние коми языка на обскоугорские (хантыйский и мансийский языки) началось в период, когда носители этих языков жили в северо-восточной части Европейской России (X - XI вв.) [Караулов, с. 335]. Таким образом, имеются основания полагать, что охаль из преданий нижеобских хантов и есть та особая группировка угров, вошедшая одним из этнических компонентов в состав северных манси и северных хантов. В пользу этого свидетельствует и то, что нижеобские ханты связывают охаль не столько с современными манси, сколько с более ранним населением бассейнов Ляпина и Северной Сосьвы. З.П. Соколовой установлено, что в XVII - XVIII вв. мансийское население с Сосьвы, Вишеры, Конды, Пелыма переселялось на Северную Сосьву и Ляпин [1982, с. 26, 30]. Очевидно, северные манси сформировались в результате смешения трех основных этнических компонентов: древнехантыйского (оронтурско-кентусовского), северного приуральского (связанного с охаль) и мансийского, пришедшего с юго-запада.

Можно предположить, что с *уграмн-охаль* связан род *Пастэр ёх*, зафиксированный В.Н. Чернецовым у ляпинских манси (с. Мункес) и хантов (с. Пастыр-курт на Оби недалеко от Березова и с. Пельвож на р. Полуй). Главное святилище рода, по данным исследователя, располагалось на Ляпине; там, согласно преданию, жили семь крылатых богатырей *Paster*, часть из которых в поисках лосей ушла в низовья Оби, где основала новую ветвь рода [1939, с. 27]. Указание В.Н. Чернецова на то, что старший из семи богатырей - *Paster iipi iki* ('Филин старик') - находился в

селении Пастыр-курт, подтверждали и мои информаторы, при этом они отмечали, что жили там охаль [ПМА, 1990, Березовский р-н].

На юге ханты Нижнеобского региона соседствовали со среднеобскими хантами *хурун ёх*. По одним сведениям, название этой этнической группы связано со словом *хурам* - "узор, рисунок" (*хурун ёх* - "народ в узорчатой /красивой/ одежде"). Более распространена версия о том, что кодские ханты плавали на больших лодках с берестяными каютами *хурун хот*, которые и дали название этой группе хантов. А.В. Головнев и Е.В. Перевалова называют *хурун ёх* "люди (народ) городков", имея в виду хантов Кодских городков [Головнев 1995; Перевалова 1997].

В легендах нижнеобских хантов *хурун ёх* предстают воинственными людьми, совершающими набеги с целью грабежа, захвата оленей, похищения женщин. По сообщению Г.Ф. Миллера, в ведении кодского князя Лугуя некогда находились городки Куноват, Илчма, Ляпин, Мункес, Юил, Березов [т. 1, с. 267]". По-видимому, не желавшие признавать зависимость от Коды северные земли подвергались частым набегам со стороны кодских военачальников. Казышские и березовские ханты упоминали о сражениях с кодскими воинами реже, чем более северные, очевидно, на их земли *хурун ёх* приходили не так часто. Информаторы из селений бывшей Куноватской и Обдорской волостей говорили: "Хурун ёх были во время *ляль* - войны". Войкарские ханты рассказывали, что в "старинное время" (*катра поря*) на Войкар приплывали в больших лодках *хурун ёх*, они грабили, угоняли оленей. Люди *аи вошь ёх* ("маленького городка люди" - одна из групп войкарских хантов) прятались от нападающих в землянках *мув хот*. Однажды войкарские ханты решили напасть на обидчиков у городка в вершине Войкара, часть лодок удалось потопить, *хурун ёх* уплыли обратно. На том месте, где произошла стычка, растут две ели, считающиеся священными [ПМА, 1989, Шурышкарский р-н].

Шурышкарские ханты вспоминают предание о том, как им помог спастись от *хурун ёх* дух-хозяин священного Шурышкарского сора. По преданию, *хурун ёх* много раз приходили с вой-

ной, грабили, убивали. Однажды, когда они появились у городка на сору, дух-покровитель устроил так, что обидчикам померещилось, будто берег "черный" от того, что целое войско местных хантов с копьями стоит, они испугались и убрались восвояси. Рассказывают шурышкарские ханты и такую легенду. Шаман сказал людям *хутли ёх* (название подразделения рода Кельчиных), что хурун ёх идут на них войной. Устроили *йир поры* (жертвоприношение), во время которого шаман сказал: "Войско хурун ёх уже близко, но бояться нечего, у нас людей много". Все легли спать, оставив в дозоре девочку и только что просватанную девушку. Ночью на лодках хурун ёх близко подплыли и закричали, словно утки: *Кока вой юв*. Девочка услышала их крик и говорит девушке: "Давай разбудим наших людей!" Та отвечает: "Не надо будить, это утки кричат". Она слышала, как вождь хурун ёх говорил: "В красном платье женщина моей будет", и захотела стать его женой. Воины напали на спящих *хутли ёх*, всех перебили. Удалось спастись только одному мужчине, потому что он умел нырять как чебак (*кельчи*) - нырнул в протоку *Хутли поел* и уплыл. Потом вынырнул и стал дожидаться возвращения войска хурун ёх, которые пошли дальше вниз по Оби. Дождался и потопил все их лодки, а воинов перебил из лука. От этого мужчины и пошел род Кельчиных *Хутли ёх*, а название получил по имени протоки [ГТМА, 1989, Шурышкарский р-н]. Из этой легенды видно, что браки с кодскими хантами считались престижными, раз девушка оказалась способной на предательство ради вождя хурун ёх. Сохранились воспоминания о том, что уведенные хурун ёх женщины спустя некоторое время возвращались назад с детьми, так что некоторые нижеобские ханты связаны по происхождению с кодскими. Бывало и так, что сыновья нижеобских женщин и хурун ёх приходили воевать на землю нижеобских хантов. Помимо образов врагов хурун ёх выступают в преданиях как торговцы лодками и ремесленными изделиями [ПМА, 1989, Шурышкарский р-н].

Начало знакомства русских с коренными жителями низовой Оби относится к XI в., в Великом Новгороде тогда существовала корпорация "Югорщина", ведавшая торговлей с восточными

"полунощными" землями. В XIII в. русские уже хорошо знали "печорский" путь в Сибирь. В XIV - XV вв. отряды новгородцев промышляли в Западно-Сибирской тайге соболя. Первые русские поселенцы появились в Нижнеобском ареале в самом конце XVI в., когда русскими казаками были основаны первые укрепления - Ляпинское, Юильское, Сартыннинское, Казымское, Березовское, Обдорское [Дунин-Горкавич, т. 3, прилож. 1, с. 3]. Население первых русских острогов было немногочисленным. Так, в 1740 г. в Березове числилось всего 148 чел. податного населения. В 1782 г. в Березовском уезде насчитывалось 298 чел. русского податного населения, в 1850 г. - 425 [Миненко, 1975, с. 46]. С середины прошлого столетия возросло значение товарного рыболовного промысла, началось бурное развитие рыбной промышленности на Оби, тогда-то и начался приток в край русского населения. Контакты с русскими развивались преимущественно в рыбопромышленности, нередко ханты нанимались "в работу" к русским предпринимателям. Существенного влияния на культуру и быт хантов Нижнеобского ареала русские не оказали.

3.

Традиционное хозяйство и особенности социальной организации нижнеобских хантов

Нижнеобский ареал в хозяйственном отношении следует считать рыболовецко-охотничье-оленоводческим, разведение домашних животных (лошадей, коров) до XX в. имело распространение на весьма ограниченной территории по Большой Оби в приустье Казыма (южнее Ванзевата).

В описании Н.А. Абрамова, сделанном в середине XIX в., говорится, что территория Казымской волости "покрыта большою частик» тундрю, на которой пасутся стада оленей; в лесах водятся лисицы, волки, росوماхи, белки, горностаи, медведи, в реках выдры и редко бобры". Угодья Подгородней волости "состоят в лесе, где водятся не в большом количестве разные

звери. Есть сенокосные луга. Рыбопромышленные места скудны..." Территория Куноватской волости "покрыта большею частью болотами и тундрами; лес кедровый, сосновый и еловый, в котором водятся пушные звери, какие и в Обдорской волости, кроме того, что здесь появляются и соболи". Пространство Обдорской волости "состоит из каменистых и тундряных мест, которые доставляют хорошие пастбища для оленей. Здешний мелкий лес изобилует зверями: лисицами, песцами, волками, росомахами, горностаями, белками и дикими оленями". [1993, с. 41, 43, 46]. Подробное естественно-географическое описание Нижнеобского ареала в начале XX в. привел А.А. Дунин-Горкавич. По его сведениям, это смешанная область тундр и лесов, где "по мере удаления на север наблюдается уменьшение числа видов лесной растительности", [т. 2, с. 253]. "Местность в верхнем течении р. Казым (от истока до Юильского городка) низменная, "состоящая сплошь из болот и тундр, на которых редко встречаются небольшие лесные острова чащевой сосны и кедра... По правую сторону Казыма от Юильского городка до реки Сурима... берег окаймлен на ширину до 1 версты небольшими лесными гривами сосны, березы, ели и кедра, достигающих толщины 4-6 вершков. За этой опушкой на север идут тундровые болота... От реки Сурима на низ до Оби... простирается довольно возвышенный материк., на всем своем протяжении он покрыт преимущественно молодняком мешанного леса... Левый берег Казыма от Юильского городка окаймлен неширокою, до 1 версты в ширину, опушкою мешаного леса", [т. 1, с. 58]. "Правый берег реки Куноватской горист и покрыт дровяным лесом. Последний состоит в равном количестве из неплодородного кедра и ели, к которому примешана часть березы и единичные экземпляры лиственницы. Сосна встречается отдельными борами, но в общем ее немного... Лес имеется по реке Сыне только в нижнем течении на протяжении 25 верст; состоит он из кедра с примесью березы; далее до вершины проходит опушкой дровяная суковатая лиственница с елью до 6 вершков толщиной... За рекой Сыней сосна уже не встречается, а р. Войкар - есть северный предел распространения кедра" [т. 2, с. 250, 253].

Промысловое значение у нижнеобских хантов имели такие виды рыб, как осетр, нельма, муксун, шокур, пыжьян, сырок, налим, щука, язь, ерш, окунь, плотва; основными объектами охотничьего промысла служили белка, лисица, горностаи, песец, росомаха, лось, дикий олень, медведь, лесная и водоплавающая дичь. По хозяйственно-культурным характеристикам хантыйского населения ареал поразделяется на две части: 1) казымско-березовскую с промысловым охотничье-оленоводческим хозяйством и таежным транспортным оленеводством, 2) обдорско-куноватскую с преобладанием рыболовства и тундровым отгонным оленеводством. Различия в хозяйственной деятельности проявлялись не только в сочетаемости отраслей, но и в их неодинаковом удельном весе в системе жизнеобеспечения и определялись, прежде всего, природно-географическими условиями.

Внутри Казымско-Березовского субрайона у обской группы (*ac ёх*) главным занятием было рыболовство, охотничий промысел имел вспомогательное значение, никаких домашних животных, кроме собак, они не содержали, за исключением жителей четырех юрт (Ветляховские, Полноватские, Сумутнельские, Чуильские) Казымской волости, где разводили лошадей, коров, овец. У хантов, живущих по рекам Казым, Вогулка, Пугор, Тегинская главным занятием был охотничий промысел, на второе место следует поставить рыболовство, стационарное оленеводство имело транспортное назначение. По данным обследования Березовского района 1926 - 1929 гг. о доходах от различных отраслей в хозяйствах коренного населения, у жителей среднего и верхнего течения Казыма рыболовство давало 40,3% всех доходов, охота - 38,7, скотоводство (оленоводство) - 10,4, извоз и прочие заработки - 10,6; в хозяйствах обских казымцев соответственно: 51,5%, 25,2, 6, 17%; в хозяйствах березовцев: 33%, 25,2, 19,2, 21,5% [Архив ХМАО, ф. 43, оп. 2, д. 112, л. ПО].

^ Обские ханты Казымско-березовского субрайона обычно имели три поселения: зимнее, весеннее и летнее, иногда к ним добавлялось осеннее, на котором велся осенний промысел уток перевесами. Летние юрты располагались непосредственно на обском берегу, зимние - на расстоянии 2 - 10 км от летних в лесу,

весенние, как и осенние, служили местом охоты на уток. На весенние места *тав курт* перебирались в апреле на лошадях по льду. Здесь ловили уток: мужчины - ружьями, женщины - перевесами; занимались подледным ловом карасей на озерах плетеными ловушками-мордами *пун*. В мае уже на лодках отправлялись на летние места *лун курт*, где оставались до сентября. Коров на летники перевозили на спаренных лодках, а лошадей оставляли на весеннем месте. Некоторые семьи сразу в апреле по льду перебирались на летники. В мае, после ухода льда, перегораживали протоки, в небольших проточках ставили ловушки - морды *пун* и рукава *нос*, в озерах и старицах промышляли сетями *холап*. На Оби занимались неводным и калыданным ловом (*культы пун*), особенно широко распространенным для ловли муксуна в июле. Со спадом воды закрывали сора, устанавливая запоры *вар*, которые облавливали плетеными ловушками, сетями и неводами. С уходом воды, в конце июля - августе, неводили на Оби бригадами из 3-7 человек неводами *тохаль* длиной 150 - 200 м. У обских казымцев часть летнего времени (в июле, августе и даже в сентябре) уходила на заготовку сена для домашнего скота, которое вывозили с летников по зимнему пути на лошадях. В зимние поселки *таль курт* возвращались на лодках до замерзания рек. Зимой занимались подледным ловом у "живунов" посредством мррд *пун*, малых неводов *аи тохаль*.

1/Охотничий сезон начинался в сентябре с промысла ондатры, тогда же ловили боровую дичь. Следует отметить, что у обских групп преобладал коллективный лов: промысел совместно вели 2-3 человека. В лесу у каждой семьи стояли свои охотничьи избушки. Охотники уходили в тайгу дважды: на ноябрь - декабрь в "ближние" угодья (за 20 - 30 км от селения) и на январь - март - в "дальние урманы". По малому снегу (октябрь - ноябрь) гоняли лисиц на лошадях неподалеку от поселков, зимой на них устанавливали капканы, били ружьями. Основным промысловым зверем была белка (на нее ходили обязательно с собакой, били ружьями), добывали также горностаю (с использованием черканов), соболя (капканами, ружьями). Ловушки устанавливали по кругу - каждый по своей тропе *ма пантем*, один круг охотник

проходил за 5-7 дней. Лосей забивали в сентябре - октябре, потом в марте, по насту. Охота на лося была коллективной, обычно на него ходили по 4-5 человек.

: Животноводство в приобской части Казымско-Березовского субрайона ничем существенным не отличалось от животноводства в Прииртышском и Кодеком ареалах.

"Оленные" казымцы и березовцы так же, как и обские, имели по три сезонных поселка: летний *лун курт*, зимний *тал курт* и весенний *тов курт*. Летние находились на калыданных песках в русле Оби (казымцы) или в низовьях Северной Сосьвы (березовцы), на них вели промысел ценных видов рыб: осетра, нельмы, муксуна, стерляди, тугуна. Весенние служили местом промысла уток и другой водоплавающей перелетной птицы. Зимники располагались в тайге по притокам, казымцы зимой жили отдельными семьями, а березовцы - по 2-3 семьи. С.И. Руденко отмечал, что в начале XX в. казымцы вели летний рыболовный промысел по Оби не только в приустье Казыма, а на гораздо большей протяженности реки - от с. Кондинского до устьев Оби и даже в Обской губе [1914, с. 4].

На весеннее место перекочевывали на оленях в марте - апреле, оставались там до мая. Оленей объединяли в большие "сборные" стада и оставляли одну семью с пастухом (*вули таулман вок ики* - 'олений окарауливающий мужчина') для летнего выпаса (с апреля по октябрь). В конце мая - начале июня по воде на больших лодках с каютой (*хурун хоп* - 'зырянская лодка') переезжали на места летнего рыболовного промысла. К концу октября возвращались на зимники и забирали оленей, которых семья пастухов подгоняла навстречу к руслу Казыма или Вогулки. С семьей, которая летом окарауливала оленей, рассчитывались рыбой. За добытой в летний период рыбой ездили после установления зимнего пути на оленях.

Рыболовство казымских и березовских оленеводов аналогично обской группе. По большой воде, в мае - июне, облавливали сора сетями *турах*, с началом спада воды закрывали устья соров большими (коллективными) запорами *вар*, которые строили всем селением, снимали запоры в августе по малой воде. В период

"вонзи" (массовый ход полупроходных видов рыб по основному руслу Оби в начале лета) ловили рыбу калыданами и плавными сетями. После ухода воды в июле неводили малыми неводами *аи тухаль*, в августе - сентябре большими неводами бригадами из 4-10 чел. Осенью ставили малые запоры *пол* по небольшим речкам, зимой занимались подледным ловом рыбы сетями, неводами и мордами на сорах и речках.

У Охотничий промысел был индивидуальным. Часть казымцев вела зимний охотничий промысел в верховьях Казыма, часть уходила в бассейн Куновата; березовцы промышляли по Вогулке. Мужчины уезжали на оленях в дальние урманы на 2-3 недели, а женщины с детьми и стариками оставались с большей частью стада на месте, где имелось достаточно корма. На белку охотились с собакой, стреляли из ружья. На горностаю и лисиц ставили черканы, капканы. Зайцев, соболей ловили капканами, слопцами и петлями, песцов - капканами, пастями, стреляли из ружей. Медведей добывали в январе в берлогах. В марте промышляли выдру капканами, мордами и ружьями. В бассейне Казыма широкое распространение имела весенняя охота на уток перевесами. В августе - сентябре занимались промыслом боровой дичи (тетеревов и глухарей) посредством слопцов и отстрелом из ружей. Охотой на копытных (лосей и оленей) занимались кругло-чно, чаще всего осенью и весной по насту.

У Оленеводство казымских и березовских хантов относится к таежному типу, для которого характерны следующие признаки: небольшой размер стад, оседлость (сезонная), транспортное использование оленя, сочетание интересов оленеводства и промысла, наличие специальных сооружений для летнего содержания оленей и деревянных пут для ограничения их подвижности [Козьмин, 1986, с. 51]. Статистические сведения о поголовье оленей имеются только на начало XX в. Согласно данным Приполярной переписи 1926-1927 гг., в бассейне р. Вогулка насчитывалось 11 кочевых хозяйств, у которых имелось 1568 оленей (в среднем 142 оленя на хозяйство), и 27 оседлых хозяйств с 895 оленями (в среднем 33 оленя на семью) [Оленеводство Тобольского Севера в цифрах, с. 4, 5]. Из источника не ясно, какие хо-

зьяйства попали в категорию кочевых, какие - оседлых? По моим полевым материалам, у березовцев оленеводами считались Аятовы, Выртыпенковы, Миляховы, Рябчиковы, Отшамовы. По словам информаторов, до начала социалистических преобразований в среднем семья имела 30-70 оленей, стадо в 150-200 голов считалось большим. Относительно численности оленей у казымских хантов сведения также расходятся. По данным С.И. Руденко начала XX в., казымцы держали 10-30 оленей на семью [1914, с. 4]. По сведениям А.А. Дунина-Горкавича того же времени, в юртах по верхнему течению Казыша остяки имели от 10 до 400 оленей на хозяйство [т. 2, с. 240]. В материалах обследования бассейна Казыма середины 1920-х гг. говорится, что в начале XIX в. в среднем на семью приходилось 20-30 оленей, затем, когда к середине прошлого века охотничьи ресурсы казымцев оказались существенно истощенными, в силу чего они были вынуждены опромышлять ежегодно большую территорию, начался процесс наращивания оленьего поголовья. К началу XX в. появились стйда в 100 и даже 500 оленей. Общее поголовье оленей на Казыме, по данным Приполярной переписи 1926-1927 гг., составило 11 921 голов. Хозяйства, имевшие более 200 голов, считались среди казымцев кочевыми, значение рыболовства в их системе жизнеобеспечения было незначительным [Архив ХМАО, ф. 43, оп.1, д.112, л.352-354].

Традиционная система выпаса оленей у казымцев и березовцев выглядела следующим образом. Зимой олени находились в 0,5-2 км от селения без пастуха. Охотники на ездовых оленях, запряженных в нарту по три, уезжали в "дальние вотчины" на пушной промысел. За основным стадом присматривали женщины и подростки. Для того, чтобы животные не ушли далеко от стойбища, им надевали либо деревянные "башмаки" на переднюю ногу, либо деревянные колодки на шею. Окарауливать и собирать оленей помогали собаки. По возвращении мужчин с промысла, в конце марта - апреле, проводили "выборку" - забивали больных оленей. В апреле кастрировали самцов, готовились к отелу - перекочевывали на специально выбранное место. В период отела (конец апреля - май) маточных и ездовых оленей содержали от-

дельно. В конце мая - июне, когда большая часть населения спускалась на летний промысел рыбы в низовья Северной Сосьвы и к Оби, оленей собирали в общее стадо, с которым у березовцев оставалось по 1-3 человеку от семьи, а казымцы поручали окарауливание стада одной семье, которая не выезжала на Обь. На летний период, при условиях выпаса в тайге, нужно было 2-3 пастуха на 100 оленей. Семьи, имевшие стада в 100 и более голов, пасли оленей самостоятельно. На "комариную пору" (июнь - июль) березовцы в специально огороженных местах устраивали дымокуры *пузын хот* ('дымовой дом'). Казымцы строили специальные 'оленьи дома' *вули хот*, представлявшие собой либо срубы с крышей из жердей и хвойных ветвей, либо каркасные сооружения из бревен или плах, имевшие три стены, сверху покрывались навесами из веток. По углам "оленьего дома" устанавливали дымокуры.

Каждая семья имела свои маршруты перекочевков. Так, березовские Рябчиковы и Аятовы выпасали оленей в бассейне р. Пугорская, Отшамовы - по р. Тегинская, Миляховы - по Шаманской речке, Выртыпенковы - по р. Вогулка. Казымцы кочевали в бассейне Казыма по притокам Лыхн, Амня, Помут, Сорум, Мозям, Курьёх. При этом общее направление движения было таким: осенью начинали перекочевки "вверх", т.е. выше по течению реки (Вогулки, Казыма или казымских притоков), к весне спускались в низовья рек. Амплитуда летних перекочевков была небольшой (5-7 км), места меняли через 1-2 недели. В "комариную пору", когда пользовались "оленьими домами", казымцы вообще не кочевали. Зимой перекочевки были связаны с нуждами охотничьего промысла. Для пополнения стад казымские и березовские ханты покупали оленей на Урале у коми-зырян или у тундровых ненцев [ТФ ГАТО, ф. 690, оп. 1, д. 1242, л. 56]. В качестве транспортного средства олени использовались зимой, их запрягали в нарту по 2-3, приходилось слышать, что в случае необходимости на оленях передвигались и летом, запрягая в нарту 4 оленя. /

. ^ В Обдорско-Куноватском субрайоне хозяйственная специфика определялась разделением хантыйского населения на оседлых рыболовов и кочевых оленеводов. Первые имели три-четыре се-

зонных поселения, вторые в течение всего года кочевали со своими оленьими стадами. Еще М.А. Кастреном было замечено, что северные остяки различаются по образу жизни: "одни из них живут только рыболовством, другие же, кроме того, содержат и оленей. Последние из них, по крайней мере, летом разделяются надвое, из которых одни исключительно преданы рыболовству, другие отправляются на кочевья со своими оленями". М.А. Кастрен указал на деление обдорских остяков "на рыбаков и владельцев оленей". "Первые живут по рекам, особенно по Оби и Надыму; последние кочуют, по крайней мере, часть года по тундрам и живут там в постоянном общении с Самоедами. Число Остяков, занимающихся исключительно уходом за оленями, незначительно и ежегодно уменьшается от смешения с сильным племенем Самоедов" [1858, с. 314]. Д/

§ У рыболовов основной сезон рыбодобычи приходился на лето, когда все население притоков спускалось на рыболовные пески к руслу Оби, которые и сейчас считаются наиболее продуктивными в Приобье) Следует отметить, что на неводных песках по Оби в период интенсивного летнего лова сосредоточивалось по 5-15 и даже более хозяйств, причем селиться на одном месте старались родственными группами. Создание больших юрт-стойбищ на Оби обуславливалось не только экологическим фактором (наличием "богатых" рыбоугодий - песков), но и воздействием русского предпринимательства, обеспечивавшего скупку продукции и оснащение лова инвентарем. На летники *лун горт* перебирались после прохода льда, в конце мая, и оставались до августа - сентября. На небольших протоках ставили ловушки-рукава *нос*, сора облавливали сетями *холан*. С началом спада воды, в июле, сора закрывали летними запорами, которые считались общими для семей, живущих на одном месте. На Оби неводили бригадами по 6-7 человек, использовали калыдан. В августе, после спада воды, многие семьи съезжались рыбачить на Шурышкарский сор, где местные ханты (из одноименных юрт) устанавливали большой запор *вар*, а все остальные ловили рыбу плавными и ставными сетями, неводили малыми неводами. После открытия летних запоров, в конце августа, переезжали на

осеннее место *сус горт*, где важанили до появления льда. На зимники *таль горт* перебирались после замерзания рек, в ноябре. Зимой жили отдельными семьями, рыбачили по семейным угольям - речкам и ручьям, перегораживая их малыми запорами. Наряду с этим в декабре, перед загаром, ставили коллективные запоры в устьях крупных рек, снимали их в марте. В зимний период из ловушек широко применялись гимги *пун*. В начале весны неводили по ямам, после ледохода ловили рыбу важанами *вошты* по 4-5 человек.

Охотничий промысел в Обдорской и Куноватской волостях был развит меньше; чем в более южной части ареала. Сезон начинался в сентябре с лова ондатры на озерах, пушная охота открывалась в ноябре. Зимой охотились на своих участках, там же где ставили зимние запоры. Всю зиму семьи постоянно передвигались по своим "вотчинам", продолжительность стоянки определялась наличием корма для оленей и количеством промыслового зверя, прежде всего белки. За оленями смотрели женщины, а мужчины уходили в тайгу на 2-3 дня. На "дальние" пушные промыслы отправлялись эпизодически группами по 4-5 человек (*вой велты ёх* - 'зверя добывать народ'), белку иногда промышляли на Урале. Преобладала индивидуальная охота, сынские охотились по 2-3 родственные семьи. Весной и осенью добывали уток пересами.

§/ Оленеводство)Обдорско-Куноватском подрайоне представлено двумя системами: тундровой отгонной (у оленеводов) и полукочевой таежной (у рыболовов). Тундровая система характеризуется следующими признаками: большими размерами стад (200-250 и более голов), группированием их в летний период до 400 и более голов, меридианальными сезонными перемещениями, круглогодичным окарауливанием стад с помощью оленегонных собак, составом стада, предусматривающим расширенное воспроизводство поголовья, преобладанием продуктов оленеводства в сфере потребления, транспортным использованием оленей, [Головнев, 1993, с. 86]. Полукочевое оленеводство рыболовов аналогично рассмотренному выше северотаежному оленеводству казымских и березовских хантов. Оленьи стада объединяли на

летний период и выпасали по притокам крупных рек. В мае, перед началом интенсивного летнего рыболовного промысла, большинство оседлых хантыйских семей отдавали своих оленей на выпас семьям оленеводов, забирали животных в ноябре. М.А. Кастрен и И.Г. Юданов отмечали, что обдорские остяки отдавали своих оленей на летний выпас ненцам [Кастрен, 1860, с. 193; Юданов, с. 43], мои же информаторы подчеркивали, что оленей на лето старались передать родственникам. Рассчитывались за летний выпас рыбой, рыбьим жиром, деньгами по договоренности. В зимний период олени находились с хозяевами.

По сведениям А.А. Дунина-Горкавича за 1904 г., на Сыне не было безоленных хозяйств, 75 семей держали 1475 оленей (в среднем 20 на хозяина); на Куновате безоленных хозяйств тоже не было, в 33 хозяйствах имелось 226 оленей (по 7 оленей на хозяина) [Т. 1, с. 168]. Судя по материалам Приполярной переписи 1926-1927 гг., в бассейне рек Сось и Войкар было 10 кочевых хозяйств с 1537 оленями (в среднем 154 голов на хозяйство), в бассейне р. Куноват - 18 кочевых хозяйств держали 611 оленей (в среднем 34 голов), по Нижней Оби в районе Обдорка 27 кочевых хозяйств владели 1546 оленями (в среднем 57 голов). Среди рыболовов на Сыне 81 семья содержала 3846 оленей (в среднем 47 голов на семью), обские ханты в Обдорско-Куноватском субрайоне имели 19 774 оленя в 383 хозяйствах (в среднем 52 головы) [Оленеводство Тобольского Севера в цифрах, с. 3, 4]. По данным И.Г. Юданова того же времени, среди сынских хантов только 4 семьи вели круглогодичный выпас оленей (т.е. были кочевниками), остальные отдавали своих оленей на летний выпас пастухам, несколько малооленных хозяйств летом содержали поголовье "у юрт, устраивая для оленей укрытие с дымокурами" [Юданов, с. 43-44]. По словам информаторов, семья, владевшая более чем 100 оленями, считалась богатой.

Семьи оленеводов круглогодично кочевали с оленьими стадами. В.А. Козьмин обратил внимание на то, что у обдорских хантов-оленеводов олени стада были малочисленнее, маршруты перекочевок короче, чем у ненцев, и в их хозяйстве сохранялась значительная роль промыслов [1986, с. 50]. На летний период

оленьи стада перегоняли на Полярный Урал. Движение на северо-запад начинали в апреле, до вскрытия Оби. Май - время отела (*пеж омасты тылась* - 'оленьята рождаются месяц'), для которого специально выбирали тихое место, часто болото *нюром*, разделяли быков и важенок. Соединяли стадо примерно через месяц, когда оленьята немного подрастали. Летнее время оленеводы проводили на отрогах Полярного Урала. Обратное движение на юго-восток начиналось в октябре (*айтаха пооты пишась* - 'маленькие места замерзают месяц'), в ноябре (*ас потты талась* - 'Обь замерзает месяц') перегоняли стада через Обь. Зимой кочевали по правобережью Оби. Следует заметить, что в смешанном по этническому составу оленеводческого населения Обдорско-Куноватском субрайоне маршруты кочевий были распределены: так: у ненцев была "своя дорога" *ур ёх юш* ('ненецкая дорога'), у коми - *саран ёх юш* ('зырянская дорога'), у хантов - *ханты ёх юш*. Пастбища делились по семьям: у каждого оленевода существовали свои строго регламентированные маршрут и график передвижения. \ /

По словам информаторов, в 'старое время' *катра пора*, у обдорско-куноватских хантов широко бытовала езда на собаках. В нарту запрягали по 5 собак. Для переездов по хозяйственным нуждам (подвозка дров, проверка запоров, сетей) запрягали две собаки.

Сбор ягод (морозика, смородина, брусника) не имел большого значения в Нижнеобском ареале, собирали в основном для непосредственного потребления, впрок заготавливали мало.

Особенностью социальной организации хантов Нижнеобского ареала является наличие довольно четкого деления на родовые группы, соотносимые с более крупными образованиями *Мось ёх* и *Пор ёх*. У обдорских и части куноватских (по рр. Сыня, Куноват) хантов род представляет собой объединение нескольких фамилий, совместно проживающих, имеющих общего предка

и духа-покровителя *лук*. Представители одного рода считаются братьями и сестрами, про них говорят "*исыр рут* ('одинакового корня'), *тух хоят* ('одного бога люди'), браки внутри рода исключаются. Именно о таких родах северных остяков писал М.А. Кастрен: "Каждый род состоит из нескольких семей, связанных между собою единством происхождения и связями родственными... Кроме родства, звеном соединения между отдельными лицами одного и того же рода служит единство религии. Каждый род издавна имеет своих идолов, которые часто сохраняются в одной и той же юрте и чествуются от всего рода жертвоприношениями и другими религиозными обрядами" [1858, с. 77-78]. У казымско-березовских и обских (живущих по Оби в пределах Куноватской волости) хантов представителями одного рода считаются родственники-однофамильцы по линии отца [о роде у хантов см.: Мартынова, 1995, с. 98-102].

Разделение на "людей" *Мось* и *Пор*, судя по данным Е.В. Переваловой, не прослеживается севернее Обдорска. [Перевалова, 1997, с. 105] *Мось* считаются древнее, чем 'люди *Пор*', по сказаниям, первые жили в Нижнем Приобье еще до "времени потопа", вторые появились здесь на плотах во время "священной воды". Нередко название *Пор* связывают именно с термином "*пор / нур* - "плот". К группе *Мось* их относят род сынских хантов *Сеня* их (Лонгортовы, Куртямовы, Вальгамовы, Еприны, Рохтымовы), два рода войкарских: *Аи ваи* их (Аляба, Ребась, Тынзяновы, Романовы(?) и *Нёранса* их (Озеловы, Возеловы, Сюлись, Хунзи), на Куновате род *Кунаут* их (Яркины, Тользины, Тояровы), два рода обских хантов: *Ас пухлан* их (Пастыревы, Костины, Конкины, Елескины) и *Ванды* их (Кандыгины, Альгамовы, Ковшины, Пронькины). У березовско-казымских и у части куноватских (расселенных по Оби) хантов с группами *Пор* или *Мось* соотносятся отдельные фамилии. Помимо названных родов, к *Мось* их относятся такие фамилии, как Тарасовы, Аемаховы, Тогаचेвы (обдорско-куноватская группа), Молдановы, Каксины, Себуровы, Ользины, Туполевы (казымская группа), Новьюховы, Кугины, Рубаховы, Хандыбины, Аятовы, Туевы, Новьюховы в селении Теги (березовская группа). В группу *Пор* их, они же *Послан* их

('проточные люди'), *Нобты ёх* ('приплывшие люди') входят роды войкарских Послан (Нензеловы, Севли, Карасимовы), сынских Послан (Макаровы, Талигины, Артанзеевы, Пырысевы, Пугурчины, Муркины, Питласовы), куноватских Послан (Сотруевы, Тоголмачевы, Уксюмовы), обских Послан (Шульгины, Серасховы). При этом степень родства между фамилиями, относящимися к группе *Пор* - Послан, различная, так, на Сыне одну группу родственников (считаются "как родные братья и сестры") составляют Талигины, Макаровы, Пырысевы, другую - Пугурчины и Артанзеевы, третью - Муркины и Питласовы. Березовские ханты соотносят с *Пор* фамилии Непкиных, Неттиных, Миляховых, Отшамовых, Выртыпенковых, Явровых, Шоколковых, Новьюховых по р. Вогулке; казымские - Азиных, Тришкиных, Куриковых, Лельховых, Тарлиных, Шадриных. Следует также отметить, что к группе *Мось ёх* нижеобские ханты причисляют не только хантов, но и представителей других народов - коми, лесных и тундровых ненцев, а также марийцев, мордву, эстонцев, к группе *Пор ёх* - русских и татар. (Нередко информаторы, представляя меня знакомым, давали такое пояснение: "*Русь нэ - Пор нэ, Послан нэ*", т.е. "Русская женщина - это женщина Пор или Послан.") Березовские Рябчиковы вообще не соотносятся ни с *Пор*, ни с *Мось*, про представителей этой фамилии говорят: "Они не *Пор* и не *Мось*, они - *Кыр нёльпы ёх*". По преданию, их предками были *Кыр нёльпы ики* и *Кыр нёльпы ими*, жившие в лесу в густых кустах черемухи и шиповника, от которых веет холодом.

В Нижнеобском ареале ханты до наших дней строго придерживаются обычая родовой экзогамии, выраженном в положении *Нэ вутэ ант рахал рут* ('Жену нельзя в родне брать'). В случае смерти матери детей на воспитание обычно брал отец или старший брат матери. При этом дети нередко получали фамилию матери, но ни родовая принадлежность, ни принадлежность к группам *Пор-Мось* не менялись, т.е. оставались отцовскими. Поэтому некоторые фамилии нижеобских хантов относятся к двум родам и к разным группам. Например, часть сынских Куртямовых принадлежит к роду *Сеня ёх*, группе *Мось ёх*, часть - роду *Послан ёх, Пор ёх*. В ходе расспросов выяснилось, что одна жен-

щина Куртямова (род Сеня ёх) вышла замуж за Шульгина (род Послан ёх), родила сына. После смерти родителей мальчик рос в семье дяди по матери (Куртямова), который и дал племяннику свою фамилию, однако по роду он относился к Послан ёх, от него и пошли другие Куртямовы Послан ёх или Пор ёх. Аналогичные случаи отмечаются и среди других фамилий (Тогачевы, Миляховы, Аятовы).

Помимо родовых весьма значимы были территориальные, земляческие связи: в повседневном общении наряду с фамилиями использовались названия групп, выделяемые по селениям: *Самыт нёл ёх*, *Тук якын ёх*, *Сури ёх*, *Лор ваиш ёх* и т.п. Родовые (генеалогические) связи в Нижнеобском ареале играли большую роль в религиозно-культурной сфере и проявились прежде всего в поклонении родовым духам-покровителям *лух* или *лонг*. Долго и прочно сохранялись здесь и патронимические связи, выражавшиеся в совместном поселении родственников на местах промыслов и совместном опромышлении угодий.

В Обдорско-Куноватском субрайоне между хозяйствами строго делились рыболовные угодья и пастбища, охотничьи места распределялись менее строго, "попутно" охотились там, где рыбачили или пасли оленей. У казымско-березовской группы все виды угодий разделялись между семьями. Промысловые угодья и все семейное имущество наследовались младшим сыном; старшие братья, отделяясь от отца, искали себе новые ("ничейные") места, оленей для них отец выделял ("назначал") заранее, пока сыновья были маленькими. Олени считались личной собственностью, на уши животных ставилась специальная метка *ёш нос* ('руки знак'), особая у каждого владельца.

4.

Особенности традиционной культуры нижнеобских хантов

В Нижнеобском ареале у жителей притоков преобладали небольшие поселения родственных семей/По словам С.И. Руденко, казымцы "живут отдельными семейными группами, разбросан-

ными везде в лесах по бассейну Казыма по одной, по две избышки - редко более". Исследователь обратил внимание на то, что в избышках они живут только часть зимы - в период больших морозов^после которого "отправляются на нартах с семьями кочевать в погоне за дичью" [1914, с. 4]. Аналогичная система расселения бытовала и у жителей других обских притоков: Вогулки, Сыни, Войкара, Соби, Полуя, Куновата. Зимой жили отдельными семьями, летом - совместно 4-6 семей, наибольшее число жителей собиралось у мест установки осенних заборов - до 10-15 хозяйств. У обских хантов *ас ёх* описываемого ареала поселения были довольно многочисленными, насчитывавшими несколько десятков родственных и неродственных хозяйств. Семьи оленоводов Обдорской и Куноватской волостей, как отмечалось, вообще не имели постоянных селений и кочевали круглогодично.

Основным типом жилища на зимниках и летниках в Нижнем Приобье были срубные однокамерные избы с сенями (более архаичный вариант, по словам информаторов) или без сеней; с двускатными крышами: у обской группы с чердаком, по притокам без чердака,^у казымцев встречались крыши с навесами с торцовой стороны для защиты от дождя/ В верховьях Войкара срубные дома строили высокие "двухэтажные", напоминающие постройки на русском Севере!¹ Внутренний вид жилища был одинаков практически у всех групп: сбоку, у входа, располагались печь и чумал; вдоль одной из боковых и противоположной от входа стен тянулись невысокие нары, на которых в определенном порядке спали члены семьи; к боковым стенам прикреплялись полки для хранения домашних вещей; священный угол *муль таха* находился у противоположной ко входу ("передней") стены, в одном из углов, обращенном к священному месту поселения. Около жилища располагалась хлебная печь *нянь кур*. На весенних и осенних местах, а иногда и на летниках устанавливали *тунты хот* - каркасное жилище прямоугольной формы с двускатной крышей, берестяным покрытием стен и крыши. (Временными охотничьими жилищами служили "балаганы", или шалаши из ветвей ели (*лэнас хот*), сена (*торн хо/яД/У* кочевых оленеводческих семей единственным видом жилища был чум, аналогичный ненецкому, по-

крывавшийся в зимний период покрышками из оленьих шкур, в летний - из бересты В таких же чумах семьи рыболовов жили в период промыслов.

Основным средством передвижения по воде являлись лодки. Повсеместно бытовали лодки-калданки *аи хоп*, большие лодки *саран хоп* \ / На Казыме встречались лодки, украшенные сквозной резьбой по корме и краям у выступающих деталей [Рындина, с. 67]. У других групп водные средства передвижения не орнаментировались. Для переездов на места летнего рыболовного промысла использовались большие (10 м длиной) лодки *хурун хоп* с каркасными каютами, крытыми берестой. По словам обских казымцев, в прошлом у них встречались лодки-долбленки *аи хоп*. В других местах информаторы отмечали, что такие лодки распространены только у "верховских" (юганско-пимских и аганско-ваюганских) хантов, что здешние, "низовские" (*ным хантэ*) на таких лодках плавать не умеют, поскольку они верткие и на них можно перевернуться.

"*

Нижнеобские хантыйки носят хлопчатобумажные платья ерше. Бытовавшие в Иртышском и Среднеобском ареалах женские рубахи-платья из домотканого полотна не фиксируются ни по литературным, ни по полевым данным. Для всего Нижнеобского ареала характерно украшение женских платьев разноцветными полосами (из ткани или тесьмы), идущими параллельно конструктивным швам, по воротнику, грудному разрезу, кокетке, манжетам, низу подола. / У обских казымцев платье ернас шьется из одноцветной хлопчатобумажной ткани, к особенностям его кроя следует отнести кокетку и волан *пант*, пришиваемый к низу стана, снизу волан орнаментируется полосами из ткани других цветов. Отличие платьев казымских и березовских женщин заключается в расположении орнаментальных полос, они нашиваются выше волана, причем, по словам мастериц, чем выше по течению Казыма располагается селение, тем дальше отстоят полосы от края подола. Казымские женщины носят платья и без воланову В более северном Обдорско-Куноватском субрайоне у женских платьев воланов нет, кокетка и рукава обычно шьются из ткани другого, контрастного, цвета по отношению к стану, под кокеткой

закладываются крупные складки, под мышками делаются вставки четырехугольной формы - ластовицы из той же или другой ткани. З.П. Соколова допускает возможность коми-зырянского влияния на традицию изготовления кокетки и рукавов платья из другой ткани у обдорских хантов [1972, с. 40]. Платья украшаются полосами разной ширины, лентами тесьмы по низу подола и на расстоянии 20-30 см от края подола, подол окантовывается тканью другого цвета, низ подола и края манжет нередко дополнительно расшиваются бисером. Обские и куноватские женщины, как и казымско-березовские, шьют платья с оборкой-воланом на подоле, с большей кокеткой (до пояса) [подробнее о женских платьях нижеобских хантов см.: Сязи, 19956, с. 81-87].

У Обские, березовские, казымские и куноватские хантыйки носят хлопчатобумажные халаты *шашкан сах*, по покрою аналогичные платьям, но без воротников, которые украшаются по низу подола каймой из разноцветных хлопчатобумажных полос, вдоль разреза спереди и по краям рукавов нашиваются орнаментальные полосы. В холодное время года надевают суконные сахи прямого покроя с воротниками из меха, распространенные на всей территории ареала. Они украшаются аппликацией из ткани контрастного по отношению к самому саху цвета. Основные узоры - полосы и бордюры, которыми орнаментируются низ подола, края пол и рукавов, боковые швы (до бедра), шов на рукаве. Зимой носят распашные шубы *выли сах* из оленьего меха двух цветов: к светлому стану пришиваются темные полосы по низу подола, краям обеих пол; воротник шьется из меха пушных животных, чаще песца. Сахи орнаментируются узорными полосами из меховой мозаики, располагающимися по краям рукавов, на стыке стана с темными полосами, на местах конструктивных швов (по бокам, на спинке, плечам). В прошлом обские женщины носили шубы с подкладами из птичьих шкурок, в основном лебязьих.

В качестве украшений повсеместно используются нагрудные, представляющие собой длинную орнаментальную ленту из бисера, перебрасываемую вокруг шеи на грудь, иногда ленты соединяются бисерными нитями. Реже встречаются бисерные шейные украшения в виде круглого воротника.

Отмечается два вида женской летней обуви: кожаные чирки *нир*, украшавшиеся полосами из ткани, бисером, и ровдужные чулки с длинным голенищем *нюки вэй*, орнаментированные раскраской. В селениях по Оби носили чулки, связанные из овечьей шерсти. Зимой женщины носили кисы из оленьих камусов.

Практически единственным видом женского головного убора служат платки. Сейчас носят покупные; "настоящие хантыйские платки" вплоть до середины нашего века изготовляли сами. Они шились с широкой каймой из ткани другого цвета, с бахромой или кистями, нередко для украшения к концам прикрепляли маленькие колокольчики. Способы повязывания женских платков имеют локальные особенности. Так, судя по полевым материалам, обские хантыйки складывали платок по диагонали и завязывали под подбородком; казымские и березовские тоже перегибали по диагонали коротким углом наверх, но не завязывали, а набрасывали на голову, приспуская надо лбом. /Обдорско-куноватские женщины платок перегибали вдоль так, чтобы верхняя часть была меньше нижней, его носили свободно распустив по спине и плечам, держался он на голове за косы *сэв*. Самые северные группы, живущие ниже Обдорска, носили меховые шапки типа капора, украшавшиеся сзади бусами, бисером, медными подвесками. На территории Куноватской и Обдоркой волостей до наших дней бытует ношение ложных кос *сэв* в виде жгутов длиной до колен, с подвешенными к ним цепочками, бляшками, медными кольцами, пуговицами, колокольчиками.

/Среди мужской одежды из традиционной сейчас бытует только зимняя. Раньше мужские рубахи *ернас* шились из хлопчатобумажных тканей с разрезом посередине, с отложным или стоячим воротником, с кокеткой. У обской группы встречались холщовые рубахи. На мужских рубахах орнаментом украшались кокетка, разрез, воротник, подол, манжеты [Рындина, с. 90]. Зимой мужчины носят одежду трех видов: *малицу*, *парку* и *гусь*. В прошлом подол малицы обшивался мехом белой собаки, сейчас к нему пришивают полосу оленьего меха другого цвета. Парка украшается меховой мозаикой по сторонам переднего и заднего

полотнищ, рукаву и подолу. Функцию мужского головного убора выполняет капюшон. В XX в. широкое распространение получили "русские" шапки-ушанки. По воспоминаниям стариков, еще в довоенные годы было распространено ношение мужчинами двух кос длиной до плеч с металлическими пуговицами на концах. Традиционной летней мужской обувью являются ровдужные сапоги-чулки *нюки вэй*, зимней - кисты из оленьего камуса, украшенные полосками меха и цветного сукна.

Бытовая утварь различается в казымско-березовской и обдорско-куноватской частях ареала. В первой широко распространены изделия из бересты: разного рода вместилища для одежды, обуви, продуктов питания и др. (самыми искусными мастерами по изготовлению берестяных изделий считаются казымцы), второй обнаруживается предпочтение в пользу изделий подобно-го рода из меха (тричем у семей оленеводов берестяной утвари вообще не встречается, они используют в качестве тары желудки оленя). Обдорско-куноватские ханты хранят домашние вещи в мешках самых разных размеров из оленьих камусов подпрямоугольной горизонтально вытянутой формы с ровдужной полосой по краю, украшенных прямолинейными мозаичными орнаментами. Такие мешки называются *ур хир* или *ёрн хыр* ('ненецкий мешок'), что, возможно, свидетельствует о заимствовании от ненцев. Обувь хранится в суконных или ровдужных вертикально вытянутых мешках *вай хыр* ('обувной мешок'). Различия между двумя частями ареала обнаруживается и в таком предмете, как вместилище для хранения предметов женского рукоделия. В Казымско-Березовском субрайоне для этой цели используются берестяные орнаментированные цилиндрические коробки *ингал*, в Обдорско-Куноватском - меховая сумка *тутчан*, орнаментированная меховой мозаикой и дополнительно украшенная множеством разного рода подвесок: бусами, бисером, цветными ровдужными полосками, колокольчиками, цепочками, металлическими подвесками. Раньше нижняя часть *тутчан* шилась из осетровой кожи. Игольницы у нижеобских мастериц ромбовидной формы. В начале нашего столетия они изготовлялись из оленьего меха, узор наносился на кожу путем ее предварительного окрашивания

и последующего расшивания оленьим волосом [Рындина, с. 68]. В наше время получили распространение матерчатые игольники,

У хантов Нижнеобского ареала очень стойко сохраняются традиционные верования, обычаи и обряды. По сравнению с другими группами у них наиболее отчетливо выражены представления о горизонтальном устройстве Вселенной, взгляды на деление мироздания "по вертикали" неопределенные. Река с многочисленными притоками течет по Среднему жизненному миру, географически ограниченному областью проживания хантов и их ближайших соседей. Исток реки отождествляется с Верхним миром, низовья - с Нижним. Праобразом Мировой реки является Обь, ее исток связывается в религиозных представлениях с Иртышом. Согласно мифологической картине мира, исток реки находится на юге, на "полуденной стороне", Нижний мир расположен на севере, в устье Оби. Ярко выражены представления о Нижнем мире как о морской стране *Чорас* - водном пространстве, лежащем за устьем Оби на севере.

Главным в Верхнем мире, мире богов, нижнеобские ханты считают *Торума*, в Среднем - богиню-жизнеподательницу *Калтащ*, в Нижнем - *Куль ики*. Кроме *Куль ики*, богом Нижнего мира считается *Хынъ ики*, известный также под именами *Илли муе ики* ('Под землей мужчина'), *Кур ильпи ики* ('Под ногой мужчина') и *Руц ики* ('Русский мужчина'). Его священное место находится в низовьях Оби. Он выступает одновременно и как бог Нижней Оби и как подземный бог. Его антропоморфное изображение в семи черных халатах держали у дверей в каждом доме; в случае болезни кого-либо из домашних *Кур ильпи ики* устраивали угощение *поры*, "передевали" в новые одежды. С Нижним миром, болезнями, смертью обдорско-казымские ханты связывают птицу гагару *тохтын*.

Водяной дух, хозяин вод *Йинк ики* ('Воды старик'), или *Йинк еурт* ('Воды богатырь'), считался вездесущим, он мог проживать

в любом водоеме. Праздник в честь Водного богатыря совпадал с православным Петровым днем (*Йинк вурт хатль*), в этот день, приходившийся на период наиболее интенсивного летнего промысла рыбы, совершали жертвоприношение духу-хозяину воды.

Как и в других местах расселения хантов, в Нижнеобском ареале культ хозяев рек (или участка Оби) выражается в наличие общего для жителей бассейна обского притока священного места, точнее, священного мыса *эмн нель*, на котором периодически проводились общие обрядовые церемонии. У войкарских хантов это богиня *Най ими* или *Юган ими*, у полуйских - братья *Пуль ики*, у сынских - бог *Кейв урху акем ики*, или *Сеня ики* (имеющий облик оленя-быка), у куноватских - три брата *Мосъ*, у казымских - богиня *Казым ими*, она же *Эвут ими* (принимающая облик кошки, соболя и селезня), у березовских - бог *Аи ас ики*. Помимо этого существовали духи-покровители селений, рода, фамилии, отдельных семей. Судя по полевым и литературным материалам, жертвенным животным у нижнеобских хантов является олень.

Старшим сыном *Торума* нижнеобские ханты считают Тегинского старика *Тэк ики*, покровителя ю. Теги Куноватской волости. По словам информаторов, Тэк ики может принимать образ разных животных, его любимая ипостась - белая собака (*нуви амн*), поэтому к нему часто обращались по имени "Белый дедушка" (*Нуви ази*). Про Тэк ики рассказывают много сказок, в которых он предстает как воинственный богатырь, покоряющий врагов хитростью и ловкостью [ПМА, 1990, Березовский р-н]. Духом-покровителем березовских хантов считается *Аи ас ики* ('Малой Оби старик'), принимающий, по Н.Л. Гондатти, облик крылатой птицы лебедя, а по словам моих информаторов, - гагары или халея. По рассказам березовцев, Аи ас ики женился на дочери великана, жившего при устье Оби, эту свадьбу устроил его младший брат, среднесосьвинский бог *Тахыт котль торум*. Из-за того, что Аи ас ики даже жены себе не сумел достать самостоятельно, Торум ему ничего не дал в управление, так он и стал жить в лесу, ничего не делая. До христианизации священное место Аи ас ики находилось в Березове, на месте, где в начале XVIII в. была построена Богородицкая церковь. Затем кумирня

божества была перенесена в ю. Левкурт по среднему течению р. Вогулка. Она располагалась на островке посреди небольшого болотца. Деревянное, высотой около 2 м, антропоморфное изображение находилось на высоком кедре. На идола одевали 7 белых халатов *сахов* с поясами, на голову - шапку-колпак с меховой оторочкой [ПМА, 1990, Березовский р-н].

Следует отметить, что у ряда групп обдорских хантов изображения божеств *кур* хранились на специальных священных нартах *хот шанш ухал* ('дом-спина-нарта'), полозья которых загнуты на две стороны, чтобы запрягать оленей по направлению движения, не разворачивая нарт. Этих духов (хранившихся на нартах) хозяева-хранители возили на Урал, что, по-видимому, связано с "уральским" (либо от европейских ненцев, либо от коми, либо от охаль) происхождением этих групп. Обращает на себя внимание и почитание Уральских гор, особенно отчетливо проявляющееся в представлениях сынских и войкарских хантов.

Относительно мест хранения изображений родовых и семейных духов *ломкое*, или *лук*, по полевым материалам, выявляется такая закономерность: оленеводы (те, кто *касляет*, т.е. кочует) "держали" своих богов на священных нартах, остальные - в лабазе (поселковые, родовые духи) или на чердаке (семейные духи). Вероятно, хранение изображений божеств в нартах следует считать ненецкой традицией. Интересный сюжет в этой связи приведен Е.В. Переваловой. Духом-покровителем Сязи был Старик-Горностай *Сое ики*, его хранили в лабазе. Однажды, обидевшись на женщину Сязи, он убежал вниз по Оби к *ур ёх*, где его подобрал один ненец и стал хозяином духа. Хантыйские шаманы долго били в бубны, они смогли вернуть *лонка*. Но с тех пор Сязи хранят *Сое ики* в нартах и возят раз в семь лет в те места, где нашли Старика-Горностаю у ненцев [Перевалова, 1997, с. 100].

С ненецким влиянием, по-видимому, связан обычай обдорско-куноватских хантов устанавливать на местах промыслов деревянные изображения идолов *елань лук*, или *юк елань*, подобные *сядэй* у ненцев. Хантыйские *елань* представляли собой либо деревянные антропоморфные фигурки с головой и ногами, либо это были колья с грубо вытесанным в верхней части лицом. В отли-

чие от духов *лух / лонх*, их не одевали, но когда проезжали или проходили мимо, угощали (мазали кровью оленя или рыбьим жиром), повязывали кусочки материи с завернутыми во внутрь монетами. Считалось, что елань обеспечивают успех в промыслах [ПМА, 1989, 1991, Шурышкарский р-н]. О почитании елань северными хантами и манси писал С.И. Руденко. Он отметил, что "изображения этих покровителей рыболовства и охоты каждый промышленник делал отдельно, хотя жертвы им приносили обычно сообща группой родственников или сотоварищей по промыслу. В жертву им приносили вареную рыбу, обские угры нередко из заветных мест, причем кормили их маленькими плоскими ложечками-лопатками (*ну няли* - манси; *юх няли* - ханты). На этих ложечках вырезались тамги тех лиц, которые приносили жертву, а после жертвоприношения в них проделывали дырочки, затем они нанизывались на веточку какого-нибудь тут же на мольбище стоявшего деревца. Если промысел оказывался удачным, этих покровителей продолжали кормить, и число их увеличивалось, так как делались новые изображения. По истечении трех лет старые изображения уносили с мест временных промыслов (запоров или тоней) на ближайшее святилище, где им время от времени приносили жертвы" [Архив РАН, СПб., ф. 1004, оп. 1, д. 70, л. 82-83].

Священными животными в Нижнеобском ареале считаются лось *курын вой*, собака *амп*, кошка *казым най ими* ('казымского огня женщина'), или *кати*, горностаи *сое* (у войкарских хантов запрещалось стрелять в него из ружья, добывали только капканом), росомаха *толмах* ('воришка', про нее говорят также "половина медведя"), орел *курук*, гагара *тохтын*, сова *макла*, ястреб *вороги*, кукушка *лутты вой* ('говорящая женщина'), селезень *картанг*, ящерица *вашли вой* или *сосыль*, змея *емэн вой*, или *мув лер вой*, лягушка *мис кут ими* ('между кочек женщина'), или *наур нэ* ('прыгающая женщина'). Обдорско-куноватские и березовские ханты в случае нечаянного убийства животного, которое считалось *емэн*, изготавливали его небольшое (5-10 см) изображение *хур* из металла (свинца), которое либо хранили в домашнем священном углу (*муль таха*, или *лух*), либо отвозили

(передавали) на священное место соответствующего божества (собаки - в Теги или Питляр, орла - в Унсельгорт или Пугоры, гагары - в Мужы, кошки - в Казым-мыс). В других ареалах традиция изготовления хур не фиксируется ни по литературным, ни по полевым данным.

Следует отметить, что у нижнеобских хантов фиксируется особое отношение к осетру, щуке и налиму. По словам информаторов, они вообще не считаются рыбами, к их названиям (*сох*, *сорт* и *паннэ*) не применяется слово *хул* ('рыба'), как по отношению ко всем другим рыбам. Женщинам, как сакрально нечистым, нельзя чистить, резать и даже притрагиваться к щуке, налиму острыми предметами, их обрабатывают мужчины, мороженого осетра разрешается "строгать" только вдоль. Женщинам можно есть этих рыб лишь в вареном виде, а осетра в "старое время" и мужчины летом (от ледохода до ледостава) не ели сырым. Особенно "опасной" у этих рыб считалась голова, которую не употребляли в пищу даже мужчины. Раньше по случаю ловли первого в году осетра проводили осетровый праздник, на который собирались жители всего поселка. Особенно строго пищевых рыбных запретов придерживаются обдорско-куноватские ханты.

Нижнеобские ханты не относят медведя к животным, считающимся *емэн*, хотя медведь (*анси*, *мойпыр ики*, *ошни ики*) почитается повсеместно. Авторы XVIII - XIX вв. указывали на обычай клятвы на морде, зубе, лапе или когте медведя у хантов Нижней Оби [Зуев, с. 50; Кушелевский, 1868, с. 106; Поляков, 1877, с. 113]. О "священном медвежьем городе" Вежакары (*Ем вош*) хорошо осведомлены березовско-казымские, кунватские и сынские ханты; более северные группы не знают об этом ритуальном центре. По отношению к медведю как объекту охоты войкарские и шурышкарские ханты, у которых его промысел носил случайный характер, отличаются от сынско-куноватских и казымско-березовских, которые "специально добывали медведя" [ПМА, 1989, Шурышкарский р-н]. Обдорские ханты убивали медведя крайне редко, только в том случае, если зверь приближался к селению. По словам войкарских хантов, они "плясали медведя" гораздо реже, чем более южные группы, для ведения праздника

приглашали с Сыни кого-либо из знающих людей. Да и сам праздник у войкарских хантов, по мнению Е.В. Переваловой, напоминал ненецкий ритуал: шкуру убитого медведя не вносили в дом, вареное медвежье мясо ели у священных нарт (мужчины по правую сторону, женщины - по левую), шкуру и лапы медведя укладывали на священную нарту, кости закапывали в землю, а голову уносили в лес [1997, с. 236].

уКазымско-березовские и куноватские ханты по случаю убийства медведя устраивали специальные пляски *мойпыр як*. О добыче медведя принято было оповещать всех "по цепочке", обливая водой или посыпая снегом. Медвежий праздник проводили в доме нашедшего берлогу и убившего зверя, во время плясок такой дом считался *емэн хот* - священным. Разделявали тушу в лесу: снимали шкуру, отделяли мясо от костей, после этого тушу везли домой, а кости топили в болоте. Голову (нос обязательно закрывали), лапы и шкуру медведя заносили в дом и помещали в переднем углу. Все заходящие в избу "здоровались" с медведем. Мужчины (по три человека) пели песни, в которых рассказывали, как нашли берлогу, как добыли зверя, как везли в селение. Затем мужчины, нарядившись в разных животных с помощью халатов *сак* и шапок из сукна в виде колпаков, начинали танцевать. Во время танцев лица закрывали берестяными масками *тонды веш* с прорезями для глаз и пришитыми конусовидными носами и нарисованными краской бровями, усами и даже иногда бородой. После мужчин плясали женщины, закрыв головы платками. Празднество длилось 4-5 дней и ночей в зависимости от пола животного (у обских угров "4" считается женским числом, "5" - мужским), по некоторым сведениям - 7 дней. Мясо варили без соли в двух котлах: для мужчин (левую половину) и женщин (правую), причем готовили только мужчины; ели за отдельными столами мужчины и женщины. После плясок череп медведя подвешивали на дерево в лесу, а шкуру можно было использовать [ПМА, 1990, Шурышкарский р-н, Березовский р-н, 1991, Белоярский р-н].

Кроме медвежьих куноватско-березовским хантам известны священные пляски *емэн як*, или пляски богов *лук як*, периодиче-

ски (через 7 лет в течение 7 лет) проводившиеся в ю. Теги, подобные вежакарским в Кодеком ареале. К тегинскому божеству "съезжались" боги из Нижнего Приобья: куноватский *Кунаут ики*, сынский *Сеня ики*, тугиянский *Йинк вурт пух ики*, вежакарский *Емэн ваш ики*; *Руц ики* из ю. Алешинских.

Из православных праздников отмечали Благовещение, совпадающее с хантыйским Вороньим днем *Бурна хатль*, Петров день, совпадающий с жертвоприношением духам воды в связи с началом интенсивного летнего рыболовного промысла, Ильин день, считающийся праздником оленеводов [Мартынова, 1993а, с. 165-166].

В семейных обрядах обдорско-казымских хантов отмечается немало специфических черт. Запрещались браки между членами одного рода, а у хантов Куноватской волости и внутри групп *Пор* или *Мось*. В прошлом здесь был широко распространен обычай левирата, существовало многоженство, особенно среди оленеводов. В материалах ревизской переписи 1795 г. по Обдорской волости отмечено 72 случая многоженства в городках, где проживали некрещенные остяки: Воксарском, Вылпослинском, Ворважском, Войтважском, Надымском, Полуйском. О многоженстве обдорских хантов упоминал и М.А. Кастрен [1860, с. 192]. По словам информаторов, вторую жену брали, когда первая не справлялась с хозяйством, при этом старались выбрать родственницу первой. Двоеженство отмечалось и при соблюдении обычая левирата.

Браки заключались двумя способами: через сватовство и "убегом". "Умыкали" невесту, когда не было средств на уплату калыма, когда ее родители не давали согласия на брак. Сватать невесту отправлялся жених с родителями и ближайшими родственниками-мужчинами; по другим сведениям, жених и его родители участия в сватовстве не принимали. Один из сватов, часто дядя по отцу, считался главным *вур ху*, он вел переговоры с отцом невесты. Сваты имели отличительный знак - деревянный

посох, перевязанный красной лентой. Согласие на брак обычно давали при третьем визите сватов, тогда же оговаривали срок свадьбы, размер калыма и приданого.

Мать невесты готовила приданое, включавшее 2-3 зимних *сах*, столько же осенних, несколько пар обуви, заготовки для кисов, циновки и зимние шкуры оленей для постели. Калым выплачивали оленями и рыбой. Сначала свадебный пир устраивали в доме невесты, куда съезжались родственники и соседи. Жених в этой церемонии не участвовал, невеста сидела в родительском доме в пологе. Невесту в дом жениха везли на специальных санях с высокой спинкой, летом - на лодке; жених ехал на другой нарте или плыл в отдельной лодке. При выходе из родительского дома и в пути невесте полагалось плакать. Дорогой молодежь останавливала сани или лодку, пытаясь опрокинуть или перевернуть, чтобы будущая жена не была изменчивой. В доме жениха молодых встречали родители, мать заводила невесту в дом. Во время свадьбы молодые сидели за пологом *хошап*. Свадебный пир в доме жениха длился два-три дня, руководил им сват *вур ху* ('старший мужчина', 'распорядитель') и женщина, организующая застолье - *ов лейты нэ* ('женщина, стоящая у двери').

Родители невесты навещали молодых через три месяца после свадьбы, привозили угощение. Молодым полагалось навещать родителей невесты спустя год после свадьбы, по другим сведениям - через месяц после посещения молодых родителями невесты. При этом молодой в доме оставался в шапке, пока ее не снимал тесть, а теща покрывала его голову платком, в котором он ходил три дня. У сынских и куноватских хантов тесть сажал жениха себе на колени. В течение первого года после свадьбы молодой полагалось ходить в зимней одежде даже летом. В случае заключения брака "убегом" примирение сторон происходило через несколько недель после похищения невесты, стороны договаривались о свадьбе и приданом.

По представлениям хантов региона, детей женщинам посылает богиня *Калтац*. Беременная женщина делала "куклу" *уш пай* (к кусочку чаги подвешивались бусы, кольца), помогающую призвать богиню *Калтац* при родах. "Куклу" хранили под по-

душкой, завернутой в платок или заячью шкурку. Для родов в каждой семье имелось специальное помещение - *аи хот* ('маленький дом'), куда с началом схваток уходила женщина и брала *уш пай*. Роды принимала повитуха *пуклан анки* ('пуповины мать'). В "маленьком доме" роженица и новорожденный оставались 4-6 недель, малыша все это время держали в специальной колыбели *сун*, изготовленной из старой бересты. Переходу в "большой дом" предшествовал обряд очищения: ребенка обмывали раствором чаги; чагу от *уш пай* сжигали на пороге жилого дома в специально изготовленной берестяной модели лодки с мачтой. Проводила обряд *альтым анки* - 'несущая мать'. Дома устраивали угощение домашним духам.

До трехлетнего возраста малышей держали в берестяной колыбели, точнее, в двух - ночной и дневной. Ночная колыбель нижеобских хантов была неорнаментированной без спинки, дневная - орнаментированная со спинкой. На спинке дневной колыбели обязательно делали изображение *улым ой* птицы сна, а на дно колыбели клали в качестве оберегов спички, нож или ножницы и кусочек горного хрусталя. До появления зубов специальные обереги надевали на ручки младенца - нитки с бусами. На первом году жизни ребенка нижеобские ханты проводили обряды, посредством которых определяли, душа какого из умерших родственников вселилась в новорожденного (*ляксэм*) и какое божество взяло его под покровительство.

Погребальный обряд нижеобских хантов сохранил много архаичных черт до наших дней. Только что умерший человек считался опасным, поэтому в доме сразу же зажигали огонь (в печи или лампе), который поддерживали в течение 40-50 дней. Погасший огонь считался плохим предзнаменованием. Казымские, березовские и обские ханты обмывали умершего водой с чагой, делали это пожилые неблизкие родственники, более северные группы покойника не обмывали. На умершего мужчину надевали пять рубах, на женщину - четыре платья, сверху - зимнюю одежду, на ноги обували кисы, мужчине их не подвязывали. Мужчин хоронили в зимней женской одежде (*сах*), малицу и мужской пояс клали сверху гроба. (Если надевали малицу, то ее

обязательно разрезали спереди.) Все завязки на одежде и обуви завязывались специальным "узлом мертвых" *холя мухол*. Лицо закрывали специальной маской *веш* - куском белой ткани с нашитыми на месте рта, носа и глаз бусинами или пуговицами, на руки одевали рукавицы в виде мешочков из белой ткани с пришитыми пуговицами. Затем тело клали на спальное место.

Родственники покойного отрезали у себя по небольшой пряди волос на затылке, волосы отрезали и у покойника, их связывали в 4-5 пучков и клали на тело. Березовские и казымские ханты делали из этих волос "куклу" *упыт аканъ*. В знак траура на второй день близкие умершему женщины (живущие в одном доме) распускали волосы (*ёхс охаль пар питаль*), а другие родственницы развязывали косы и носили их несвязанными на спине (*охаль кат налёль*), платок повязывали наизнанку (*песы охиам* 'траурный платок'); мужчины развязывали завязки на обуви, не подпоясывались. Пока тело находилось в доме, родственники и близкие приходили прощаться. Женщины-родственницы оплакивали покойника, при этом плакальщицы распускали волосы, на лицо опускали платок так, чтобы концы его касались пола. Плакали громко с причитаниями, мужчинам в это время полагалось молчать.

Гроб (*холя юх* - 'дерево мертвых') готовили мужчины в день смерти. У куноватских, казымских и березовских групп был распространен гроб, сделанный из лодки (у лодки-калданки по длине тела отрезали нос и корму), у обдорских - гроб-ящик. Нос и корму от гроба-лодки клали на могилу, считалось, что на лодке душа умершего будет переплывать через *халась лор* 'озеро мертвецов' и *халась ёган* 'реку мертвецов'. На левой стороне гроба рисовали древесным углем полумесяц и птичку, а на правой - половину солнца. Считалось, что солнце и луна будут светить покойнику в Нижнем мире, а птичка сторожить его душу. Прежде чем поместить тело, гроб очищали - обметали веткой шиповника. На дно гроба стелили плетеную циновку из камыша *норы* и оленьи шкуры, возле головы помещали шкурку лисы, возле ног - топор или нож. Умершего клали на спину с вытянутыми вдоль тела руками, под голову подкладывали меховой мешок для обуви *вай хыр*. В

гроб помещали личные вещи умершего: посуду, табак, трубку, женщине - меховую сумку *тутчан* или берестяную коробку *ингал* для рукоделия. Покойнику нельзя класть кремь, точило, нож, ножницы, расческу, иголку (березовские ханты женщине клали четыре иголки, а мужчине - пять). Погребальный инвентарь и одежду покойника "портили": в посуде делали дыры, от деревянных вещей отстругивали щепку, с одежды спарывали пуговицы и завязки, срезали маленькие кусочки ткани, делали надрезы на меховых изделиях. Верили в то, что целые на "этом" свете вещи будут "порченными" в мире мертвых и наоборот. Обдорско-куноватские ханты сбоку от гроба ставили берестяную чашу с внутренним жиром оленя (*пал вош ан* 'около уха чаша'), по которой определяли судьбу близких: трещинки на поверхности жира означали смерть кого-либо из родственников, по числу трещин определяли, сколько душ возьмет покойник с собой.

На второй день после смерти совершали жертвоприношение, забивали оленя или другое домашнее животное, его кровью обмазывали углы дома, дверные косяки, углы гроба. Обряд назывался "закрывание дыр в доме". Перед выносом тела проводили "гадание" посредством поднимания гроба, стараясь узнать причину смерти, дальнейшую судьбу родственников и "желания" покойного. Затем такой обряд проделывали на кладбище. Старая женщина совершала обряд изгнания из дома души-тени *ис хор* с помощью иголки и нитки, беличьего хвоста и прутика, 4-5 раз она протягивала нитку над гробом и "выносила" душу за дверь. После этого гроб закрывали крышкой. Хоронили на третий день, в литературе есть сведения о похоронах в день смерти. На кладбище *халасъ пугор* ('мертвых поселок'), или *шохын тахи* ('печали место') гроб везли на лодке либо нарте.

Могилу готовили по приезде на кладбище. В Обдорской волости захоронения были наземными, на остальной территории - подземными, глубина могилы была небольшой - 50-70 см, у обских групп - до 1,5 м. Гроб покрывали берестой и засыпали землей, могильного холма не устраивали. Надмогильное сооружение строили в виде домика-сруба из бревен или досок с двускатной крышей из досок, под которые клали 4 или 5 слоев бересты. Спе-

реди, у головы покойника, делали отверстие - небольшое окошко (*ёш ус*) с деревянной крышкой-затычкой. Длина и ширина надмогильного сооружения соответствовали размерам могилы, высота составляла около 40-50 см. При наземном захоронении снимали слой дерна, устанавливали на это место гроб, покрывали его 4-5 слоями бересты, сверху ставили надгробное сооружение в виде ящика высотой около 1,5 м, шириной - 0,8-0,9 м, длиной - 1,8-2 м. Спереди домика, у головы умершего, в ящике делали окошко и полку, на которую ставили поминальное угощение. В углах сооружений устанавливали вертикально жерди высотой 2-2,5 м. В могилу или надмогильное сооружение помещали вещи умершего, не вошедшие в гроб: одежду, обувь, посуду, ружье. Лыжи, нарты, столик для еды, таз для посуды, чайник, весло, хорей, нос и корму от лодки-гроба перевернутыми вверх дном складывали на надмогильное сооружение или рядом с ним. Постельные принадлежности, часть одежды и обуви вешали на деревья на кладбище.

Оленей, на которых умершего привозили на кладбище, считали его собственностью, их убивали; черепа с рогами надевали на жерди (при наземном захоронении) или клали на могилу (при подземном захоронении), шкуру вешали на дерево, кости оставляли рядом с могилкой. Жертвенных оленей забивали дополнительно, "по желанию" покойного, их обязательно душили. Кровью жертвенных оленей мазали гроб и надмогильный домик. По воспоминаниям стариков, раньше обдорские ханты забивали и хоронили вместе с хозяином его собаку.

В случае, если не находили тела погибшего человека, устраивали кенотаф - пустую могилу, в которую складывали одежду, обувь, личные вещи покойника. У кенотафа проводили поминки.

Считается, что душа покойного "идет" на остров в озере *Халась лор*, расположенном в стране *Чорас*. На пути туда ей приходится перебираться через высокие горы и водные потоки, защищаться от злых собак. Уходя с кладбища, "закрывали дорогу" веткой (*юш тохарты*), чтобы души умерших не могли пойти за живыми и оставались на кладбище. Считалось, что кто первый зашел на кладбище, должен уйти последним и "закрывать дорогу".

Около дома "очищались": окуривались горячей чагой или перешагивали через костер. Поминки устраивали через 4-5 дней после смерти, затем - через 14-15, 24-25, 40-50 дней, 4-5 месяцев, год. Потом помики проводились от случая к случаю, по мере посещения кладбища. Умершего никогда не называли по имени, только термином родства, его имя было табуировано.

Только у хантов Обдорско-Казымского ареала известен обычай сжигать ногти и волосы умершего (в течение всей жизни их собирали и хранили в специальном месте) вместе с волосами родственников. После похорон эти волосы (*упыт акань* у березовско-казымских) держали в доме до прилета уток, если смерть наступала в зимний период, или отлета птиц, если смерть приходилась на летний период. Осенью или весной, обязательно при южном ветре, их сжигали на особом месте на краю поселка вместе с перьями, клювом и крыльями утки-чирка, помещенными в миниатюрный шалашик. По представлениям хантов, эти волосы и ногти помогают душе умершего перебираться через огненные реки и карабкаться по горам по пути к *халась лор* ('озеру мертвых').

В течение 4-5 дней со дня смерти близким умершего, живущим в одном доме, ничего нельзя было делать острыми предметами (ножом, топором, иглой), мыть полы, стирать, мужчины не рыбачили и не охотились. Женщины на шиколотке, а мужчины на запястье или шее носили нитку с одной-двумя бусинами, пока она не рвалась. Самая близкая покойнику женщина (жена, мать, сестра) через 4-5 дней, 40-50 дней, 4-5 месяцев меняла головной платок: снимала с головы и обматывала вокруг ствола дерева на окраине поселка, голову покрывала новым платком, вывернутым наизнанку. Считалось, что эти платки помогут душе умершего перебраться через огненные реки и карабкаться по горам.

Обдорско-куноватские ханты изготавливали на 4-5-й день после смерти куклу-заместителя покойного - *иттарма*. Ее делали в виде маленькой антропоморфной фигурки из дерева для умерших "своей смертью", из металла - для погибших насильственной смертью. По представлениям нижнеобских хантов, в иттарма вселяется душа-дыхание *лиль*. На "мужчину" надевали пять ру-

бах, малицу, кисы, на "женщину" - четыре платья, зимний *сах*, кисы. С иттарма обращались как с живым человеком: ставили на любимое место, "кормили", "укладывали спать". Через 4-5 лет, по другим сведениям, через 4-5 месяцев, иттарма по указанию шамана уносили к домашним духам или в лес, одежду с куклы помещали в домашний *лух*. Казымско-березовские ханты куклу-заместителя не делали, они термином *иттарма* (некоторые информаторы употребляли название *шонгыт*) называют мешок или берестяную коробку с любимой одеждой покойника, который держали дома в течение 4-5 лет после смерти, а затем уносили в лес. Отношение, подобное отношению к иттарма у обдорско-куноватских хантов, у казымско-березовских распространялось на куклу из волос, на которую надевали три рубахи (на "женщину" два платья), зимний *сах*, платок или шапку, клали на заячью подстилку, укрывали заячьей шкуркой, помещали в берестяную коробку и хранили на постели, на спальном месте покойника.

На территории Куноватской волости для людей, умерших неестественной смертью, делали *ура хот* - небольшие дощатые домики, аналогичные надмогильным, устанавливаемые на спиленном дереве высотой 1,2-1,3 м. Словом *ура* называют местонахождения этих домиков. В *ура хот* помещали изображение покойного наподобие *иттарма*, только немного большее по размерам, что-нибудь из личных вещей, обычно какую-нибудь ношеную одежду. *На ура* не полагалось плакать. Поминать сюда ходили в обычные сроки поминок.

Приведенные в главе материалы показывают, что нижнеобские ханты сформировались из разнородных этнических компонентов. Первоначальные обитатели северной части Нижнеобского ареала - самодийцы - были ассимилированы продвинувшимися из более южных районов Приобья хантами. В результате культура обдорско-куноватских хантов оказалась синкретичной, совме-

щающей угорские (хантыйские) и самодийские (ненецкие) черты, что проявляется в ряде хозяйственно-культурных характеристик населения, прежде всего в духовной сфере (занятие отгонным оленеводством, культ *елань*, обычай изготовления *иттарма*, наземные захоронения, хранение изображений духов на нартах и др.) В свою очередь, некоторые группы хантов вошли в состав ненецких родов. У более южных, казымско-березовских хантов, ненецкий компонент обнаруживается только в составе казымцев, влияние самодийской культуры на них менее заметно. В первой половине и середине 2 тыс. н. э. на территорию Нижнеобского ареала происходили миграции коми-зырян, растворившихся в хантыйской среде. Уже в русский период XVII - начала XIX в. с Северной Сосьвы и Ляпина на территорию Куноватской и Обдорской волостей продвинулись угры-ешгль, адаптированные местными хантами.

Характерная особенность региона - наличие мелких этнонимических групп: *Послан ёх*, *Сеня ёх*, *Кунаут ёх*, *Казым ёх*, *Аи, вай ёх*, *Нёранса ёх* и т.д. Значительная часть таких групп представляет собой этнически смешанные образования, включающие, кроме хантов, также выходцев из коми-зырян, ненцев, угров-оxаль. У обдорско-куноватских хантов отмечается сохранение родов, состоящих из представителей нескольких фамилий, и соотнесение родового деления с группами "людей" *Пор* или *Мось*.

Глава четвертая

ЮГАНСКО-ПИМСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АРЕАЛ

Ареал включает территорию в бассейне Средней Оби с притоками Пим, Балык, Большой и Малый Юган. В административном отношении с конца XVI в. до начала XX в. относился к Сургутскому округу Тобольской губернии, экономически население тяготело к Сургуту. По современному административно-территориальному делению регион входит в состав Сургутского и Нефтеюганского районов ХМАО Тюменской области.

С точки зрения лингвистов, ханты Юганско-Пимского ареала довольно монолитны в языковом отношении. Согласно М.А. Кастрену, К.Ф. Карьялайнену и В.К. Штейницу, здесь распространен сургутский диалект, по Н.И. Терешкину - аганоюганский говор сургутского наречия, по П. Хайду - пимский, малоюганский и юганский говоры сургутского диалекта [Караулов, с. 243-245; Хайду, с. 45]. По культурно-бытовым особенностям и самосознанию выделяются группы юганских (*ягун ях*), пимских (*пинь ях*), балыкских (*палык ях*), обских (*ас ях*) хантов. Наиболее значимы отличия "по одежде и языку" у пимских хантов, которые, по словам юганцев, "слова вытягивают", носят зимой малицу, в то время как юганские ходят в шубах *кунэш* [ПМА, 1993, Нефтеюганский р-н].

Несмотря на особенности в хозяйстве и культуре, пимские ханты все же ближе юганским, чем тромъеганско-аганским. Имеется достаточно оснований для предположения о заселении Пима хантами с Югана; мне неоднократно доводилось слышать, что среди пимских хантов много переселенцев с Югана. Об общности юганских и пимских хантов говорит и тот факт, что на ежегодный праздник богов *тунг поры*, проводившийся на Большом Югане в ю. Каюковых, раньше приезжали не только все юганские ханты, но и пимские [ПМА, 1993, Нефтеюганский р-н].

Об историческом единстве балыкских, пимских и юганских хантов А.А. Дуниным-Горкавичем была записана легенда о князе Танге. Вначале князь Танга жил по Большому Балыку, затем переселился в бассейн Югана, в ю. Уотские, где жил вместе с матерью и братом, занимался промыслом зверя, В то время юганские остяки уже платили дань русскому царю. С Танги также стали требовать дань. Но Танга отказался и стал уговаривать соседних остяков не платить дань. Вокруг Танги собрались недовольные. Русский царь послал отряд, которому было приказано схватить Тангу вместе с братом. Произошло столкновение. Гибель Танги была неминуема, мать уговорила его сдаться добровольно, чтобы спасти жизнь осажденным остякам. Танга оделся в лучшие собольи одежды и вместе с братом вышел к русским. Те повели его к русскому царю. Во время ночевки на Егутской горе Танге удалось бежать вместе с братом. Долгое время Танга скрывался в верховьях Большого Югана. Когда же смута утихла, переехал на Пим, где женился. Но родственники жены, прослышав, что царь обещал за него большие деньги, опоили его настоем из сушеных мухоморов, затем отрубили голову и отвезли ее русскому царю [т. 3, с. 29-30].

Хантыйское население Югана и Пима обособляет себя от хантов, проживающих в соседних ареалах: аганских, тромъеганских, ваховских, васюганских, демьянских, салымских, казымских. Различия с ними считаются более существенные - они "по-другому одеваются", язык их "другой", малопонятный. Пимские, юганские, обские и балыкские ханты издавна поддерживали между собой тесные контакты: брачные, хозяйственные, религиозно-культурные. В самосознании аборигенного населения данного региона существует довольно определенное представление о близости между собой и принадлежности к группе восточных хантов *кантак ях*.

Юганско-пимские ханты в XVII - XIX вв.

В XVII в. на территории ареала располагались волости: Юганская (включала хантыйское население в бассейне Большого и Малого Югана), Подгородно-Юганская (объединяла хантов по р. Балык и Юганской Оби) и часть Селиярской (по р. Пим и прилегающей части Средней Оби). О динамике численности плательщиков ясака на протяжении XVII - начала XVIII в. можно судить по данным таблицы, составленной на основании данных Б.О. Долгих [1960, с. 80, 85].

Таблица 7. Численность плательщиков ясака в Юганско-Пимском ареале в XVII - начале XVIII в.

№ п/п	Волости	Число плательщиков (чел.)			
		1529 г.	1645 г.	1680 г.	1706 г.
1.	Юганская	96	102		
2.	Подгородно-юганская	20	23	}133	}148
3.	Селиярская	30	22	18	17
	Итого:	146	147	151	165

Из таблицы видно, что на протяжении XVII - начала XVIII в. численность ясакоплательщиков возрастала, с 1629 по 1706 г. она увеличилась на 13 %. По волостям отмечались неравномерные демографические изменения: в Юганской и Подгородно-Юганской она возросла на 27,5%, а в Селиярской сократилась на 43%.

Во второй половине XVIII в. Юганская волость была разделена на две - Малоюганскую и Большеюганскую, из Селиярской выделена Пимская.

В бассейне Малого Югана располагалась Малоюганская волость. В этническом отношении население волости было монолитным, относящимся к локальной группе *ягун ях*. В 1782 г. в ней проживало 352 остяка, в 1816 г. - 252, в 1858 г. - 257, в 1897 г. -

141. На протяжении конца XVIII - XIX вв. население волости сокращалось, с 1782 по 1897 г. оно уменьшилось на 60%. Во второй половине прошлого века население было приписано к 10 юртам. (До ревизии 1858 г. в волостях Сургутского округа населенные пункты не указывались.) По V ревизии в волости названо 28 фамилий, по X ревизии - 22, наиболее распространенные: Асманов, Каймасов, Очимов.

ГУ ревизией в волости зафиксировано 143 брака, которые распределились следующим образом: внутри волости - 27 (19%), с населением Большеюганской волости - 60 (42), Юганской Подгородней - 40 (28), Пимской - 8 (6), Тром-Юганской - 7 (5), Аганской - 1 (1%). По брачным связям малоюганские ханты обнаружили тяготение к населению Большеюганской и Подгородно-Юганской волостей, на их долю пришлось 70% всех браков.

Большеюганская волость занимала бассейн Большого Югана. Ее хантыйское население также относилось к группе *ягун ях*. В 1782 г. в Большеюганской волости проживало 493, в 1816 г. - 492, в 1858 г. - 551, в 1897 г. - 554 ханта. Численность населения за столетие возросла на 12%. Ревизией 1858 г. названо 16 селений, переписью 1897 г. - 27. В конце XVIII в. названо 49 фамилий, в середине XIX в. - 27, основные: Курла(м)кин, Когончин, Каюков, Купландеев, Лаганев, Рыскин, Усанов.

IV ревизией зафиксировано 172 брака, из которых внутри волости было заключено 52 (30%), с жителями Юганской Подгородней - 43 (25), Малоюганской - 40 (23), Тром-Юганской - 25 (15), Пимской - 7 (4), Аганской - 5 (3%). Так же как и малоюганские, большеюганские ханты обнаружили тяготение по брачным связям к населению двух других юганских волостей, на их долю пришлось 48% браков. Следует отметить, что информаторы из юганских хантов говорили, что раньше им нельзя было брать жен с правых притоков Средней Оби, в то время как пимские, аганские и тромъеганские ханты могли брать жен с Салыма, Балыка, Большого и Малого Юганов. Причину такой избирательности выяснить не удалось, как и проверить устную информацию по архивным материалам.

Подгородно-Юганская волость включала хантыйские селения по Юганской Оби, Большому и Малому Балыку. По культурно-бытовым особенностям в ней выделялись обские (*ас як*) и балыкские (*палык ях*) группы хантов. По данным за 1782 г. в волости проживало 337 хантов, 1816 г. - 313, 1858 г. - 364, 1897 г. - 351. Численность населения в волости отличалась стабильностью, за столетие она увеличилась всего на 4%. В период с 1858 по 1897 г. число селений в ней увеличилось с 17 до 20, за это время "исчезли" ю. Усть-Балынкины, Тундринские, Сайгатины, появились Саторины, Савойкины, Айчины, Невойлоковы, Каркатевы. По данным конца XVIII в., в волости было 39 фамилий, середины XIX в. - 22. Основные фамилии: Анчин, Лянтин, Каркатев, Немчинов.

IV ревизией в волости зафиксировано 106 браков, из которых: внутри волости - 24 (23%), с Малоюганской - 40 (38), с Большеюганской - 34 (32), с Салымской - 5 (5), с Пимской 3 (3%). В 41 случае в переписи не указано, откуда взята жена, Подгородно-Юганская волость по направлению брачных связей в конце XVIII в. также обнаружила тяготение к другим юганским волостям.

Пимская волость занимала территорию по р. Пим с притоками. Ее население относилось к локальной группе *пинь ях*. Население волости насчитывало в 1782 г. 172 человека, в 1816 г. - 148, в 1858 г. - 248, в 1897 г. - 207. По переписи 1897 г. в ней было 6 селений. В волости происходили колебания численности населения: с 1782 по 1816 г. она сократилась на 14%, затем к 1858 г. возросла на 67%, а к 1897 г. сократилась на 17%. За период 1782 - 1897 гг. население волости увеличилось на 20%. V ревизией названо 9 фамилий, X ревизией - 12, основные: Конгуров, Нипоров, Рынков.

По данным IV ревизии, в волости заключен 51 брак, в том числе: внутри волости - 8 (16%), с Подгородно-Юганской - 12 (24), с Большеюганской - 12 (24), с Малоюганской - 10 (20), с Тром-Юганской - 6 (12), с Салымской - 2 (4), с Аганской - 1 (2%). По ориентации брачных связей в конце XVIII в. население Пима

явно тяготело к юганским и балыкским хантам, на их долю пришлось две трети браков.

Динамика численности хантыйского населения Юганско-Пимского ареала в конце XVIII- XIX вв. показана в следующей таблице.

Таблица 8. Численность хантов Юганско-Пимского ареала в конце XVIII - XIX в.

№ п/п	Волости	Численность хантов (чел.)			
		1782	1816	1858	1897
1.	Мало-юганская	352	252	257	141
2.	Больше-юганская	493	492	551	554
3.	Подгородно-Юганская	337	313	364	351
4.	Пимская	172	148	248	207
	Итого:	1354	1205	1420	1253 [^]

В период 1782 - 1816 гг. отмечалось сокращение численности хантыйского населения Юганско-Пимского этнографического ареала на 11%, в 1816 - 1858 гг. она увеличилась на 18 %, а к 1897 г. вновь сократилась на 12%. В целом за период с 1782 по 1897 г, численность хантов четырех волостей уменьшилась на 7%.

Демографические данные свидетельствуют о значительной подвижности хантов региона в конце XVIII - XIX вв. Основным направлением миграций у хантов бассейна Средней Оби в этот период было восточное [Мартынова, 19946, с. 185, 187]. Анализ фамильного состава хантыйских волостей позволяет предположить, что из Подгородно-Юганской волости в Пирчинскую переселились Печиковы; из Малоюганской и Подгородно-Юганской в Салтыковскую - соответственно Манины и Апчины. В целом же "уход" хантыйского населения из бассейна Югана, очевидно, следует связывать с большой заболоченностью местности [Дунин-Горкавич, т. 2, с. 138]. Во всяком случае, во всех других

волостях Среднего Приобья отмечалось увеличение численности населения в XIX в. (см. главу пятую).

2.

Этнические связи юганско-пимских хантов

Информаторы из юганских хантов неоднократно отмечали, что до них на этой земле в землянках *мыг коот* жили *ары ях* ('песенные люди'), или *монтъ ях* ('сказочные люди'), занимавшиеся рыболовством и охотой на лосей, оленей у них не было. Вопрос об этнической идентификации легендарных "песенно-сказочных людей" крайне затруднителен. Многие говорили, что *ары ях* были не ханты, что ханты здесь появились после них. В начале нашего столетия А.А. Дунину-Горкавичу довелось услышать легенду о том, что балыкские остяки до покорения Ермаком Сибири жили по берегам Иртыша, откуда бежали на Салым, Балык и их притоки [т. 3, с. 29]. Фольклорная традиция вполне согласуется с выводами археологов о дохантыйском, самодийском, субстрате в составе хантов Среднего Приобья и о притоке хантыйского населения с юго-запада [Могильников, 1995а, с. 25].

Ханты Юганско-Пимского этнографического ареала граничили с лесными ненцами (на севере), кодскими и салымскими (на западе), казымскими (на северо-западе), трюмьганскими (на востоке), васюганскими (на юго-востоке), демьянскими (на юге) хантами. В пределах ареала по берегам Оби проживали русские (924 чел. по переписи 1897 г.). Последние, по словам А.А. Дунина-Горкавича, - "потомки ссыльных или добровольно в давнее время переселившихся в уезд лиц - проживают, главным образом, в трех населенных пунктах, расположенных при р. Оби" [т.1, с. 79]. Возможностей для межэтнических взаимодействий с русскими здесь было гораздо меньше, чем в Прииртышском и Кодском районах. Юганско-пимские ханты в "дорусский" период активно взаимодействовали с ненцами, коми-зырянами, татарами, тунгусами, причем, судя по фольклорным данным, контакты часто сопровождались военными столкновениями.

Юганско-Пимский ареал, очевидно, был самым восточным районом хантыйско-коми-зырянских взаимодействий. Юганские ханты сохранили предания о приходе на их земли коми-зырян *саран ях*. Н.В. Лукиной приведены сведения юганских хантов о том, что народ *сэран ях* жил под землей [Лукина, 1985, с. 96]. Мне довелось слышать рассказы о военных столкновениях юганцев с коми. "В сказках *саран ях* всегда с войной приходили. Девки воровали, оленей угоняли. Однажды война была с ними. *Саран ях* девочку-хантыйку увезли на оленях. Брат увидел, что сестру увозят и бросился за зырянами. Всех их убил, а сестру спас" [ПМА, 1993, Нефтеюганский р-н]. Наряду с "военными" были и мирные сюжеты во взаимоотношениях с коми. В частности, упоминания о покупке у *саран ях* через посредников оленей, "привычных к человеку", т.е. более прирученных [ПМА, 1993, Нефтеюганский р-н]. Известна юганским хантам и "зырянская лодка" *саран рыт* - дощатая лодка-неводник. Название "зырянская", по-видимому, указывает на заимствование этого типа лодок от коми-зырян. Археологических свидетельств о присутствии коми-зырян в бассейне Средней Оби пока не обнаружено, хотя предметы западного (приуральского) происхождения, характерные для вымской и родановской культур, связываемых с предками коми-зырян и коми-пермяков, обнаружены на средневековых памятниках Сургутского Приобья [Могильников, 1991]. Из письменных источников известно донесение "сургутских служилых людей" 1601 г. о том, что они обнаружили в тайге неизвестный до этого "зырянский городок" [Филатова, с. 93]. По-видимому, район Юганской Оби был восточной границей расселения мигрантов коми в Северо-Западной Сибири. До прихода русских переселенцы-коми имели в этой части обского бассейна свои фактории, откуда и совершали набеги на аборигенов. Сведений об ассимиляции хантами коми в этом районе не имеется.

В рассказах юганских хантов нередко упоминаются лесные жители *тункиш ях* - тунгусы (эвенки). С ними юганцы поддерживали торговые отношения. "Тунгусы южнее нас живут. У них оленей очень много - кругом олени, так много, что их даже не

считают. Они шили рубашки из оленьих шкур. Наш дед к тунгусам за оленями ходил. Они оленей за железные котлы и порох продавали" [ЛМА, 1993, Нефтеюганский р-н]. Купленные у эвенков олени отличались от хантыйских, были более рослыми и выносливыми, на них ездили верхом. Первое время купленные олени порывались уйти обратно, но потом привыкали, смешивались с местными животными.

По-иному в фольклоре юганцев складываются взаимоотношения с лесными ненцами *ёрган ях*. В преданиях они обычно предстают в образе врагов, совершавших набеги на хантыйские земли с целью грабежа и захвата женщин. По словам Г.Ф. Миллера, одно из сражений с самоедами произошло у ю. Тундринских [Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера, с. 216]. Только приход русских положил конец этим столкновениям.

В легендах юганских хантов есть упоминания и о войнах с народом *авус ях* ('северные люди'), живущем в северной стране, за лесными ненцами, где деревья такие низкие, что на них специальными палками можно бить белок. Говорят, что авус ях похожи на манси, у них много оленей [ПМА, 1993, Нефтеюганский р-н]. Юганцы по-русски называют легендарных авус ях по-разному: коми, ненцы, селькупы и даже чукчи. Этнографами также высказывались различные суждения о соотношении авус ях с современными этносами. По мнению А.В. Головнева, в преданиях о "не едящих шуку" людях авус ях "в красивых кисах и малицах, приходящих издалека за оленями и женщинами" рассказывается о тундровых ненцах, "действительно не употребляющих в пищу шуку, носящих глухую меховую одежду и способных совершать невероятно протяженные рейды на оленных упряжках" [Головнев, 1995, с. 102]. А.П. Зенько сопоставил авус ях с коми-оленеводами, начавшими в XVIII в. активное проникновение в Западную Сибирь [Зенько, с. 35-36]. Однако в хантыйских преданиях и ненцы, и коми называются другими этнонимами (*ёрган ях*, *саран ях*), скорее всего под именем авус ях юганским и другим группам хантов Среднего Приобья известны северные, обдорско-казымские, ханты, которые при сопоставлении

с другими территориальными группами называют себя "северный народ", табуируют щуку, носят кисы и малицы.

Воевали юганские ханты и с *куран ях* - кодскими хантами. В легендах куран ях предстают воинственными и злыми, совершавшими грабительские набеги на юганские земли в больших лодках *куран рыт*. В "дорусское" время юганцы сражались также с татарами *катань ях*. А.А. Дунин-Горкавич привел сообщение о том, что юганские остяки во главе с князем Каюлом Сапоркиным прогнали из Купландеевских юрт бежавших от Ермака татар в Тарский округ [т. 3, с. 30]. С татарами велись и торговые отношения. Татары продавали топоры и коней, а взамен брали пушнину. Лошадей у них покупали редко, так как особой надобности у оленеводов-юганцев в конях не было.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют выявить какие-либо иноэтничные компоненты в составе юганско-пимских хантов, однако это вовсе не исключает возможности участия в их формировании самодийских, коми-зырянских, эвейкийских и тюркских групп населения.

3.

Традиционное хозяйство и особенности социальной организации юганско-пимских хантов

По данным Н.А. Абрамова, "угодья" волостей Юганско-Пимского этнографического ареала состояли в строевом лесе, рыболовных и звероловных местах, в Подгородно-Юганской помимо этого имелись "луга для сенокосу", а в Пимской - "тундры для содержания оленей" [1993, с. 49-50]. По описанию А.А. Дунина-Горкавича, территория бассейна р. Югана "занимает площадь свыше 20 000 квадратных верст... Почти три четверти этой площади занято болотами - частью чистыми, частью покрытыми мелкою корявою сосною; лишь одна четверть покрыта лесами, которые сгруппированы, главным образом, по правую сторону р. Большой Юган". В бассейне Югана леса хвойные и смешанные. По Пиму много сосновых боров, встречаются и смешанные леса, много болотистых мест [т. 2, с. 100-112, 138].

В зависимости от природно-климатических условий в системе традиционного жизнеобеспечения хантов, живущих по берегам Оби, Балыка, нижнему течению Большого и Малого Югана, Пима, главную роль играло рыболовство, у населения среднего и верхнего течения обских притоков - охотничий промысел. Наряду с рыболовством и охотой хантыйское население ареала занималось животноводством, оленеводством, сбором кедрового ореха и ягод.

Основные виды промысловых рыб по Югану, Пиму и Балыку - щука, окунь, елец, ерш, язь, налим, карась, на Оби добывали ценные породы - осетра, нельму, муксуна. В конце мая большая часть жителей из селений по Большому и Малому Югану спускалась на Обь (*янкытты* - 'на рыбалку на Обь идти'), некоторые семьи промышляли летом рыбу в низовьях Тромъегана. В мае-июне, по большой воде, облавливали сора сетями (*котын*) поодиночке или артелями (*кот питэ ях*) из 2-3 человек. С началом спада воды закрывали речки, вытекавшие из соров, сплошными запорами-варами. Сора облавливали в течение 1-1,5 месяцев сетями и малыми неводами (*аи соуп*). В середине лета (июль), когда рыба из соров поднималась вверх, перебирались на пески, где велся интенсивный неводной лов. На Оби неводили бригадами (*соуп ях* - 'невода люди') из 6-10 человек большими неводами (*соуп*), которые забрасывали с лодки. В августе и начале сентября рыбачили по курьям и заводям (*мекун*) малыми неводами (*аи соуп*) по 2-3 человека. На зимники возвращались в конце сентября. По сведениям А.А. Дунина-Горкавича, юганским хантам за период летнего промысла на Оби удавалось заготовить впрок (насушить) для продажи по 2-3 короба рыбы, вмещающих 1-2 пуда. Всего же, по его подсчетам, по Югану в начале века добывали 600 пудов рыбы "для пропитания" и 200 пудов для продажи [т. 2, с. 146]. Впрок заготавливали в основном язя и щуку.

Часть жителей юганского бассейна в весенне-летний период на Обь не спускалась. Они ловили рыбу по Югану: в период нереста устраивали запоры по речкам. В июле-августе сетковали и неводили небольшими, длиной в 40-50 м, неводами по 2-4 человека (такой невод бросали с лодки). Добытой рыбы хватало толь-

ко для непосредственного употребления. Осенне-зимний лов рыбы юганцев включал неводьбу на ямах по Югану, подледное запорное рыболовство у живунов.

Балыкские ханты летний промысел рыбы вели на песках по Юганской Оби и в низовьях р. Большой Балык. Неводили большими неводами "бригадами" по 4-5 человек. После спада воды перегораживали запорами небольшие речки, из которых вылавливали рыбу после ледостава. Зимний промысел рыбы был незначительным, он производился ловушками-мордами и котцами. Весенний промысел рыбы осуществлялся запорами в мелких протоках [Дунин-Горкавич, т. 2, с. 176].

У хантов Пима рыболовство имело весьма незначительное распространение. Подтверждением этому могут служить данные А.А. Дунина-Горкавича о том, что в начале нашего столетия из 28 семей пимских хантов только у 5 хозяев были невода (всего 6 шт.) и у 8 - сети (всего 16 шт.) [т. 2, с. 101]. Пимские ханты в летний период на Обь не спускались, промышляя по Пиму. У них* было развито ловушечное (в основном с помощью морд) рыболовство, лов рыбы неводами и сетями имел ограниченное распространение [Дунин-Горкавич, т. 2, с. 101]. После прохода льда пимские ханты устанавливали запоры на небольших речках и ручьях, в которые попадала рыба, идущая сверху реки, ее ловили мордами. Промысел прекращался после окончания хода рыбы. После спада воды пимские ханты огораживали ямы на речках, оставляя проход в виде когда. Рыба, идущая из соров вверх по реке, заходила в речки и оставалась до зимы, когда ее вылавливали мордами [Дунин-Горкавич, т. 2, с. 101-102].

! /Основными объектами охотничьего промысла юганско-пимских хантов были белка, лисица, выдра, лось, дикий олень, а также лесная и водоплавающая дичь; юганцы, помимо этого, промышляли соболя, росомаху. Традиционный охотничье-промысловый годовой цикл юганских хантов подразделялся на осенне-зимний промысел на ближних к поселку угодьях (*ма мыг* • 'моя земля', *ма унтым* - 'мой лес') и зимне-весенний, когда охотники осваивали дальние угодья и уходили в тайгу на 1-2 месяца. Пимские ханты промышляли зверя преимущественно в

верховьях реки, балыкские - в бассейне Большого и Малого Балыка.

С середины августа до выпадения снега охотились на боровую дичь, с середины сентября по ледостав - на выдру, медведя, реже - зайца, с выпадением первого снега начиналась добыча пушных зверей. Значительное место в зимний период занимала охота на крупных копытных. В апреле-мае промышляли боровую и водоплавающую птицу. По Пиму была распространена охота сторожевыми луками на лисицу, выдру [Дунин-Горкавич, т. 2, с. 103] Юганские ханты промышляли росомаху, лисицу сторожевыми луками и капканами, на оленей и лосей строили загороди, боровую дичь добывали слопцами, водоплавающую - перевесами.

Из-за недостатка "зверопромышленных мест" в бассейне Югана около 60% юганских хантов на рубеже XIX - XX вв., по данным А.А. Дунина-Горкавича, охотились за пределами бассейна этой реки, соболей вне бассейна Югана промышляли 85 % населения. Жители юрт Купландеевых, Сопоркиных, Какжовых, Кыколевых, Когончиных, Усановых промышляли зверей в бассейнах^демьянки, Балыка и Салыма [Т. 2, с. 147-148].

О^невоЖпкГ^ Юганско-Пимском ареале играло большую роль в хсяиствеГпимских хантов, в бассейне Югана оно имело более ограниченное распространение (выше ю. Угутских) и уступало пимскому по числу оленей на одно хозяйство. В начале нашего века все пимские ханты содержали домашних оленей, у этой группы даже выбор места под зимние поселения обуславливался прежде всего наличием достаточного корма для животных [Дунин-Горкавич, т. 2, с. 101]. По данным А.А. Дунина-Горкавича начала XX в., в среднем на одно хозяйство пимских хантов приходилось 8,4 голов оленей. В бассейне Югана от истока до ю. Угутских (в зоне оленеводства) оленей содержали 79 хозяйств из 123 (в 23 населенных пунктах из 30), в среднем на хозяйство приходилось 2,9 голов оленей. Безоленные хозяйства по Югану составляли 36% от общего числа. К оленным в бассейне Югана А.А. Дунин-Горкавич относил только остяков юрт Угутских, Когончиных и Каюковых. В начале нашего века русские торговцы продавали юганским осяткам тундровых "самоедских"

олений. Однако часть их гибла, поскольку тундровый олень не приспособлен для выпаса в таежной зоне, часть убегала на север, часть приставала к диким оленям [т.2, с. 101, 144-145].

Оленеводство пимских и юганских хантов относится к таежному типу. Выпас оленей осуществлялся без пастухов и собак. Последних специально держали на привязи, чтобы они не пугали оленей. В период зимней охоты олени паслись около жилища без присмотра. Для того чтобы животные далеко не уходили, на одну из передних ног им надевали специальные колодки (*кот юх* - 'ноги дерево') в виде длинного массивного бруска. Когда выпал глубокий снег, колодки не требовались, но подвижным оленям на шею вешали специальные доски (*сапыт юх*) на деревянной дуге. Для отлавливания оленей служил аркан (*вэтти каттэтэ нюр*), сплетенный из пяти ремешков, с костяным или металлическим блоком.

Хотя колодки и доски не позволяли животным уходить зимой на большое расстояние от жилища, их все же периодически проверяли, делая обход на лыжах. Обычно этим занимались женщины. При хорошей погоде осматривали через 5-7 дней, в периоды метелей, снегопадов - ежедневно, чтобы не потерять следы животных, которые после снегопада найти очень сложно. Зимой для защиты оленей от снега и ветра во время выюги устраивали специальные навесы из веток хвойных деревьев. В феврале, при самом глубоком снеге, олени паслись без колодок и досок. В конце марта-апреле им снова надевали на ноги колодки, чтобы ограничить подвижность стада. Несколько животных, необходимых для переезда, оставляли около жилья, остальные уходили в тайгу.

Май - время отела оленей (*моох тайта итэт* - 'оленьята иметь станут'). Специального места для него не выбирали, хозяйва только наблюдали за новорожденными оленятами. В середине мая, после отела, животных собирали. На время летнего рыболовного промысла в русле Оби юганские ханты оставляли с оленями кого-либо из членов семьи или "поручали" стадо родственникам, соседям по договоренности.

Удобными местами для летнего пастбища считаются бора с хорошим ягелем на высоких местах, продуваемые ветром (там меньше комаров). На летнем месте устраивали "олений сарай" (*вэти коопг*) с дымокуром (*топыт нэ*) для защиты от комаров. После окончания "комариного времени" олени свободно разбрелись по тайге. В октябре их начинали собирать, сбор животных (*вэтти катэт*) продолжался 2-3 недели. Осенью производилась кастрация оленей. Забой оленей происходил в ноябре. У юганских и пимских хантов не было принято забивать домашних оленей на мясо, поскольку потребности в пище обеспечивались за счет охоты и рыболовства.

Юганцы считают, что оленеводство у них распространилось от казымских хантов. По легенде, их бог-покровитель - хозяин р. Юган *Ягун ики* - женился на казымской богине *Казым ими* (богине оленеводов) для того, чтобы привести на Юган оленей. Он был хитрый и утащил 200 оленей. На Югане они расплодились. По другой версии, Ягун-ики украл у казымской богини одного оленя. Она скоро хватилась пропажи, догнала Ягун-ики и стала отнимать у него оленя, тот не отдавал добычу. Ягун-ики и Казымская богиня стали тянуть оленя каждый в свою сторону и разодрали его. Большая, передняя часть, досталась Казымской богине, поэтому у казымских хантов много оленей, а меньшая, задняя - Ягун-ики. По словам информаторов, краденое долго не держится, поэтому у юганских хантов и мало оленей, они часто пропадают [ПМА, 1993, Нефтеюганский р-н]. Необходимо отметить, что в наши дни самыми южными из оленеводов-хантов являются юганские, проживающие в Нефтеюганском районе ХМАО, на самом Югане оленеводство уже исчезло.

Разведением лошадей и коров в Юганско-Пимском ареале занимались ханты по Средней Оби, Балыку и нижнему течению Большого Югана (границей содержания лошадей были ю. Угутские, а коров - с. Юганское). По материалам А.А. Дунина-Горкавича, во всех хозяйствах балыкских хантов держали лошадей (142 головы в 54 хозяйствах, т.е. 2-3 лошади на семью); коров разводили жители ю. Усть-Балыцких (7 в 2-х хозяйствах), в селениях по Оби - в ю. Сарантовых (7 в 6-ти хозяйствах), Чаускиных

(3 в 2-х хозяйствах), Тангиных и Заречных (по 1) [т. 2, прилож., с. 27-28]. В низовьях Большого Югана лошадой держали 16 хозяев из 18 (33 лошади) [Дунин-Горкавич, т. 2, с. 144].

Сбор ягод у юганско-пимских хантов имел существенное значение в системе жизнеобеспечения, особенно по Пиму, где в начале нашего века собирали по 4-6 пудов на семью (в основном брусники) [Дунин-Горкавич, т. 2, с. 103]. Ягодный сезон открывался в июле со сбора морошки, затем по мере созревания переходили на голубику, чернику, смородину, черемуху, бруснику и клюкву. Сбор клюквы и брусники начинался с дальних угодий, на те, что ближе к дому, ходили поздней осенью и весной. Собранные ягоды оставляли в берестяных бочках в лесу или на болоте, а по снегу перевозили к жилью. Кедровым промыслом занимались повсеместно, у балыкских хантов он считался главным занятием наряду с рыболовством [Дунин-Горкавич, т. 2, с. 176]

Особенностью традиционной социальной организации хантов Юганско-Пимского ареала является деление на родовые группы *сир*. По данным В.М. Кулемзина и Н.В. Лукиной, "смысл разделения своего народа на сир ханты видят в необходимости регулирования системы заключения браков...Внутри сир было запрещено заключать браки" [Лукина, Кулемзин, с. 236]. Сведения моих информаторов подтверждают это: "Один сир считают как братья и сестры. Внутри сир нельзя жениться" [ПМА, 1993, Нефтеюганский р-н]. Каждая из групп сир характеризуется определенным фамильным составом. В этнографической литературе упоминались три сир - Медведя, Лося, Бобра. Информаторы помнят и смогли назвать четыре: *Пуни сир* ('Медведя род'): Каюковы, Курломкины, Кельмины(?), Рыскины(?), Мултановы(?); *Войях сир* или *Нех сир* ('Лося род'): Каймысовы, Купландеевы, Ярсамовы(?); *Мах сир* ('Бобра род'): Когончины, Писаркины, Кельмины(?); *Люх сир* ('Глухаря род') - Ярсины. Упоминали

также *Вонтри сир* ('Выдры род'), однако не смогли назвать фамилий представителей этого рода.

Члены сир проживали (и проживают) территориально разобщенно, хотя можно говорить о некоторой локализации объединений, так, на Малом Югане и Пиме живут преимущественно представители рода Бобра, на Оби - рода Лося, а на Большом Югане - рода Медведя. Про представителей одного сир говорят "одного бога люди" (*ий тунх ях*), т.е. члены группы считаются потомками божества, одной из ипостасей которого служит облик животного, имя которого носят члены рода. У каждого сир есть свое священное место, где происходят церемонии жертвоприношения божеству-покровителю.

Хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что мои информаторы термину "род" давали два хантыйских соответствия - *сир* и *ныкыт*. В ходе расспросов выяснилось, что понятие *ныкыт* уже, чем *сир*. Термин *ныкыт* скорее соответствует русскому "колону". В этнографической литературе такие объединения называются патронимиями, им свойственны территориальная локализация, родственное тяготение, хозяйственная взаимопомощь и культовое единство. Так, фамилия Каюковых, распространенная среди юганских хантов, делится на несколько *ныкыт* - патронимии, ведущих свое начало от реальных прадедов: *Мэт-ики ныкыт* - от деда Михаила, *Пошк-ики ныкыт* - от деда Павла, *Митр-ики ныкыт* - от деда Дмитрия.

По Пиму, среднему и верхнему течению Большого и Малого Югана преобладали небольшие поселения из 1-2 родственных семей; по низовьям Югана, Балыку и Оби - поселки из 3-10 хозяйств, преимущественно родственных. Дисперсное расселение не способствовало образованию сколько-нибудь значительных хозяйственных объединений, основной хозяйственной ячейкой была малая семья. В религиозно-культурной и обрядовой практике весьма значимы были родственные связи.

В Юганско-Пимском районе не фиксируется деление на группы *Пор* и *Мось*. Преобладают самоназвания по наименованию рек: *Ягун ях* - юганский народ, *Пинь ях* - пимский народ, *Ас ях* - обской народ.

Традиционная культура юганско-пимских хантов

Традиционное зимнее жилище у хантов в рассматриваемом ареале - срубная изба с двускатной крышей на слегах и небольшим свесом над входом. Перед входом обычно делали небольшой помост из досок, иногда пристраивали сени. Летнее жилище юганских хантов представляло собой четырехугольную каркасную постройку с односкатной крышей из берестяных тисков или срубную с односкатной крышей из досок, жердей, бревен, называемую "балаган" либо "шалаш", несколько меньшую по размерам, по сравнению с зимней избой. В центре "шалаша" устраивали глиняный очаг в ограждении из жердей, пол был земляным или дощатым.

Во дворе на некотором расстоянии от дома ставили хлебную печь. Для приготовления пищи служили уличные очаги под навесами, обнесенные стенами. Для хранения продуктов, одежды, шкур, различных вещей использовали амбары на сваях, представлявшие собой небольшие срубы, поставленные на помост, располагающийся обычно на четырех сваях около 1,5 м высотой.

Внутри избы вдоль противоположной от входа стены, а также левой и правой стен, делали нары, которые застилали циновками и оленьими шкурами. Вещи хранили на полках, прикрепленных над нарами, посуду и продукты - на полках, устроенных у входа. Для хранения вещей использовались различные коробки из пихтовой коры, кедрового корня и бересты, мешки и сумки из меха. Коробки из пихтовой коры наиболее характерны для юганских хантов [Лукина, 1985, с. 83]. Специфичны, по замечанию Н.В. Лукиной, были выбивалки для снега и детские колыбели юганских хантов - вкладыши в колыбели имели спинки, а у берестяных колыбелей были планки для подвешивания [1985, с. 84].

Основным летним средством передвижения были лодки-обласки разных размеров, в зависимости от назначения. Обласа обычно делали без набоев. Для переездов на значительные расстояния (к руслу Оби на летнюю рыбалку) юганские ханты ис-

пользовали большие дощатые лодки из кедровых досок длиной 10-12 м, их называли "зырянскими" (*саран рыт*). Большие лодки с берестяными или дощатыми покрытиями-каютами назывались *куран рыт* ('лодка куран'). На такой лодке устанавливался парус и мачту, ее могли тянуть по берегу люди или собаки.

Лыжи хантов Юганско-Пимского ареала имели своеобразную форму: постепенно расширяясь от носка, достигали максимальной ширины дальше середины и сразу переходили в сужающийся задник с фигурными очертаниями. Особенностью таких лыж была и приподнятая на 6-8 см ступательная площадка в форме восьмерки, обклеенная берестой. У мужских лыж-подволоок носок, а иногда и задник заканчивались небольшим выступом [Лукина, 1985, с. 22]. Специфичны, по сравнению с другими районами, были также нарты: и ручные, и оленные делались двухполозными, косокопильными. А.А. Дунин-Горкавич отметил, что юганские ханты для езды на оленях использовали собачью нарту, запряженную одним оленем [Т.2, с. 145].

Мужские и женские рубахи юганских хантов были с отложными воротниками цвета, отличного от самой рубахи. На Пиме встречались рубахи без воротников. Поверх рубахи и мужчины, и женщины носили распашные *саки* из плотных хлопчатобумажных тканей и сукна. Покрой сака у юганско-пимских хантов был одинаков с аганскими, тромъеганскими: между прямоугольной спинкой и расширяющимися книзу полами вшивались клинья, иногда начинающиеся от плечевого шва; пройма прямоугольная, рукава сужались к устью, имелась ластовица. Сак запахивался правой полой на левую, соединялся двумя-тремя парами завязок и обязательно подпоясывался. Женские саки имели длину ниже колен, мужские - выше или ниже колен, на Пиме встречались только короткие "полусаки". Женские саки украшались кромкой другого цвета по правой поле, полосами или бисерными узорами вдоль правой полы с небольшим отступом от кромки, по подолу выше колен и по низу рукавов. Левую полу либо не украшали, либо нашивали на нее более узкую, по сравнению с правой, полосу. Суконные саки по низу и воротнику украшались отделкой из меха выдры [Лукина, 1985, с. 41, 42].

Зимний сак шили из сукна, его носили поверх меховой подкладки из заячьих шкур. Подкладка могла пришиваться к саку, а могла надеваться (иногда и носиться) отдельно. К подкладке пришивали воротник, выпускавшийся поверх наружного сака. Воротники шили из шкурок пушных животных, иногда оставляя свисающие хвосты. Промысловые саки были короче выходных, не украшались, зимние имели белый цвет [Лукина, 1985, с. 44]. Юганские ханты носили также шубы из заячьих, беличьих и лебяжьих шкурок. Из глухой одежды пимские ханты носили кумыш и малицу из шкур оленей, юганские - только кумыш, малица считалась у них предназначенной для езды на оленях. Кстати, именно ношение малицы мои информаторы-юганцы называли отличительным признаком (наряду с языком) пимских и других групп хантов, живущих по правым притокам Средней Оби, от юганских. Осенние малицы пимские ханты шили из шкур птиц, простеганных с тканью; встречались и комбинированные: стан - из птичьих шкурок, а опушка - из шкуры оленя [Лукина, 1985, с. 46]. Кумыш шился из зимних шкур оленя ворсом наружу, он был длиннее чем малица и сак, поверх которых надевался [Лукина, 1985, с. 47]. Обувь преобладала башмаковидная [там же, 1985, с. 55-57].

Основным видом женского головного убора были платки. Бытовали покупные четырехугольные, к которым дополнительно по периметру нашивалась полоса ткани (кайма) и самодельная бахрома (кисти). Способы повязывания платка были разнообразны. Юганские ханты складывали его по диагонали маленьким углом наверх, потом либо не завязывая накидывали на голову, либо завязывали под подбородком, либо перебрасывали концы назад и завязывали сзади на шее. Пимские ханты также складывали платок наугол, перекрещивали под подбородком и завязывали сзади на шее. При этом спереди платок приспускали над лицом, чтобы удобнее было закрываться от старших родственников мужа.

В религии хантов Юганско-Пимского ареала обнаруживаются весьма существенные отличия от описанных ранее групп. Для хантов этого района характерны представления о вертикальном устройстве мира: Верхний мир - небо, Средний мир - поверхность земли, Нижний мир - подземный. Воззрения о горизонтальном троичном делении мира относительно мировой реки выражены неотчетливо. Общая трехчастная картина мироздания осложняется дополнительными членениями Верхнего и Нижнего миров на семь планет-ярусов. Юганские ханты самым главным и сильным богом считают *Тарн Санки*, живущего на самом верхнем, седьмом, небе, ему полагается дарить ткань красного цвета, его дерево - сосна. Главной ("всеvyšней") из женских богинь считается *Санки Пугос*, ведающая благополучием. К ней обращались за помощью в исключительных случаях, когда не помогали боже-ства более низкого ранга. К верховным богам относятся *Санки (Торум Санки)*, которому полагается делать приклады белого цвета; *Чорас пай анки (Чорас най ими)* - главная среди водных богинь, богиня северного огненного моря, ее цвет - красный; *Мыг анки* - 'Земли мать', ей устраивали угошение *поры* после завершения строительства дома, после рождения нескольких детей; *Пугос анки* (или *Анки пугос*) - 'Божественная мать', богиня-жизнеподательница и мать огня, живущая, по одним сведениям, на небе, по другим - на Малом Югане, по третьим - на Вахе. Хозяином Нижнего мира считается остроголовый *Хынь ики* или *Мыг ики*, он насылает на людей болезни и смерть. Обскому богу *Ас ики* приносят кровавые (оленья-самца) и бескровные (халат-сах, отрез ткани) жертвы; жертву помещают на плот, который пускают вниз по реке.

Мир Ванты Ху более западных групп хантов соответствует образ *Хон ики*, всадника в собольем саке на белом коне, успевающего обскакать вокруг земли пока горит кусочек бересты, предназначенный для разжигания огня. *Хон ики* ('Царь мужчина') считается главным над местными духами. Один из информаторов отметил, что *Хон ики* - первый "заместитель" *Санки*,

"бригадир" среди богов, на эту "должность" его определил Санки. У Санки торум было три сына: Хон ики, бог леса *Вой вурт ики* ('Лесной богатырь мужчина') и бог Югана *Ягун ики*. Братья постоянно дрались, чтобы покончить с этим, Санки разделили их силу - старшим, т.е. самым сильным, назначил младшего *Хон ики*, вторым по значимости - *Вой вурт ики*, посылающего людям удачу [ПМА, 1993, Нефтеюганский р-н].

К местным божествам Юганско-Пимского ареала относится *Ягун ики* - духпокровитель Большого Югана, его хранителями являются Каюковы. Он принимает облик медведя, его охраняют 100 воинов-охранников (*сорт тять хо*) и 100 лесных богов (*сорт вунт ики*), а спереди у него - сто медведей (*сорт пуни*). Ягун ики одет в семь белых халатов, сверху - в соболиную шубу, на голове - шапка из выдры, рядом с ним лежат 14 стрел (по 7 справа и слева), украшенных разноцветными лентами. Ягун ики может обращаться в соболя. По представлениям юганцев, змеи - это подвязки на чулках Ягун ики, ящерицы - завязки на его саке, поэтому ящерицы и змеи считаются священными, их нельзя убивать [ПМА, 1993, Нефтеюганский р-н].

Духом-покровителем Кельминовых и Писаркиных считается *Корр кур ики* ('В образе оленя мужчина'). По преданию, он когда-то бежал по Млечному Пути, прыгал через планеты, в одном месте проход (дверь) был узким, и он сломал рога. Дух-покровитель Асмановых и Каймысовых - *Сойя кос ики* (Тоголь крохаль старик'), Сапыркиных - *Шопыр ими*, богиня в облике лягушки.

Имеется специфика и в культовой практике юганско-пимских хантов. Хранитель бога (*тунг орт* или *тойтэ ко*) меняется каждые три года, он ежемесячно "переодевает" изображение божества-покровителя. В трех описанных ранее ареалах "должность" хранителя (хозяина) духа-покровителя селения, рода, семьи считается наследственной и передается младшему сыну. Одежду на изображениях божеств там меняют дважды в год - при совершении жертвоприношений. Юганско-пимские ханты при принесении жертвы водным (морским) богам (как кровавой, так и бескровной) помещают вещи, шкуры и кости жертвенного животного на плот, который пускается вниз по реке. Семейные

культовые вещи (платки, отрезки ткани, шкурки пушных животных) хранятся в священном мешке *тунг кырыг*, сшитом из светлой ткани, который подвешивается в центре передней, противоположной от входа, стены дома.

Священными в ареале считаются медведь, лягушка, гоголь поганка, широконосая утка, кулик; жертвенными - олень, конь овца, свинья, существует запрет на принесение в жертву курицы или петуха.

Култ медведя в регионе также имел некоторые своеобразные черты. По сведениям Н.В. Лукиной, на Югане медвежий праздник могли отмечать члены одной семьи, глава которой исполнял; требуемые 300 песен [Лукина, 1990а, с. 182]. Медвежьих плясок *пути ёкты* длились три ночи; по некоторым данным, добычи медведицы отмечали в течение 4 ночей [ПМА, 1993, Нефтеюганский р-н]. После праздника череп медведя хранили на крыльце (чердаке) дома, он считался охранителем дома и семьи.

Православие оказало весьма незначительное влияние на традиционные языческие верования хантов Юганско-Пимского ареала. В с. Юганском до 1920-х гг. действовала церковь, хотя аборигенное население посещало ее очень редко - не чаще 1-2 раз в году. Из православных праздников знали Рождество, Пасху, Крещение, Петров день, празднование которых сводилось к взаимным угощениям; существовало убеждение, что в эти дни нельзя работать.

В этнографической литературе сведения о семейных обрядах хантов описываемого ареала отрывочны и касаются преимущественно юганской группы, я тоже располагаю полевыми материалами по этой группе, поэтому описание обрядов дано по юганским хантам.

Брачным возрастом у юганских хантов для юноши считался 17-18-летний рубеж, для девушки - 16-17 лет. Некоторые информаторы говорили о том, что в старину девушек просватывали в 11-12-летнем возрасте. В прошлом существовал обычай испыта-

ния невесты. Девушка должна была замесить тесто, сделать лепешку, проткнуть ее палочкой и поставить в печь. Если лепешка сползала с палочки, девушку в текущем году замуж не отдавали, считалось, что она еще плохая хозяйка и должна научиться печь хлеб [Соколова, Сподина, с. 148].

Браки заключались через сватовство и путем похищения (убегом). Первый раз ехала сватать мать невесты с родственницами-женщинами (*мой инныт* - первый приезд сватов). Гости приезжали с отрезом ткани - своеобразным знаком причины визита. Сваты привозили подарки и угощение, родители невесты встречали гостей молча. Давать согласие на брак сразу не было принято, церемония предполагала несколько визитов сватов (до 7 раз). Второй и последующий разы сватать ездили отец, мать и сам жених в сопровождении родственников (*мой йие* - второй визит сватов). Они привозили с собой родителям невесты сукно на халаты, платки, пушнину, продукты и вино. Среди посланцев один был главным, он вел переговоры со стороной невесты. При этом говорить прямо о причине визита не следовало, родители невесты тоже ни о чем не спрашивали, им полагалось говорить как можно меньше. Невеста во время сватовства оставалась дома, вела себя скромно: молча слушала, что говорят родители, отворачивалась от отца и старших братьев жениха. Если заранее было известно о приезде сватов и родители были согласны отдать дочь, то девушка уже во время первого приезда закрывала лицо от будущего свекра и старших братьев мужа, что было своеобразным знаком согласия на брак. Приняв подарки и накрыв на стол, родители невесты давали понять, что они согласны отдать свою дочь замуж. Во время сватовства родители невесты, согласно традиции, демонстрировали мнимую неприязнь сватающей стороне: встречали гостей молчанием, сваты неоднократно уходили ни с чем. Тема борьбы между группой жениха и группой невесты особенно отчетливо проступала при отказе родителей невесты на брак. Так, если сваты не добивались желаемого при седьмом визите, они изготавливали из дерева изображение духа-покровителя рода жениха или духа болезней, покрывали его тканью и "шаманили", стремясь наслать болезнь на девушку и ее

родню. Поэтому, по мнению юганских хантов, седьмой раз отказывать сватам нельзя. Если же родители так и не давали согласия, а *девушка* заболела, то приезжал шаман из поселка жениха и говорил, что нужно отдать дочь замуж за того, кто сватал, тогда дочь выздоровеет.

При получении сватами согласия на брак сразу устраивали угощение *поры*: звали соседей, родню, забивали оленя. Затем начинались переговоры о калыме *талъх*. Родители невесты назначали цену за дочь, обычно размер выкупа был небольшой. В качестве калыма давали пушнину, сукно и дорогие ткани, несколько оленей.

Завершение переговоров скреплялось жертвоприношением *йир* у священной передней стены дома невесты. Забивали одного оленя, принадлежавшего родителям невесты. Животное умерщвлял хозяин дома, а жених с невестой держали в руках веревку, за которую привязывали оленя. Зверя сначала оглушали обухом топора, а потом закалывали ножом ударом в сердце, он должен был упасть на правый бок. Этой церемонией получали "санкцию" на брак у семейного бога-покровителя невесты.

Сама свадьба у юганских хантов не была сложной по обрядовому оформлению. Сначала свадебный пир устраивали у невесты - *уннэ поры*. Специальной свадебной одежды ни у невесты, ни у жениха не было. Звали родственников со стороны невесты и жениха. Угощение в доме невесты шло со стороны жениха - его родители привозили с собой продукты, водку. Пиршество продолжалось три дня. Выбирали мужчину, который руководил застольем - *партыко* ("говорящий", шаманящий). Он становился впереди всех спиной к двери, где женихом подвешивалась светлая тряпочка, символизирующая бога *Торума*. "Говорящий" обращался к Торуму, просил благополучия и здоровья молодым, семье, всем присутствующим. У печи накрывали специальный маленький столик для угощения домашнего огня. В дар богине огня заранее готовили куклу, которую бросали в огонь во время церемонии [Соколова, Сподина, с. 149].

Для жениха и невесты крестной матерью невесты устанавливался специальный полог *урут сай* (*урут* - 'полог', *сай* -

'прятаться'). Угощение в полог молодым подавали мать жениха и мать невесты. Жених (*воунг*) мог выходить из-под полога, он распоряжался трапезой, следил, чтобы гости сильно не напивались, сам он не пил спиртных напитков. Постель молодым в пологе готовила крестная мать невесты, за это она получала в подарок отрез ткани.

После свадебного пира родители жениха гостили в доме невесты 7-10 дней, потом уезжали, а жених оставался и работал на правах члена семьи. Отъезд невесты в дом жениха оговаривался во время сватовства. Считалось плохой приметой, если невеста долго оставалась в доме отца, поэтому ее стремились быстрее увезти.

Невесту везли в дом жениха на лодке или нарте в зависимости от времени года. Из дома ее выводили родители, взяв за руки. Она прощалась с родителями и домом, кланялась. Тут же договаривались о времени приезда родителей невесты к молодым. Приданого для невесты не готовили, она брала с собой лишь бестяную коробку для рукоделия (*йинит*). Отец давал отрез ткани для приклада богу-покровителю мужа. Личные вещи невеста забирала, когда приезжала проводить родителей после замужества. Обычай запрещал девушке брать из дома отца в дом мужа полог, лыжи, точильный камень (брусок), деревянные ложки-поварешки, гребень (якобы взятый гребешок все вычешет из дома отца). В пути молодая обязательно закрывала лицо. В поселке жениха невесту встречала крестная мать жениха, она же заводила невесту в дом. Невеста должна была сразу же сделать *поры* богу-покровителю мужа: подарить привезенный из родительского дома отрез ткани. В доме жениха свадебное пиршество дублировало торжества в доме невесты. Молодые и здесь сидели под пологом, приготовленном крестной матерью жениха. В знак благодарности жених дарил крестной отрез ткани.

Через три-четыре месяца в гости к молодым приезжали родители невесты, они привозили подарки и молодым, и сватам: оленя, сукно, ткани, платки. Молодой давал родителям невесты оленя для принесения в жертву их семейному богу.

Многие информаторы говорили о том, что в старину браки убогом случались часто. К умыканию невесты прибегали в том случае, когда родители не хотели отдавать дочь за этого парня. Обычно девушка знала о готовящемся похищении: жених ее заранее предупреждал. Ставил он в известность и своих родителей, о "краже" не полагалось знать только родителям невесты и ее родственникам. Похищаемая девушка ничего не брала с собой, кроме коробки для рукоделия с игольницей. "Ворованную" невесту жених приводил в дом, она сразу же начинала закрываться от отца жениха и его старших братьев. Спустя некоторое время молодые отправлялись в дом родителей жены и просили у них прощения. Следовало примирение. Свадебного угощения при браке убогом не устраивали.

Через год после заключения брака совершалось жертвоприношение в честь невесты: делали *йир норы* (кровавое жертвоприношение) богу-покровителю невесты. Оно происходило у передней (священной) стены дома. Жертвенного оленя приводили родители жениха, братья у родителей невесты животное запрещалось. Жених забивал оленя либо сам, либо просил кого-нибудь. За веревку жертвенного оленя держали родители жениха, мысленно говоря: "Вот возьмите оленя за вашу дочь от имени родни жениха". После этого ритуала брак считался "законным", санкционированным богом-покровителем.

По представлениям юганских хантов, детей женщинам посылают две сестры богини *Пугос*, живущие на Малом Югане, в ответ на получение даров-прикладов: йиныт и платка. Приходилось слышать, что угощение *норы* и подарки для *Пугос* надо делать через 3-5 лет, ибо при ежегодных дарах и дети будут рождаться ежегодно. В случае дарения двух йиныт или забивания двух важенок (при совершении кровавого жертвоприношения), *Пугос* посылают близнецов *немые*. Продолжительность жизни определяет богиня *Анки Пугос*, отмеряя жизненный срок на веревке.

Роды протекали у порога жилого дома, хотя информаторам известно, что раньше для роженицы ставили специальный шалаш. Принимала роды повитуха *пуклан анки* ('пуповины мать').

Считалось, что присутствие мужа облегчает страдания жены и ускоряет роды, поэтому на время родов он оставался дома, а все другие покидали помещение (присутствовать могли только уже рожавшие женщины, неблизкие родственницы). Муж брал из переднего угла священный мешок *тунг кырыг* с семейными реликвиями и трижды обводил им по кругу над головой роженицы, призывая на помощь домашних духов. Сразу же после появления ребенка муж уходил.

После родов Пуклан анки обряжала послед в платок и сак, подобно кукле, помещала в берестяную коробочку, которую уносила на специальное место за селением, где привязывала к дереву на высоте человеческого роста с восточной или южной стороны черемуховым прутиком.

Через 5-10 дней после родов ребенок и мать очищались (мылись водой с чагой, окуривались), повитуха уносила в лес и подвешивала на дерево одежду роженицы и берестяную колыбель *сагун*, в которой малыш находился первые дни жизни. Дома устраивали праздник новорожденного - *пуклан поры* ('пуповины праздник'), приглашали родственников и соседей. Семейному духу-покровителю делали приклад - халат сак или отрез материи. Новорожденному мальчику дарили оленя, которого посвящали духу-хранителю с просьбой охранять ребенка. Через 10 лет этого оленя полагалось принести в жертву духу.

Обряда крещения у юганских хантов не было, но когда ребенок подрастал, определяли крестную мать (*перна анки*). Обычно крестной матерью становилась та женщина, которой понравился ребенок, она сама вызывалась стать крестной, что сопровождалось дарением нательного креста и угощением.

Когда заканчивался "колыбельный период" жизни малыша (в возрасте около 3-х лет), делали жертвоприношение личному духу-покровителю, в котором участвовали члены семьи и родственники. В заранее определенный отцом ребенка день родственники собирались на священном месте. Рано утром отец срубал в лесу молодую березку, обрезал нижние ветки на уровне 1-1,5 м, на стволе вырезал личину - изображение личного духа-покровителя. Это дерево *вань мань юх* ('с лицом дерево') он при-

носил на священное место. Мужчины наматывали на его ствол куски тканей, а женщины привязывали платки к веткам - подарки божеству от родственников. К стволу березки привязывали жертвенного оленя, которого забивал кто-либо из родственников. Затем проходила коллективная трапеза.

Смерть, по представлениям юганских хантов, наступала после того, как истекал определенный богом срок жизни. Сразу после смерти в доме разводили огонь, который поддерживали в течение месяца. Умершего обмывали (женщина - женщину, мужчина - мужчину), на покойного надевали зимнюю одежду - *сак*, который запаховали наоборот - слева направо, на голову мужчине одевали шапку, а женщине - платок, которым закрывали лицо как при избегании. Существует запрет на использование новой, неношенной одежды (родственники и приходящие на похороны соседи тоже одеваются только в ношеную одежду). С воротника сака срезали кусочек ткани с мехом, чтобы умерший не унес с собой пушную удачу. Нельзя одевать на покойника-мужчину одежду с бисером. Оплакивать умершего не принято, плакали только в том случае, когда не могли сдержать слез. Покойника ни в коем случае нельзя было оставлять одного, возле тела всегда находились родственники.

До изготовления гроба умерший лежал на спальном месте. Гроб *атым юх* ('плохое дерево') делали из досок на второй день после смерти и держали на улице с веткой шиповника до дня похорон. По словам информаторов, в прошлом существовали гробы-колоды и гробы-лодки. В день погребения его ставили на середину комнаты так, чтобы покойник лежал головой в сторону кладбища, а ногами к выходу. Вдоль тела покойника клали нитку, которую перед выносом хозяйка наматывала на палец левой руки (ее потом можно было использовать). Слева на гробе рисовали полусолнце и полумесяц.

В знак траура родственники умершего повязывали на ногу тесьму из черемуховой сарги: по случаю смерти близкого родственника - на правую ногу, дальнего - на левую. Кроме того, родственники-мужчины носили лобную повязку из оленьего сухожилия, а родственницы-женщины - из белой ткани, после захода

солнца лобные повязки снимали, а с восходом солнца вновь повязывали, в пасмурную погоду их можно было не носить. Женщины обматывали средний и безымянный пальцы правой или левой руки (в зависимости от того, умер близкий или дальний родственник) нитками из оленьего сухожилия. Мужчины снимали траур на пятый день после смерти, женщины носили повязки дольше - пока не порвутся.

Хоронили умершего на второй-третий день после смерти. Имеются сведения, что раньше мужчин хоронили на 5-й день после смерти, а женщин - на 4-й, пока окончательно не убеждались, что человек умер. После похорон с внешней стороны дверных косяков делали насечки, чтобы душа умершего не могла вернуться в дом. Кладбище располагалось к западу от поселка. По приходе на кладбище сразу же разводили поминальный костер. Могилу копали глубиной около 1,5 м. На дно могилы клали два бревна, на них опускали гроб и закрывали его берестой. В могилу помещали те вещи, которыми человек пользовался при жизни, их предварительно "портили": посуду дырявили, топор и нож делали тупыми. Над могилой ставили сруб высотой в три венца. Надмогильное сооружение устанавливали во время, когда перелетные птицы находятся в этих местах, после их отлета ждали наступления весны. Сбоку на "домике" делали небольшое отверстие, чтобы душа умершего могла выходить через него. Рядом с могилой, у изголовья с левой стороны, устанавливали крест. Маленьким детям вместо креста изготавливали изображение кукушки или глухаря.

Подведем некоторые итоги. В фольклоре юганско-пимских хантов нашла отражение точка зрения о древнем нехантыйском населении ареала. Ханты продвинулись сюда во второй половине 2 тыс. н. э. из районов Нижнего Прииртышья. В XVIII - XIX вв. внутри региона происходили перемещения хантов: очевидно, в прошлом веке часть их переселилась на Пим с Большого и Малого Югана, часть мигрировала в более восточные районы Средне-

го Приьобя из-за недостатка промыловых угодий и пастбищ в виду большой заболоченности Юганского бассейна. В дорусский период юганско-пимские ханты противостояли военным набегам ненцев, нижеобских хантов, татар, уже в русский контактировали с эвенками. Имеющиеся материалы не позволяют говорить о взаимных ассимилятивных процессах в ареале.

АГАНСКО-ВАСЮГАНСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АРЕАЛ

В состав обширного Аганско-Васюганского ареала включены группы хантыйского населения, проживающего в бассейне Средней Оби с притоками Тромъеган, Аган, Вах, Васюган. В конце XVI в. эта территория была отнесена к Сургутскому уезду, в XVIII в. земли по Васюгану отошли к Томскому уезду, в XIX в. бассейн Тыма был включен в Томский округ, а Таза - в Туруханский край, остальная территория оставалась в составе Сургутского округа Тобольской губернии. По современному административно-территориальному делению регион входит в состав Сургутского и Нижневартовского районов ХМАО Тюменской области, Александровского и Каргасокского районов Томской области. До начала нефтегазового освоения Западной Сибири хантыйское население края сохраняло традиционный образ жизни и этнокультурную специфику.

В Аганско-Васюганском ареале распространены восточные диалекты хантыйского языка. М.А. Кастрен выделил на этой территории ваковский (средний), верхний и васюганский говоры сургутского диалекта; К.Ф. Карьялайнен - ваковский, верхнеобской, васюганский, тром-юганский и сургутский диалекты; В.К. Щтейниц и Н.И. Терешкин - сургутский и вахо-васюганский диалекты; П. Хайду - тромъеганский, сургутский, вартовский, ваховский и васюганский диалекты [Караулов, с. 243-245; Хайду, с. 45]. Приведенный перечень диалектов показывает, что лингвистически хантыйское население этого района неоднородно. В его пределах выявляются не только языковые, но и культурно-бытовые различия между отдельными группами хантов: здесь насчитывается! по крайней мере 5 локальных этнических групп: аганская (*оун ях*)⁷ тромъеганская (*торум ягун ях*), ваховская (*вахих*), васюганская (*ватъ ях* или *ватъ ёгун ях*), обская (*ас ях*). \

Тем не менее все хантыйское население ареала относится к общности *кантэк* [Терешкин, с. 320], или *кантэга ях* [Кулемзин,

Лукина, 1977, с. 4], локальные различия не служили препятствием к брачно-семейным и иным формам общения на этой территории. Н.В. Лукина и В.М. Кулемзин, долгое время проработавшие среди васюганских, ваховских, александровских хантов (так они называют проживающих по Оби на территории Томской области), отметили, что васюганцы и ваховцы обособляют себя от известных им сургутских и юганских хантов [Лукина, 1972, с. 67]. Что касается соседних с васюганскими иртышских и демьянских хантов, то, по свидетельству Н.В. Лукиной, у первых имеются о них весьма смутные представления, юганских хантов васюганцы называют *Ыл ях* ('низовой народ') или *Иммыль ягун ях* [1972, С169].

В географическом и историко-культурном отношении рассматриваемый район делится на две части - аганско-тромъеганскую и ваховско-васюганскую. Первая в дорусский период соответствовала княжеству БардакаГ на месте которого в конце XVI в. было учреждена Бардакова волость, разделенная во второй половине XVIII в. на две - Аганскую и Тром-Юганскую. Ханты этого субрегиона в языке и культуре обнаруживают сходство с юганско-пимскими. Более специфический по этнографическим характеристикам хантыйского населения Васюганско-Ваховский субрайон исторически связан со средневековой Пегой Ордой, после разгрома которой в конце XVI в. были созданы Лунпокольская, Ваховская, Васюганская, Ларьятская, Тымская, Караконская и Сымская волости, этническую принадлежность которых для периода конца XVI - XVII вв. определить весьма сложно. Б.О. Долгих с хантами связывал Ваховские, Лунпокольские и Васюганскую волости [1960, с. 85].

1.

Аганско-васюганские ханты в XVII - XIX вв.

Население Аганско-Васюганского ареала в XVII - начале XVIII в. относилось к 8 волостям: Бардаковой, двум Ваховским, трем Лунпокольским, Васюганской, Тымской. Во второй половине XVIII - XIX вв. оно было приписано к 17 волостям: Тром-

юганской, Аганской, трем Ваковским, двум Лумпокольским, двум Салтыковским, Пирчинской, четырьмя Тымским, Ларьякской, Васюганской, Караконской.

Тром-Юганская волость располагалась в бассейне р. Тромъеган и Оби в районе его устья. В конце XVI - начале XVIII в. эта волость не выделялась. В середине XIX в. в волости было 6 селений, в конце века - 8. Хантыйское население волости в 1782 г. насчитывало 342, в 1795 г. - 347, в 1816 г. - 341, в 1858 г. - 371, в 1897 г. - 283 чел. V ревизией названо 35 фамилий, X ревизией - 19, основные: Асомкин, Камтин, Качимов, Локосов, Сенкин, Чалтымов. Численность тромъеганских хантов в конце XVIII - середине XIX в. характеризуется стабильностью, к концу прошлого века произошло ее сокращение на 17%.

По данным IV ревизии, в волости было заключено 102 брака, в том числе: внутри волости - 41 (40%), с Большеюганской - 26 (25), с Ваковской - 24 (24), с Аганской - 4 (4), с Малоюганской - 3 (3), с Казымской - 2 (2%). У тромъеганских хантов оказалась весьма значительной доля эндогамных браков, межволостные обнаружили тяготение в сторону юганских и ваховских хантов.

Аганская волость находилась в бассейне Агана. В конце XVI - начале XVIII в. население бассейнов Агана и Тромъегана объединялось в Бардакову волость, в которой в 1625 г. числилось 89 плательщиков ясака, или 360 чел. всего населения [Долгих, 1960, с.85]. В 1782 г. население Аганской волости составило 127 чел., в 1795 г. - 127, в 1816 г. - 114, в 1858 г. - 127, в 1897 г. - 194. По V ревизии, в волости перечислено 11 фамилий, по X ревизии - 8, основные: Ляхтин, Юсыпин, Тырлин. Для аганских хантов так же, как и для тромъеганских, характерна стабильность численного состава в конце XVIII - середине XIX в., к концу XIX в. численность увеличилась на 55%.

IV ревизией в волости зафиксировано 33 брака, из которых внутри волости - 11 (33%), с Ваховской - 11 (33), с Тром-Юганской - 6 (10), с Большеюганской - 2 (6), с Пимской - 2 (3), с волостями Березовского ведомства - 1(1%). У аганских хантов оказался высоким уровень эндогамных браков при малой численности населения. Межволостные браки были преимуществен-

но ориентированы на ваховских хантов (половина от межволостных).

Ваховские волости занимали бассейн нижнего течения Ваха (до устья р. Колек-Еган) и Оби в районе устья Ваха (до с. Локосово). В XVII в., по данным Б.О. Долгих, существовало две ваховские волости: 1) Ваховские татары и остяки, 2) Ваховская (бывшая князя Алачева), в которых в 1645 г. числилось 100 плательщиков ясака, или 400 чел. населения [1960, с. 85]. В ревизских переписях XVIII - XIX вв. выделяется три группировки: ваховская по Оби "князца" Кындина, ваховская по Оби "князца" Сыкопова и ваховская по Ваху "князца" Липова. По материалам X ревизии, в них числилось 17 юрт. С.К. Паткановым названы три ваховские волости: Верхне-Ваховская, Нижне-Ваховская и Ваховская, в которых указано 25 селений. В 1782 г. в трех Ваховских волостях проживало 520 хантов, в 1795 г. - 521, в 1816 г. - 635, в 1858 г. - 780, в 1897 г. - 846 хантов и 59 русских. В конце XVIII в. в волости названо 59 фамилий, в середине XIX в. - 34, наиболее распространенные: Выкопов, Лекрисов, Пирнин, Полин, Тарыхов, Тогломкин. На протяжении XIX в. численность хантыйского населения в ваховских волостях существенно выросла: к 1897 г. она увеличилась на 62% по сравнению с 1795 г.

IV ревизией в трех ваховских волостях зафиксировано 219 браков, которые распределились следующим образом: внутри волости - 90 (41%), с Лумпокольскими - 70 (32), с Тром-Юганской - 33 (15), с Аганской - 25 (11%), с Салтыковской - 1. По брачным контактам конца XVIII в., население трех ваховских волостей "тянуло" к Лумпокольским. Внутри региона обнаружены различия. Так, группировка "князца" Сыкопова по Оби характеризуется большим числом браков (около 2/3) с жителями Тром-юганской (36%) и Аганской (28%) волостей при меньшем, по сравнению с другими частями, уровне внутриволостных браков (28%), с Лумпокольской волостью этой группировкой было заключено всего 5 браков (6%). Две другие общности ("князца" Кындина по Оби и "князца" Липова по Ваху) имели более высокий уровень эндогамных браков (соответственно 42 и 54%) и тяготели к Лумпокольской волости (соответственно 45 и 46%

браков), причем ваховская группировка имела межволостные брачные связи только с жителями Лумпокольской волости.

Лумпокольские волости располагались по Оби и Ваху выше Ваховских (по Оби - до с. Нижне-Лумпокольское, по Ваху - устья р. Сабун). По сведениям Б.О. Долгих, в XVII в. существовало три Лумпокольские волости, в которых в 1636 г. было 229 плательщиков ясака, или 920 чел. [1960, с. 85]. Ревизскими переписями выделяются обская и ваховская группировки. В материалах X ревизии перечислено 25 юрт по Оби и Ваху, С.К. Паткановым - 14 юрт по Оби. В 1782 г. в Лумпокольских волостях проживало 733 ханта, в 1795 г. - 734, в 1816 г. - 798, в 1858 г. - 1158. В конце XVIII в. зафиксировано 73 фамилии, в середине прошлого - 26, основные: Аратаев, Камин, Натускин, Пилячиков, Сыгыльетов. Для Лумпокольских волостей характерно увеличение численности населения, к середине XIX в., по сравнению с концом XVIII в., она возросла на 58%.

Материалами IV ревизии в двух Лумпокольских волостях зафиксирован 191 брак, из которых: внутри волости - 109 (57%), с Ваховскими - 30 (16), с Салтыковскими - 27 (14), с Пимской - 17 (9), с Пирчинской - 5 (3), с Васюганской - 2 (1%), с Аганской - 1. Более половины браков жителей Лумпокольских волостей были эндогамными, межволостные браки ориентировались на Ваховские и Салтыковские волости. Представители ваховской группировки брали себе жен только из Салтыковской и Пирчинской волостей; обская имела более широкие брачные контакты.

Салтыковские волости находились выше Лумпокольских по Оби и Ваху (по Оби между селами Нижне-Лумпокольское и Верхне-Лумпокольское, по Ваху - от устья р. Сабун до границ Томской губернии). В XVII в. эти волости не выделялись, по мнению Б.О. Долгих, население данной территории относилось к Ваховским и Лумпокольским волостям [1960, с. 85]. Материалами ревизий выделяются ваховская и обская части Салтыковской волости. X ревизией указаны 10 юрт по Оби и Ваху, С.К. Паткановым - 5 селений по Оби. Численность населения в Салтыковских волостях составляла в 1782 г. - 294, в 1795 г. - 304, в 1816 г. - 362, в 1858 г. - 621 хант. В материалах V ревизии назва-

но 73 фамилии, X ревизии - 43, основные: Атасов, Миткин, Насин, Панжин, Прасин, Сыгранкин, Чумин. С 1782 по 1858 г. численность населения Салтыковских волостей увеличилась более чем в два раза (на 111%).

По IV ревизии, в Салтыковских волостях было заключено 78 браков, в том числе внутри волости - 21 (27%), с Лумпокольскими - 24 (31), с Пирчинской - 15 (19), с Тымской - 8 (10), с Ваховскими - 7 (9), с Васюганской - 3 (4%). Ханты Салтыковских волостей имели весьма интенсивные брачные контакты с соседними лумпокольскими, причем у ваховской группы они были интенсивнее, чем у обской (соответственно 40 и 28 %); с жителями Пирчинской волости гораздо чаще вступали в брак представители обской группировки (24% браков против 5%); с Тымской волостью, наоборот, больше браков было заключено ваховской группой (25 и 5%).

Пирчинская волость располагалась вверх по Оби от Салтыковской. В XVII в. волость не выделялась, территория относилась к Лумпокольским волостям [Долгих, 1960, с. 85]. В XIX в. в ней числилось 10 селений. В 1782 г. здесь проживало 329, в 1795 г. - 289, в 1816 г. - 308, в 1858 г. - 414 хантов, в 1897 г. - 431 хант, 26 русских. V ревизией в волости перечислено 33 фамилии, X ревизией - 20, наиболее характерные: Ахчемкин, Калинин, Печиков, Пирчин, Рогин. В период с 1782 по 1816 г. население волости уменьшилось на 6%, затем к 1897 г. увеличилось на 40%.

Материалами переписи 1782 г. в волости зафиксировано 75 браков, из которых внутри волости - 28 (37%), с Салтыковскими - 27 (36), с Тымской - 13 (17), с Васюганской - 4 (5), с Лумпокольской - 3 (4%). Наиболее тесные брачные связи ханты Пирчинской волости в конце XVIII в. имели с Салтыковской.

С.К. Патканов в переписи 1897 г. указал три Лумпокольские волости, две Салтыковы и Тымскую. По его данным, в двух Лумпокольских волостях по Оби проживало 394 ханта, 17 русских; в Салтыковской по Оби - 324 ханта, 21 русский; в Лумпокольской, Салтыковской и Тымской волостях по Ваху - 1481 хант, 40 русских; 107 хантов проживали в русской Тундринской волости.

Васюганская волость занимала бассейн Васюгана. По сведениям Б.О. Долгих, в 1636 г. в ней числилось 89 плательщиков ясака, или 360 чел. [1960, с. 85]. В 1897 г. в 32 селениях волости проживало 586 хантов, 9 селькупов, 32 русских. Материалами ревизских переписей по этой волости мы не располагаем.

Тымские волости объединяли население по рекам Таз, Кульеган, Вачилка, Ипокатка. По данным за 1636 г., в Тымской волости числилось 96 плательщиков ясака, или 385 чел. всего населения [Долгих, 1960, с. 85]. Материалами ревизий выделялись четыре группировки: по р. Таз "князца" Кагылева, по рекам Кульеган и Вах "князца" Кунина, по р. Вачилка "князца" Онина, по р. Ипокатка "князца" Кайлина. В 1782 г. в них числилось 519 чел. Определить точную этническую принадлежность населения Тымских волостей довольно сложно, поскольку у восточных хантов и селькупов много общих фамилий в переписях население записано под именем "остяки". Анализ брачных связей населения Тымской волости, по переписи 1782 г., показал, что группы по рекам Таз, Вачилка и Ипокатка тяготели к Караконской волости Газовского уезда (40% браков), к тому же у них была высокой доля эндогамных браков (55%), около 5% браков пришлось на жителей Мангазейского уезда. В группировке "князца" Кунина по рекам Кульеган и Вах ориентация брачных связей оказалась иной. В этой группе, по данным IV ревизии, числилось 145 чел., зафиксировано 34 брака, из них внутри волости - 15 (44%), с Лумпокольскими - 13 (38), с Караконской - 3 (9), с Салтыковскими - 2 (6), с русскими - 1 (3%). В этой группе при малой численности населения высоким оказался процент эндогамных браков. Поскольку в переписи обычно называется только имя отца жены без указания фамилии, не удалось установить, из каких групп Тымской волости брали себе жен люди "князца" Кунина. Межволостные браки этой группы тяготели к Лумпокольским волостям (79% экзогамных браков).

На основе анализа брачных связей населения Тымской волости конца XVIII в. можно предположить, что по рекам Кульеган и Вах проживало преимущественно хантыйское население, а в других частях преобладало селькупское. В пользу этого предпо-

ложения говорит и то обстоятельство, что в XIX в. в Сургутский уезд, к которому относились волости населенные хантами, входила только одна Тымская волость по Кульегану и Ваху, в которой в 1897 г. проживало 247 чел. По сравнению с 1782 г. население в ней увеличилось на 70%.

На протяжении конца XVIII - XIX вв. происходило увеличение численности хантов Аганско-Васюганского региона: с 1782 г. по 1897 г. она возросла на 78%, наиболее существенный прирост отмечался в восточных волостях. Численность тромъеганских хантов в рассматриваемый период сокращалась.

Динамику численности аганско-васюганских хантов в конце XVIII - XIX вв. можно проследить по данным таблицы.

Таблица 9. Численность хантов Аганско-Васюганского ареала в конце XVIII - XIX в.

№ п/п	Волости	Численность хантов (чел.)				
		1782 г.	1795 г.	1816г.	1858г.	1897г.
1.	Тром-юганская	342	347	341	371	283
2.	Аганская	127	127	114	127	197
3.	Ваховские	520	521	635	780	846
4.	Лумпокольские	733	734	798	1158	
5.	Салтыковские	294	304	362	621	}1852
6.	Пирчинская	329	289	308	414	431
7.	Васюганская	-	-			586
8.	Тымская	145	-			247
	Итого:	2490	2322	2558	3471	4442

Анализ демографических процессов показывает, что на протяжении конца XVIII - XIX вв. происходило постоянное перемещение хантыйского населения вверх по Средней Оби и на Вах с притоками из более западных областей Среднего Приобья и Нижнего Прииртышья.

Вопрос об этнической принадлежности древнего и средневекового населения Аганско-Васюганского ареала еще далек от окончательного разрешения, на сегодняшний день очевидно лишь то, что ханты не были первоначальными жителями этого региона. Устная традиция относит к местным предкам хантов людей *арэх ях*, живших в землянках и занимавшихся в основном охотой на лося и добычей рыбы [Лукина, 1976, с. 158-161; 1985, с. 13]. Этническая интерпретация легендарных *арэх ях* весьма затруднительна. Археологические материалы свидетельствуют о присутствии самодийских племен на территории Аганско-Васюганского ареала. Большинство археологов считают кулайскую культуру Среднего Приобья эпохи железа (V в. до н. э. - V в. н. э.) самодийской. Не все ясно с характером средневековых военно-политических образований - княжеств. Если Пегую Орду связывают с нарымскими селькупами, то относительно трактовки княжества Бардака в литературе высказывались разные суждения. Г. Старцев писал о самодийских городищах около Сургута, завоеванных остяками и казаками. Название речки Бардаковка, протекающей возле Сургута, он соотносил с именем ненецкого богатыря Партака, на основании чего можно предположить, что в средневековье по Тромъегану и Агану (по крайней мере, по их нижнему течению) проживали лесные ненцы. В слышанной Г. Старцевым легенде говорилось о последних боях сургутских остяков с самоедами, происходивших в конце XVII в. в устье р. Сабина (Сабун - правый приток Ваха. - Е.М.) [1928, с. 9]. Е.Д. Прокофьева и Г.И. Пелих считали княжество Бардака селькупским, Б.О. Долгих - хантыйским [Прокофьева, с. 90; Пелих, с. 20-23, Долгих, 1960, с. 85]. На карте, составленной Б.О. Долгих, по Тромъегану и Агану жили ханты, лесные ненцы показаны им только в верховьях р. Аган [1960]. В.И. Васильев уточнил, что в XVII в. в верховья Агана проникали отдельные семьи лесных ненцев, а их компактные группы появились там сравнительно поздно [1979, с.101].

Топонимика Среднего Приобья говорит о том, что самыми древними из этнически определяемых жителей бассейнов Васюгана, Тыма и Ваха было кетоязычное население, позже сюда пришли предки селькупов, а затем - ханты [Дульзон, 1961, с. 370]. По А.П. Дульзону, одна из групп предков кетов проживала в междуречье Иртыша и Васюгана от верховьев Демьянки на севере до бассейна Тары на юге [1962, с. 26-27]. Антропологические материалы подтверждают участие кетского компонента в формировании восточных хантов и датируют процессы смешения периодом со второй половины 1 тыс. н. э. по XVI в. [Дремов, 1967, с. 41; 1973, с. 101-102]. Е.А. Алексеенко полагает, что какая-то часть кетоязычного населения постепенно растворилась в среде селькупов и хантов Ваховско-Васюганского региона [1986, с. 111]. Кетско-хантыйские взаимосвязи выявляются в языке (лексика, этнонимика), хозяйственно-культурном типе (рыболовческо-лесной пласт в хозяйстве кетов), представлениях о мироздании ("речная" модель устройства Вселенной), фольклоре (мифы о разорителе орлиных гнезд у васюганских хантов и кетов) [Алексеенко, с. 106]. О.М. Рындина установила, что формирование васюганско-ваховского варианта криволинейного орнамента на бересте протекало под воздействием кетской орнаментальной традиции [1997, с. 18]. Данных о численности кетского населения в Васюганско-Ваховском Приобье нет, скорее всего оно было немногочисленным и проживало среди более многочисленных селькупских группировок.

По мнению Г.И. Пелих, большую часть Аганско-Васюганского ареала до XVII в. населяли селькупские племена. Бассейн Агана и прилегающей части Оби занимали *соргула*, часть которых после разгрома Пегой Орды продвинулась вверх по Оби, а часть мигрировала на Таз, Турухан и левые притоки Енисея. По Ваху и в Васюганско-Ваховском Приобье жили *сельгула*, впоследствии переселившиеся на Вах и Таз, а Васюганье было территорией расселения *шиешгула* [1981, с. 13-14]. Аборигенами Васюгана считал селькупов и Б.О. Долгих [1960, с. 79]. Оттеснив селькупов к северу, ханты заняли Аганско-Ваховско-

Васюганское Приобье, немногочисленное селькупское население осталось лишь в низовьях Васюгана.

Исторические предания ваховских хантов, слышанные М.Б. Шатиловым и Н.В. Лукиной, свидетельствуют, что в дорусский период бассейн Ваха занимали не селькупы, а лесные ненцы, известные ваховцам под именем *яраган ях*. Селькупов ваховские ханты называют *нёррам ях* ('болотный, тундровый народ') [Лукина, 1972, с. 70]. В ходе войн с яраган ях ханты вытеснили их с Ваха, о чем сохранилось множество легенд [Шатилов, 1931, с. 22-23; Лукина, 1972, с. 83-84]. Упомянутая Г.Ф. Миллером битва ваховских остяков с самоедами, пришедшими с Пура, на притоке Сабуна речке Ярган-юган ('Самоедская речка') была, очевидно, ответным набегом лесных ненцев на победителей [Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера, с. 210]. Фамилия Ярганкины / Ерганкины, встречающаяся в ревизских переписях XIX в. по Ваховской волости, указывает на ассимиляцию лесных ненцев ваховскими хантами. Сказания о ненецких военных рейдах сохранили и васюганские ханты [Лукина, 1972, с. 70].

Судя по археологическим материалам, проникновение угров в Среднее Приобье началось в железном веке из западных районов: с Конды через Нижнее Прииртышье, Демьянку и Салым на Обь, на что указывает большое сходство керамики карымского этапа Нижнеобской культуры (IV - VI вв.) городищ Средней и Нижней Конды, Салыма и Сургутского Приобья [Федорова, Зыков и др., с. 131-133; Могильников, 1995а, с. 25]. В VI - XI вв. продолжился приток в Среднее Приобье угорского (древнехантыйского) населения из Нижнего и Среднего Прииртышья, что привело к постепенному вытеснению самодийцев, предков селькупов и ненцев [Могильников, 1987, с. 202; 1995а, с. 25]. Данные лингвистики свидетельствуют о продвижении угорского населения в Среднее Приобье со стороны Прииртышья и в более поздний период XIII - XIV вв. [Терешкин, с. 321]. Освоение хантами Аганско-Васюганского ареала продолжилось в середине 2 тыс. н. э. и в русский период.

Обобщая имеющиеся в распоряжении материалы, можно предположить, что сначала ханты утвердились на Агане и Тромъегане, затем на Васюгане, позже был освоен бассейн Ваха. Относительно районов исхода хантыйского населения в Аганско-Васюганский ареал имеются следующие сведения. Заселение хантами Васюгана шло с запада, легенду о 9 семьях юганских хантов, бежавших на Васюган от преследования русских казаков записал в конце прошлого века Н.П. Григоровский [1884, с. 37]. Материалами Н.В. Лукиной также подтверждаются переселения юганских хантов в бассейн Васюгана. По мнению исследовательницы, проникновение сюда угорского населения происходило с северо-запада, юго-запада и запада: из районов Большого и Малого Югана, Прииртышья между Тарой и Демьянкой, о чем свидетельствуют легенды васюганских хантов и направление их торговых связей с татарским и русским населением р. Тара. Кроме того, предания говорят о приходе групп населения в верховья Васюгана с верховьев Оби [1972, с. 80 - 81]. Н.В. Лукина привела информацию о том, что переселение хантов на Вах шло с Васюгана через Васюганско-Ваховское Приобье: ваховские ханты связывают свое происхождение с народом, проживающим на р. Еган, под этим названием им известен Васюган [1972, с. 67, 83 - 84]. По данным М.Б. Шатилова, остяки пришли на Вах с берегов Оби незадолго до прихода русских [1931, с. 22-23].

В конце XVI в. в Ваховском Приобье поселилась группа кодских хантов. Князю Игичею Алачеву за участие в разгроме Пегой Орды была пожалована "дальняя" Ваховская волость, куда, по сведениям С.В. Бахрушина, кодские ханты "ходили для звериного промысла" [1955а, с. 118]. Большая часть ясака из нее (с 40 чел.) поступала в Коду, а меньшая (с 17 чел.) - в Сургут, в "государеву казну" [Очерки истории коды, с. 99]. Ряд фамилий хантов Ваховской волости указывает на наличие в ней переселенцев из Коды: в материалах ревизии 1782 г. значатся по две семьи Алачевых, Кындиных (Кондиных), Самаровых; 1858 г. - четыре семьи Алачевых, три семьи Кындиных. Уже в русский период на Аган переселялись казымские ханты.

Есть основания считать, что в состав васюганско-ваховских хантов вошел эвенкийский компонент. Имеются археологические свидетельства о проникновении в Сургутское Приобье тунгусоязычного населения: на большинстве карымских памятников (IV-V вв. н. э.) обнаруживается инородная желобчатая керамика, свидетельствующая о возможности проникновения тунгусоязычных племен [Древний город на Оби, с. 60]. П. Хайду насчитал в восточных диалектах хантыйского языка несколько десятков эвенкийских слов [с.48]. По сообщению Н.В. Лукиной, ваховские ханты называют эвенков *Тампагал ях* и *Кех тампагал ях*, васюганские - *Тункис* [1972, с. 70]. По данным В.А. Туголокова, по верхнему течению Ваха и Васюгану в XVII - начале XX в. среди хантыйского населения кочевали эвенки. В низовьях Васюгана тунгусы издавна властвовали на "Тунгусовом мысу", в начале нашего века в бассейне этой реки было четыре эвенкийских стойбища (20 семей). Васюганские ханты научились у эвенков строить лабазы на одном столбе, от них же к хантам попали шаманские бубны [Туголоков, с. 240, 262].

Заселив территорию Аганско-Васюганского ареала, ханты оказались в неоднородном этническом окружении: селькупов с юга и севера, татар с юго-запада, кетов и эвенков с востока, лесных ненцев с севера, других групп хантов с запада. Взаимоотношения с соседями складывались по-разному. Сведений о этнических связях хантов с татарами практически нет. Лингвисты отмечают, что татарских заимствований в восточнохантыйских диалектах немного - около 40-50 слов [Хайду, с. 48]. По преданиям, отношения васюганско-ваховских хантов с татарами *катань ях*, приходившими со стороны Тары, были враждебными [Лукина, 1972, с. 70]. Сказания о набегах 'северного народа' *ахус ях* составляют значительный пласт в фольклоре тромьеганских и аганских хантов [Лукина, 19906, с. 174-177]. Они приходили на хантыйские земли, стремясь захватить богатства, прежде всего стада оленей. Об этнической идентификации *ахус ях* с нижнеобскими хантами уже говорилось в предыдущей главе. Несмотря на то, что ханты вытеснили селькупов с их земель, сведений о военных противоборствах, насколько можно судить по опубликован-

ным материалам, нет в фольклоре обоих народов. Н.В. Лукина отметила, что взаимоотношения хантов с селькупками были мирными и дружественными [1985, с. 13 - 14]. По свидетельству исследовательницы, васюганско-ваховские ханты хорошо знают и северных, тазовских, и южных, нарымских, селькупов, часто ездят в гости к тазовским селькупкам, охотятся вместе с ними, многие знают селькупский язык [1972, с. 70]. Согласно данным П. Хайду, селькупские языковые заимствования (около двадцати с небольшим) в хантыйском языке ограничиваются ваховским и васюганским диалектами [с. 48].

Проникновение русских в Среднее Приобье началось в конце XVI в. Отношения с ними у ваховско-васюганских хантов были мирные: в легендах рассказывается о дружбе хантыйских богатырей с Ермаком, о их взаимопомощи и взаимовыручке [Лукина, 1972, с. 71]. К сожалению, нет сведений о движении русского народонаселения за XVII - XVIII вв. В середине прошлого века (данные за 1851 г.) на территории Аганско-Васюганского ареала русские проживали в с. Нижнелумпокольском - 20 чел., с. Верхнелумпокольском - 11 чел., с. Ларьятском - 16 чел., с. Ваховском - 37 чел., всего - 84 чел. По данным 1897 г., их насчитывалось 1095 (по Средней Оби в пределах Тобольской губернии), в том числе 195 чел. в "иностранческих" волостях Аганско-Васюганского ареала,

Р

Таким образом, Аганско-Васюганский ареал стал хантыйским в XVII - XVIII вв. Отношения хантов с соседними этническими группами развивались неодинаково: наряду с вытеснением лесных ненцев с их земель в ходе военных столкновений, враждебными стычками с нижнеобскими хантами, татарами шел процесс культурного взаимовлияния с селькупками, кетами, эвенками, а позже и русскими. |

3.

Традиционные хозяйственные занятия и особенности социальной организации аганско-васюганских хантов

По хозяйственно-экономическому быту и культуре хантыйского населения Аганско-Васюганский ареал во многом напоминает Юганско-Пимский, хотя имеет и некоторые отличия. Аганско-васюганские ханты занимались рыболовством и охотой (именно эти отрасли составляли основу их хозяйства), при этом по верхнему течению обских притоков большее значение имел охотничий промысел, по нижнему течению и в бассейне Оби - рыболовный, в среднем течении притоков и рыболовство, неохота были распространены примерно в одинаковой степени. Транспортное оленеводство получило распространение у верхне- и средиеваховских, тромъеганских, аганских хантов; васюганские, обские и нижневаховские разводили лошадей, коров и овец/Сбор лесных ягод и кедровых орехов повсеместно имел подсобное значение. Весенне-летний период ваховские ханты жили в пойме Ваха, аганские - Агана, тромъеганские - по притокам у небольших речек; зиму все проводили в сосновых борах, где достаточно корма для оленей [Дунин-Горкавич, т. 2, с. 40, 71, 81]; Экономическим центром ваховского края было с. Ларьятское, где ежегодно проходили летние и весенние ярмарки (в мае-июне и декабре, на которых "инородцы" продавали добытые пушнину, рыбу, орех); васюганские ханты исторически тяготели к Нарыму, а аганские и тромъеганские - к Сургуту.

Н.А. Абрамов, описывая природу ареала, отмечал, что "эта полоса земли большею частью покрыта лесами, в которых водятся в немалом количестве лисицы, соболи, выдры, медведи, горностаи и белки. Присовокупляю, что все звери, добываемые в лесах Сургутского отделения, предпочитают другим в Березовском крае как по величине своей, так и пушности шерсти и цвету оси..." "Ваховские белки" по величине и пушности ценятся выше других. ...В пойме Оби есть луговые места для сенокосу" [1993, с. 48-49].

^Основными объектами пушного промысла аганских и тромъеганских хантов в XIX в. были белка, лисица, выдра^васюганско-ваховские помимо перечисленных животных добывали соболя (особенно в больших количествах на Васюгане), росомаху,[^] колонка, горностая, зайца. При охоте на пушных животных преобладали пассивные способы лова: на них устанавливали черга ны (горностай, белка, колонок), слопцы (лисица, заяц), петли (заяц), настораживали луки (лисица, выдра, росомаху); широко была распространена добыча пушных зверей луком со стрелами и ружьями. На Тромъегане весной вынимали из гнезд маленьких лисят и выкармливали их.

С целью обеспечения мясной пищей охотились на лося, дикого оленя и медведя; большое значение имел промысел водоплавающей (утки, гуси, лебеди) и лесной (тетерева, глухари, рябчики) птицы. Лосей добывали посредством засек из жердей, в которых настораживали луки-самострелы или выкапывали ямы в проходе изгороди; в летний период лосей били у мест водопоя; весной гоняли по насту. Медведя чаще всего добывали зимой в берлоге, на него устраивали также ловушки (слопцы, кулемы, петли). На глухарей ставили слопцы; куропаток, рябчиков и глухарей ловили петлями; водоплавающую дичь били из ружей.

В XVIII в., по сообщению Г.Ф. Миллера, аганские, ваховские и обские остяки для охоты на боровую дичь ходили в бассейн рек Пур и Колек [Сибирь XVIII вв. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера, с. 208, 209]. Васюганцы нередко промышляли зверя по Демьянке. А.А. Дунин-Горкавич отметил, что большой урон Ваховскому краю нанесли лесные пожары 1860-х гг.: выгорело много лесов и ягеля, в результате уменьшилось поголовье животных и сократился охотничий промысел аборигенов. После пожаров произошли изменения в объектах промысла - практически единственным видом промыслового животного стала белка; отсутствие зверя вблизи селений вынудило ваховцев вести охоту на более отдаленных территориях [т. 2, с. 58-59].

Традиционными объектами рыбного промысла аганско-васюганских хантов были язь, елец, щука, ерш, окунь, плотва, налим, нельма. На Вахе товарное значение имела добыча язя,

нельмы и шуки, остальные виды рыбы шли на удовлетворение собственных потребностей. Тромъеганцы продавали мороженую рыбу, а ваховцы и аганцы - сушеную (преимущественно язя). В конце прошлого столетия, по данным А.А. Дунина-Горкавича, из бассейна Ваха вывозилось около 1000 пудов сушеной рыбы [т. 2, с. 39, 82].

Цзесной, по большой воде, аганцы и тромъеганцы рыбачили у берегов и по заводям^юг^дами_и ставными сетями; раховцы промышляли в сорах, на протоках и озерах сетями и при помощи частичных заграждений ловушками (мордами и котцами). По мере ухода воды облавливали речки, ручьи, сора неводами; перегораживали устья соров запорами из дранок или мережи. Рыбу в это время ловили только для собственных нужд. Товарный промысел начинался летом, когда неводили по пескам, заводям и ручьям. Самым "изобильным" в варовую пору считался песок "Неулисей" в низовьях Агана, к которому съезжались все аганские ханты и из трех селений с Тромъегана. А.А. Дунин-Ч Горкавич обратил внимание на распространение в ваховском крае малых неводов размером в 30 сажений (около 60 м), реже встречали невода в 50 сажений (около 100 м); у обских бытовали невода длиной 150 - 200 м [т. 2, с. 42]. Зимой рыбачили в ручьях малыми неводами, мордами в озерах и у живунов, строили запоры по речкам и ручьям, ставили ловушки у живунов [там же, с. 40-42]!

(^Оленеводство аганских, тромъеганских и ваховских хантов относится к таежному типу/ Для которого характерно наличие небольших стад, вольный выпас в осенне-зимний период с использованием колодок, строительство дымокуров и специальных построек летом. В среднем на одну семью в конце прошлого века у тромъеганцев приходилось около 16, у аганцев - около 10 оленей; у ваховцев обеспеченность оленями была гораздо выше - около 54 на семью [Дунин-Горкавич, т. 2, с. 45, 72, 81]. Повидимому, наращивание поголовья домашних оленей у ваховских хантов происходило во второй половине прошлого века и было вызвано, по словам А.А. Дунина-Горкавича, лесными пожарами, пагубно сказавшимися на охотничьем промысле местного насе-

ления и стимулировавшими развитие оленеводства [т. 2, с. 58-59]. В зимнее время олени паслись в сосновых борах в непосредственной близости от юрт. Летом животные находились на свободном выпасе, только в комариное время (июнь - июль) животных держали в специально построенных оленьих избах под наблюдением пастухов.

\ Лошадей, коров и овец содержали в хозяйствах по Оби и нижнему течению Ваха. По данным А.А. Дунина-Горкавича, в 323 хозяйствах обских хантов в 1897-1898 гг. имелось 1135 голов лошадей (в среднем 3,5 на хозяйство), 505 коров (в среднем 1,6 на хозяйство) и 10 овец (все в с. Н. Лумпокольское); у ваховских хантов в 1902 г. в 13 селениях у 73 хозяев было 106 лошадей (в среднем 1,5 на хозяйство) [Дунин-Горкавич, т. 2, прилож., с. 6, 13-15].

[Товарное значение в Аганско-Васюганском крае имел промысел кедрового ореха. Осенние шишки сбивали специальным колотом, а весной собирали на земле. В конце прошлого века в благоприятные годы ваховские ханты собирали до 2,5 тыс. пудов орехов [Дунин-Горкавич, т. 2, с. 44]. Сбор ягод (морозики, брусники, голубики, а на Васюгане черемухи и смородины) производился преимущественно для удовлетворения собственных потребностей, обские и васюганские ханты заготавливали на продажу бруснику.

В социальной организации хантов Аганско-Васюганского ареала прослеживаются различия между аганско-тромъеганской и васюганско-ваховской группировками. У жителей рек Аган и Тромъеган, также как и у юганско-пимских хантов, фиксируется деление на нелокализованные экзогамные группы *сир*, которые выполняли брачно-регулирующую и религиозно-культурную функции: *Пуни сир* ('Медведя род'), *Мах сир* ('Бобра род'), *Курьин сир* ('Лося род'). У васюганско-ваховских хантов обнаруживаются территориально-локализованные объединения *ях* - 'народ', характеризующиеся такими признаками, как особое назва-

ние, определенный фамильный состав, общая территория, экзогамия, поклонение общему духу и наличие общего культового места [Лукина, Кулемзин, с. 235)]. У васюганских хантов Н.В. Лукиной и В.М. Кулемзиным зафиксированы группы: *онкул ях* 'серный народ', *колэн ях* 'еловый народ', *кулун игол ях* 'рыбной реки народ'; у обских (александровских): *нум ехэн ях* 'верхней реки народ', *ыл ехэн ях* 'нижней реки народ', *пар ехэн ях* 'соровой реки народ'; у ваховских: *пар ях* 'сора народ', *ват ях* 'города народ', *тым ях* 'Тумы народ' [с. 192].

Основной хозяйственной ячейкой у аганско-васюганских хантов была семья. Семьи, судя по данным ревизских переписей конца XVIII - XIX вв., были как малыми, так и большими неразделенными. В хозяйственно-экономической и соционормативной деятельности значима была роль генеалогических связей. Однофамильцы считались представителями одного рода. В.М. Кулемзин и Н.В. Лукина отметили значимость для васюганско-ваховских хантов объединений *пуч / поч* (на русский язык этот термин переводится как "порода"), основным признаком которых была принадлежность к одной фамилии. Известно и разделение одной фамилии на две "породы". Представители одного *пуч* считались произошедшими от одного предка, им приписывалось общее культовое место [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 191, 192].

Преобладали самоназвания по наименованию рек и родовые. Деление на группы *Пор ях* и *Мось ях* не фиксируется, хотя широко бытуют представления о враждебной к людям шестипалой *Пырнэ* (у обской группы это существо мужского рода), которую ханты по-русски называют ведьмой [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 128].

4.

Особенности традиционной культуры хантов Аганско-Васюганского ареала

Для Аганско-Васюганского ареала типична дисперсная система расселения: по среднему и верхнему течениям притоков

преобладали селения из 1- 3 родственных семей, по нижнему течению чаще встречались поселки, насчитывавшие до десятка хозяйств; располагались они на значительном расстоянии друг от друга, иногда более 100 км. Существовало два основных сезонных поселения: зимнее, располагавшееся в глубине бора, где имелось достаточно корма для домашних оленей, и летнее - непосредственно на берегу водоема. Кроме этих основных селений часто имелись весенние и осенние.

/Традиционные жилища аганско-васюганских хантов подразделяются на две большие группы: срубные и каркасные. Их подробное описание дано Н.В. Лукиной [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 74-83; Очерки кулыгурогенеза народов Западной Сибири, с. 32-89]. На всей территории ареала бытовали зимние и летние наземные срубные избы с земляным полом и двускатной крышей на слегах, поверх которых настилались дранками берестяные тиски, а затем накладывались жерди жилищаи. У васюганско-ваховских хантов встречались срубные полуземлянки, на Васюгане отмечались срубы со свесом крыши. Дверь в жилище была низкая, высотой до 1 м, освещалось оно небольшим окном. Обычно к жилищу пристраивали рубленые сени с односкатной крышей, встречались и дощатые сени.

[^Каркасные постройки аганско-васюганских хантов отличались разнообразием форм и конструкций. Повсеместно встречались летние берестяные жилища с односкатной крышей, четырехугольные в плане.] Были распространены и двускатные берестяные постройки с каркасом из 6-10 столбов, также четырехугольной формы. На местах промыслов широко бытовали двускатные корьевые постройки из жердей. В Васюганско-Ваховском субрайоне отмечается примитивное полусферическое жилище из прутьев; на Вахе строили четырехугольные жилища с конической крышей. Бытование полуконических и полусферических жилищ отличает васюганско-ваховских хантов от других групп и сближает их с кетами и селькупамии. У этих групп отмечается также наибольшее разнообразие шатровых построек [Соколова, 1963, с. 187; Кулемзин, Лукина, 1977, с. 82]. По правобережным прито-

кам Средней Оби (Агану, Тромъегану, Ваху) получил распространение чум.

'Зимние дома отапливались чувалом, летние - костром. Внутри дома вдоль противоположной от входа и одной из боковых стен устраивали нары высотой около 70 см. На Вахе в срубных жилищах нары не делали. Домашние вещи хранились на полках, располагавшихся над нарами.

Для хранения одежды, утвари, продуктов и других вещей использовались амбары: Широко были распространены срубные с двускатной крышей на слегах, часто - со свесом крыши над входом. Обычно их устанавливали на столбах-стойках (от одного до восьми) высотой 1-2 м. У васюганских хантов широко бытовали амбары, установленные на настил из бревен.

.Ваховские, аганские и тромъеганские ханты на летних пастбищах сооружали "оленьи дома" - срубные избы с берестяной двускатной крышей, без дверей, с широким входом. Обские и васюганские ханты для домашнего скота строили бревенчатый хлев с плоской крышей из жердей. Бытовали загоны для лошадей из жердей или тонких бревен на столбах с плоской крышей, на которой зимой хранили сено.

/Водным средством передвижения служили лодки;. Широко использовались долбленки. Обские долбленки были несколько шире, нос и корма у них почти не выдавались над бортами; васюганско-ваховские имели острые водорезы и низкие борта с приподнятой кормой и носом. Для переездов на большие расстояния служили дощатые лодки, иногда с дощатым или каркасно-берестяным покрытием [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 51, 53].^

{ Зимой передвигались на лыжах - подволоках и голицах. Для аганских тромъеганских, васюганских хантов характерны лыжи с равномерной шириной основы, с острыми или округло-заостренными носком и задником. На Вахе использовались и более длинные лыжи, расширяющиеся у носка с округлым приподнятым носком и удлинненным заостренным задником [[Кулемзин, Лукина, 1977, с. 56, 57; Лукина, 1985, С. 21].

// Мужские рубахи ваховских, аганских и тромъеганских хантов были туникообразные, расширявшиеся книзу, с нагрудным

разрезом, узким воротником-стойкой, рукава с обшлагами вшивались в прямую пройму [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 84; Лукина, 1985, с. 38]. М.Б. Шатилов упоминал о ваховских мужских рубашках с широким отложным воротником, у которых обшлага, ворот, разрез на груди и ластовицы были из ткани контрастного цвета [с. 68]. Васюганские мужчины носили прямые рубашки с разрезом на груди, завязками у шеи, отложным воротником из ткани другого цвета и большим количеством складок у ворота [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 84].

Поверх рубашки васюганские мужчины носили распашную одежду из грубого холста. По данным Г. Садовникова и М.Б. Шатилова, ваховские мужчины носили короткую суконную распашную одежду [Садовников, 1911, с. 5; Шатилов, с. 68], бытовала здесь и длинная распашная одежда с отложным воротником из покупной материи, украшенная оторочкой из меха или цветной материи по воротнику, рукавам и правой доле [Шатилов, с. 68].

Зимой обские и васюганские мужчины носили шубы, покрытые тканью, сшитые из шкур зайца, белки, беличьих лап. При сильных морозах васюганцы надевали оленьи шубы, сшитые мехом наружу. Ваховские мужчины носили зимой одежду глухого покроя: малицу и кумыш. Малицу и кумыш шили из оленьих шкур: малицу мехом внутрь, а кумыш - мехом наружу. Иногда на Вахе малицы делали из собачьих шкур, они считались теплее и ценились выше оленьих. В холодное время при поездках на оленях кумыш надевали поверх малицы [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 86, 87].

Мужской поясной одеждой были штаны: у ваховских, аганских и тромъеганских хантов узкие, у васюганских - широкие с ромбовидным клином между штанинами из грубой шерстяной ткани.

Женские рубашки-платья обских и васюганских хантов были прямого покроя с небольшим воротником-стойкой, со сборками у ворота, рукава пришивались перпендикулярно к стану. Такие рубашки украшались нашивками из ткани другого цвета поперек или вдоль плеч и на рукавах у плеч, к подолу пришивались поло-

сы (от двух до пяти). Тромъеганские женщины пришивали к подолу широкую оборку [Лукина, 1985, с.38]. На Васюгане встречались прямые женские рубахи на двойной кокетке со сборками на спине и груди; линии кокетки украшались контрастной по цвету полоской ткани, бисером, мелкими пуговицами. По низу подола нашивали две-три полосы из контрастной ткани; нагрудные разрез застегивался на пуговицу у ворота. Ваховская рубаха-платье была прямого покроя, туникообразная, с невысоким воротником-стойкой, нагрудным разрезом, окаймленным красным сукном с нашитыми на нем пуговицами и бисером; на спине вдоль стана пришивались клинья. Рукава представляли собой прямоугольные полотнища и пришивались перпендикулярно стану. На Вахе встречались также платья приталенного покроя со значительным расширением к подолу и пришитой к стану широкой оборкой [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 94].

Поверх платья в теплое время года васюганские женщины надевали кафтан из сукна или плюша без застежек и завязок, который запахивался налево и подпоясывался. Кафтан оригинально украшали прямоугольным или овальным куском ткани, расшитым бисером, мелкими пуговицами, металлическими бляшками, который пришивали на правую или левую полу на уровне груди - *парыхлавис* [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 97; Рындина, с. 54]. Ваховские, аганские и Тромъеганские женщины летом поверх платья надевали халат - *сак*, украшавшийся нашитыми полосками по вороту, обшлагам, подолу и борту правой полы.

В качестве зимней верхней одежды васюганско-ваховские женщины носили длинные шубы из сборного меха с отложными воротниками. Мех для шубы сшивали из беличьих или лисьих лапок, ушей зайцев, белки, горностая; подкладку иногда делали из лебяжьих шкурок. Шубы покрывали сукном или грубой тканью; воротники шили из лап лисы, беличьих хвостов или другого меха. Вдоль правой, а иногда и левой, полы, по подолу и на обшлагах нашивались полоски составного меха, аппликации из ткани, бисер, бусы или мелкие пуговицы; имели шубы и *парыхлавис*. На Вахе, Агане, Тромъегане преобладающим видом зимней одежды были двусторонние шубы из оленьих шкур. В каче-

стве украшения на плечи, вдоль пол и по подолу нашивали полосы яркого сукна, в швы вшивали узкие кантики или зубчатые полоски цветного сукна. Своеобразным украшением женских шуб являются "эполеты" - полоски сукна, пришитые на плечо со свисающим раздвоенным концом. Н.В. Лукина объясняет эту деталь заимствованием у самодоязычных народов [1985, с. 179]. Встречались у ваковских женщин шубы из оленьих шкур, покрытые тканью [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 97-99].

Летняя мужская и женская обувь - *нир*, она состоит из кожаной подошвы, кожаной головки и голенищ из ровдуги или грубого сукна, иногда брезента. Зимой носили кисы из камусов, украшенные узкими полосками сукна. Использовали зимой и комбинированную обувь из камусов, кожи и грубошерстных тканей [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 89, 99].

Мужчины повязывали голову платком во все времена года, либо носили его на шее; ваховские мужчины носили зимой и большие шали. На Васюгане промысловым головным убором была шапка, сшитая из домотканого холста: круглая с тульей и широким околышем-отворотом. У ваховских мужчин зимним головным убором являлся капюшен малицы. Единственным видом женских головных уборов были платки, зимой носили два-три платка. Повязывали платки разными способами: складывали углом вдвое и завязывали под подбородком; развернутым набрасывали на голову и шею и подвязывали двумя углами под подбородком; сложенный углом платок завязывали на затылке, ближе к левому или правому уху, сильно закрывая лоб [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 90, 92, 100, 101].

По данным О.М. Рындиной, среди других групп восточные ханты выделяются обилием берестяной утвари с выскобленными узорами [Рындина, с. 94)]. Особенно много изделий из бересты использовалось в быту хантами Аганско-Васюганского ареала: коробки и сосуды разных размеров цилиндрические, подпрямоугольные по форме. Бытовали и корневатики из кедрового корня. Широкое распространение имели различные мешочки и сумочки из рыбьей кожи, шкурок зверей и птиц, тканей, служившие для хранения одежды, швейных принадлежностей, сухих продуктов и

т.д. Н.В. Лукина отметила, что особенностью васюганско-ваховских хантов является широкое применение ткани в изготовлении некоторых видов утвари, богатая орнаментация берестяной посуды, а также отсутствие строгой дифференциации дневных и ночных колыбелей. У васюганцев большее значение, по сравнению с ваховцами, имела деревянная утварь, а ваховцы использовали виды мягкой утвари, заимствованные у северных соседей [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 112].

Пищу васюганско-аганские ханты варили в медных котлах, посуда применялась преимущественно деревянная. В пищевом рационе своеобразие выявляется у васюганских хантов: преобладанием среди мясной пищи лосятины и приготовлением блюд из молотого ячменя, а также широким потреблением черемухи [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 113].

В религиозных представлениях хантыйского населения Аганско-Васюганского ареала обнаруживается много общих черт с пимско-юганской группой хантов. Хотя, по имеющимся в моем распоряжении материалам, здесь не обнаруживается дополнительного деления мироздания на семь ярусов, за исключением васюганских хантов, у которых, по данным К.Ф. Карьялайнена, Небо и Нижний мир имеют по семь этажей. На самом верхнем Небе живет верховный бог *Нум Торум*, на шести других обитают 'Помощники небесного бога' *Торум карэвэле* или *Торум талтас*, каждому из которых предназначаются определенные жертвы: стрела, одежда, шкурка соболя, оловянная чашка, рога дикого оленя, шкурка куницы. По мнению исследователя, институт *карэвэле* заимствован остяками от татар [Карьялайнен, 1995, с. 225, 226]. "Нижние семь этажей кожистой земли, волосатой земли" также населены различными духами [там же, с. 246]. У васюганских хантов К.Ф. Карьялайнен зафиксировал представления о Нижнем мире, отличающемся от Мира мертвых. Через Нижний мир течет "душеводная река", в устье которой на страже стоят два

журавля - "старик и старуха". Река впадает в "черноводное море духов", на одном берегу которого находится "город орлоногого народа", а на другом - жилище главы Нижнего мира *Ях вэнтэ йюнк* ('Забирающий / убивающий / пожирающий людей дух'). Духи Нижнего мира насылают на людей светлой земли смерть и болезни [там же, с. 245-246].

Верховным небесным богом и демиургом считается *Торум*. Васюганцы почитали также духа *Торум йюнк* - создателя лося, оленя, куницы и рябчика, ведающего здоровьем и счастьем человека [Карьялайнен, 1995, с. 225; Кулемзин, Лукина, 1977, с. 138]. Антиподом *Торума* выступает *Кын лунг*, которого на Вахе называли также *Атэм лунг* ('Злой дух') или *Кэллои Торум* ('Мертвых бог'), а на Васюгане - *Кали Торум* ('Мертвых бог'), *Мый йюнк* ('Подземный дух'), *Кинэн йюнк* ('Людей поедающий дух') [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 135]. По верованиям хантов, *Кын лунг* живет в Нижнем мире, считается главным среди духов болезней. У васюганско-ваховских хантов 'Нижний дух' *Ыл лунг* выступал как поборник добра, покровитель детей, давший людям первый огонь; жертвы ему приносились в тех же местах, где и *Торуму* [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 138].

'Земля-старуха' *Мый ими* представляется в облике старой женщины, предупреждающей болезни, ей приносили в жертву семь котлов, которые закапывали в землю. Считается, что эти котлы перекрывают путь болезням из Нижнего мира [Карьялайнен, 1995, с. 233-235; Кулемзин, Лукина, 1977, с. 138]. У тромъеганских хантов бытовали представления о 'Земле-матери' *Мый анки* - личном духе, живущем в земле, жертвы которой приносили недалеко от деревни или от жилища, иногда ей жертвовали котел [Карьялайнен, 1995. с. 233].

Богиней жизнеподательницей, от которой зависит здоровье будущего поколения, у аганско-васюганских хантов выступает *Анки Пуус* (она же *Пуус Анки*, *Пуус лунк*, *Пуус Сунк*). Васюганско-ваховские ханты считали ее матерью огня [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 137]. На Вахе полагали, что богиня обитает в стороне восходящего солнца, где "выкачивает" маленьких детей и посылает их на землю; она рассматривалась как божество Верхнего

и почиталась как мать Торума [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 137, 150]. По сообщению К.Ф. Карьялайнена, васюганцы считали *Анки Пуус* дочерью *Торума* и особенно важным небесным духом, дающей новорожденному ребенку душу *ильт*, за что ее называли "творящая людей *Пуус*". Богине дарили пегую лошадь, которую не убивали; она содержалась дарителем, в амбарчике для Пуус вывешивали пестрый платок [Карьялайнен, 1995, с. 226-227]. На Тромъегане, судя по сообщению К.Ф. Карьялайнена, не знали точных функций, местопребывания и сущности этой богини [1995, с. 227].

В верованиях васюганцев важное место занимают два лесных духа *Вонт юнк*. Один из них живет в свисающем с неба городе между небом и землей, а другой - на земле. Их изображения изготовлялись из светлого дерева и одевались в белые одежды. Считается, что от расположения этих духов зависит охотничье счастье, особенно добыча соболей, лис и росомах [Карьялайнен, 1995, с. 173]. Количество находящейся в лесу и добываемой дичи регулируют лесные духи рангом ниже, обитающие на каждом участке леса. Лесные духи могли приобретать облики различных зверей и птиц. Так, на Вахе распространены представления о крылатом духе *Тоулон вайя лунг* и духе в облике совы *Пуос лунг* [Шатилов, с. 101; Кулемзин, Лукина, 1977, с. 127].

В представлениях васюганских хантов особое место отводилось лосю - символу благополучия и богатства, добыча которого зависела не от лесного духа, а от расположения самого лося. Васюганцы рассматривали выслеживание и преследование животного как игру в подобие шахмат *топис*. Ежегодно они проводили лосиный праздник, по одним сведениям, после вскрытия рек, по другим, в начале лета [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 166-167]. У остальных хантов описываемого ареала широко был распространен культ медведя. По случаю добычи этого животного устраивали медвежий праздник, длившийся три ночи. Васюганские ханты считали, что медведь рожден духом земли *Мэх йюнк* [Лукина, 1990а, с. 180]. Описание медвежьего праздника у аганских хантов приведено Р.П. Митусовой, у ваховских - М.Б. Шатиловым [Митусова, с. 11-14; Шатилов, с. 74]. Из особенностей медвежьих

плясок в ареале можно отметить то, что разыгрывалось меньше сцен, исполнительницами песен были женщины, один из участников изображал медведя, набрасывая на себя шкуру с неотделенной головой, а присутствующие боролись с ним [Лукина, 1990а, с. 185, 186]. По мнению Н.В. Лукиной, такие "превращения" в медведя у восточных хантов сходны с традициями кетов и отличаются от угорской маскировки во время комических сцен праздника у более западных групп. Аналогию с кетскими формами имеет и отмеченное Р.П. Митусовой сооружение по бокам медведя из планок, напоминающее стенки, а также гадание на частях тела медведя и представление о превращении в медведя того или иного родственника [там же, с. 185]

Повсеместно на территории Аганско-Васюганского ареала бытовали представления о водном старике *Йент юнк*, или *Йинк лунг*, который мог принимать облик обитателей воды. Его почитали как хозяина рыб, от которого зависели улов и благополучное передвижение по воде. Местонахождением водного духа считались устья рек, глубокие омуты, речные перекаты [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 129]. Ваховцы полагали, что от *Йинк лунг* зависит благополучное продвижение рыб по воде, во время весеннего половодья он загоняет рыбу из Оби в Вах, регулирует количество рыбы и отпускает часть ее людям. Удачу в рыбном промысле ваховцы объясняли исключительно отношением к ним этого духа, считавшегося главным на Вахе, поэтому каждый раз перед началом лова ему приносили жертву. По представлениям васюганцев, рыбный улов зависит от водяного духа *Кул йюнг*, для защиты от опасности на воде жертвы приносили *Йент йюнк* [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 129].

О локальных духах аганско-васюганских хантов сведений не много. К.Ф. Карьялайнен упоминал о ваховской "Святой божьей матери", "Матери сыновей бога" *Вайнэй ими*, Аганском старике, Тромъганском старике гор, Старике укрепления с берегов Оби, Сыне старика Торума, Старике рыбных путей с Верхней Оби, Старике середины Оби в с. Пирчино, Духе-хозяине рыб из с. Калым, Старухе-самоедке в с. Верхне-Лумпокольское, Старике-змее в с. Пехов, Старике-вороне в с. Памнино, Старике *Рарэх* в

с, Пирчино; васюганские ханты поклонялись Горному старику (с. Васюган), Островному старику (с. Айполово), Маленькому старику р. Черталы, Островной старухе р. Кулан, Каменному старику в чешуйчатой одежде (с. Тейково) [1995, с. 154-156]. У васюганско-ваховских хантов духами-хозяевами территорий считались камни и деревья [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 132]. Более подробных сведений об этих божествах в литературе не имеется.

Домашние духи представлялись хантам человекоподобными. Васюганцы и обские ханты изготавливали их изображения из дерева, реже из металла, иногда это были камни, напоминающие по форме человека: ваховцы вообще не делали изображения семейных духов [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 129]. По данным М.Б. Шатилова, ваковские ханты приносили в жертву домашнему духу куски ткани, бисер, шкурки животных, которые вывешивались на жердь близ жилища [с. 109]. На Оби и Васюгане широкое распространение имел обычай "кормления" домашних духов. На Васюгане обряд проводил идущий на охоту перед промыслом, а обские ханты ограничивались предварительным смазыванием изображений духов рыбьим жиром, а угощение делали только после удачной добычи [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 165].

Семейные обряды ваховско-васюганских хантов описаны в литературе, поэтому мы отметим только наиболее специфические черты у этих групп.

Рождение детей, по представлениям хантов ареала, зависело от воли *Анки Пуус*, во время беременности ей дарили красный платок (по другим сведениям, три цветных платка), чтобы будущий ребенок родился здоровым. Под покровительством богини малыш находился до рождения и в первые семь-десять дней после появления на свет [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 150]. Помогать при родах приглашали повивальную бабку *пуулун ни / пуулун анка сэм*. Роды протекали либо внутри жилища у входа, либо снаружи у костра. Мужчины вместе с детьми уходили в другой

дом; у ваховских хантов при родах присутствовал человек, игравший на музыкальном инструменте [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 209]. Послед повитуха помещала в берестяную емкость, уносила в лес и подвешивала на дереве. Васюганские ханты закапывали послед в землю, завернув в белую тряпочку [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 211], что, вероятно, связано с русским влиянием. После обрезания пуповины устраивали угощение, на которое приходили родственники и женщины из ближайших селений. Васюганские ханты в честь новорожденного поддерживали в течение недели огонь и вешали на дерево игольник [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 211]. До отпадения пуповины ребенок считался нечистым, его заворачивали в старые тряпки и держали в берестяной колыбели. Отпавшую пуповину ваховские хантыйки помещали в расшитый бисером мешочек и привязывали к колыбели, а васюганские клали в берестяную коробку и подвешивали к ели или сосне, рядом для мальчика подвешивали миниатюрные лук и стрелы.

\> Как и в других районах, браки у аганско-васюганских хантов заключались через сватовство или убегом. В прошлом существовало многоженство [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 205]. Брачным возрастом для юноши считался 16-18-летний рубеж, для девушки ^*Ч 3-14-летний. В.М. Кулемзин и Н.В. Лукина указывали на традицию васюганско-ваховских хантов просватывать малолетних детей, которые жили в своих семьях до наступления брачного возраста. Нередки были браки с большой разницей в возрасте супругов [1977, с. 200]. Свадебный обряд аганско-васюганских хантов в общих чертах совпадает с юганско-пимскими, различия обнаруживаются в ряде деталей. В обряде сватовства принимали участие родители жениха со сватом *ур ку*, которым мог быть родственник или просто знакомый. В некоторых случаях сватать отправлялся сам жених. Обязательными атрибутами свата были посох из черемухового дерева и платок. У обских групп в случае согласия на брак родители невесты оставляли платок у себя. Свааты привозили с собой вино и подарки, они останавливались у посторонних, сват один заходил в дом невесты. Родители девушки встречали визитера молча, только при третьем заходе свата

отец невесты принимал угощение, что означало согласие на ведение переговоров. В случае отказа сватовство не возобновляли, а при согласии жених посылал через свата подарки для родителей невесты. Во время последующих переговоров договаривались о калыме (*тан*). По словам М.Б. Шатилова, у ваховских хантов окончательная сделка происходила на 16-м визите сватов [с. 95]. Невеста в процессе сватовства не участвовала, уходила в другой дом.

После соглашения о размере калыма жених приходил к невесте, которая ожидала жениха в специально установленном по этому поводу положе, где они сидели спиной друг к другу [Шатилов, с. 95]. По данным В. М. Кулемзина и Н.В. Лукиной, жениха и невесту соединяли: посадив на постель, их накрывали платком и поили чаем из одного блюдца [1977, с. 202]. С этого момента девушка начинала закрывать лицо в присутствии старших родственников-мужчин.

Свадебный пир проходил сначала у невесты в течение трех дней, угощение шло со стороны жениха. Несколько дней (иногда этот срок растягивался на полгода) жених проводил в доме невесты, работал на правах члена семьи. Отъезд невесты с приданным в дом жениха определялся во время сватовства. Приданое включало одежду, обувь, полог, берестяную коробку для посуды, иногда домашних животных. Невесту выводили из дома родители, сажали на нарту или лодку, куда помещали и приданое. Нарту (лодку) невесты привязывали к нарте (лодке) жениха, ее задерживали женщины из селения специальными березовыми крюками, от которых жених откупался деньгами или мелкими вещами.

По приезде невесту заводила в дом хозяйка, предварительно дважды (по другим сведениям, трижды) обведя вокруг дома либо внутри; на Васюгане невеста должна была встать на брошенный на пол игольник; на Вахе приобщение к новому жилищу совершалось женой свата. С этого момента молодые назывались мужем и женой. В доме жениха устраивалось угощение.

При браке похищением калым не выплачивался. Исследователи склонны считать, что к браку убогом прибегали бедняки, не

имевшие возможности заплатить выкуп за невесту [Шатилов, с. 93; Кулемзин, Лукина, 1977, с. 205].

Смерть, по представлениям аганско-васюганских хантов, наступает после того, как истек отведенный человеку срок жизни, причиной смерти могло быть вселение злого духа или похищение души - жизненной силы. Умершего клали на пол, иногда на скамью (Васюган) головой к порогу либо на коврик из бересты (Васюган), либо на сено (Тромъеган), либо на оленью шкуру (Тромъеган) [Карьялайнен, 1994, с. 76, 78, 83]. По данным К.Ф. Карьялайнена, тромъеганские ханты умершего не обмывали, у других групп мужчины обмывали мужчину, а женщины - женщину. Повсеместно покойнику тщательно причесывали волосы, голову закрывали куском сукна или обработанной оленьей шкурой ворсом внутрь, на месте глаз, носа и рта прикрепляли серебряные или медные монеты, либо медные пуговицы; васюганские ханты накрывали лицо покойника платком [1994, с. 76, 77]. На Тромъегане с одежды умершего спарывали бусы и бисер, вместо стелек в обувь клали паклю; на Васюгане рубаху покойника разрезали спереди, у шубы обрезали уголки пол, от пояса, обуви и рукавиц срезали маленькие кусочки, все узлы на одежде завязывали специальным "узлом мертвых". Тромъеганские ханты труп мужчины обвязывали веревкой в пяти местах, женщины - в четырех; ваховцы руки и ноги покойного связывали "узлом мертвых" [Карьялайнен, 1994, с. 77, 82].

Васюганские ханты делали надрезы на концах брюк и рукавов умершего, по которым он якобы узнавал о наступлении смерти [Кулемзин, Лукина. 1977, с. 158]. Ваховские ханты стремились схоронить покойника как можно скорее после изготовления гроба-колоды [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 159]. По мнению В.М. Кулемзина, самые древние формы гроба сохранились у васюганских хантов, которые хоронили в распиленной поперек и сложенной вдвое долбленной лодке или долбленной колоде. Умершего зашивали в оленью шкуру *камн*, название которой было позднее перенесено на гроб [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 159]. Повсеместно использовались дощатые гробы; на Вахе встречались гробы-колоды. Известны захоронения в коробах, сшитых из

двух слоев бересты. Тромъеганские ханты для защиты от посланника *Кын лунка* клали на последнее ложе умершего кусок кремня или оселок, а на косяки внутри жилища - стружок и сверло [Карьялайнен, 1994, с. 98]. Перед выносом проводили обряд гадания, неоднократно поднимая и опуская гроб, для выяснения того, своевременно или преждевременно умер человек [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 160].

К месту захоронения гроб с телом умершего отвозили зимой на нарте, а летом на лодке. Могилу копали по приезду на кладбище, ее глубина была небольшой - до подмышек погребенному, ориентация - головой на восток. Гроб обертывали и накрывали берестой, опускали в могилу и закидывали землей. Над могильным холмом, у головы погребенного, ставили сосновую палку, а позднее крест. На могиле оставляли одежду, орудия труда, средства передвижения, утварь. Сопроводительный инвентарь портили [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 161]. Поскольку считалось, что умерший нуждается в ездовом животном, при похоронах забивали оленя или лошадь. Над могилой устраивали "домик" *кат сурам кэсы* ('дом мертвого человека') из досок, на Вахе встречались и срубные надмогильные сооружения. Судя по описаниям, надмогильные сооружения, в отличие от более западных районов, были без "окошек" [Карьялайнен, 1994, с. 88; Кулемзин, Лукина, 1977, с. 162]. При уходе с кладбища каждый должен был положить позади себя поперек следа прутик, чтобы не увести с собой душу умершего [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 162]. Обычай изготовления куклы - "вместилища" души покойного - в Аганско-Васюганском ареале не зафиксирован никем из исследователей.

Проведенное в главе исследование позволяет высказать следующие общие положения. К приходу русских Аганско-Васюганский ареал был весьма слабо освоен хантами. Ханты пришли в этот регион позже кетов и самодийцев (лесных ненцев и селькупов), их продвижение заняло довольно продолжительный период времени - с первых веков н. э. по XVII в. Исходной терри-

торией миграций групп хантыйского населения явились расположенные западнее районы Нижнего Прииртышья. В результате хантыйско-самодийских контактов часть селькупов и лесных ненцев ушла на Пур и Таз, благодаря чему бассейны Агана, Тромъегана, Васюгана, Ваха и прилегающей части Оби оказались довольно плотно заселенными хантами. В XVII - начале XVIII в. значительно расширились границы освоенной ими территории и завершились процессы хантызации: в состав аганско-тромъеганских хантов, по-видимому, вошли группы селькупов и лесных ненцев; васюганских - кетов, селькупов, эвенков; ваховских - лесных ненцев, кетов, селькупов, эвенков. На протяжении XIX в. за счет продвижения хантыйского населения из более западных районов значительно выросли в численном отношении аганские, ваховские и обские ханты рассматриваемого ареала. Нарисованная схема этнических процессов в Аганско-Васюганском ареале нуждается в уточнениях и более точном хронологическом определении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе были всесторонне рассмотрены пять этнографических ареалов хантов, различающиеся по этническим компонентам, участвовавшим в формировании хантыйского населения, его хозяйственному укладу, быту, социальной структуре и традиционной культуре. Проведенное исследование позволяет сделать несколько выводов. Как представляется, этногенетически исходным хантыйским регионом следует считать Нижнее Прииртышье, откуда ханты мигрировали в северном и восточном направлениях. По-видимому, сначала под давлением тюрков с юга группа хантыйского населения продвинулась на Нижнюю Обь, где расселялась, ассимилируя переселяющиеся с запада группы коми-зырян, коми-пермяков и *угроь-оxаль*. В низовьях Оби ханты столкнулись с ненцами, часть которых была вытеснена, а часть в XIX в. вошла в состав нижеобских хантов. По-видимому, тогда же в состав хантов были включены и отдельные группы манси. V

Российская колонизация подтолкнула значительную часть оставшихся в Нижнем Прииртышье хантов к переселению на восток. Они ушли через Салым, Балык на Среднюю Обь, расселившись по ее правобережным притокам: Пиму, Агану, Тромъегану, Ваху. Освоение левобережных притоков - Югана и Васюгана, вероятно, шло непосредственно с Иртыша и Демьянки. Продвижение хантов по Среднему Приобью сопровождалось столкновениями с самодийским населением, в ходе которых селькупы и лесные ненцы были отодвинуты на север, а часть их поглощена пришельцами. Ассимиляции подверглись также группы кетов и тунгусов, проживавших по Ваху и Васюгану.

В исконно хантыйском регионе Нижнего Прииртышья этнические процессы реконструируются следующим образом. В XIII - XVI вв. ханты, расселенные в пределах Сибирского ханства, были тюркизированы. Группы, занимавшие территорию севернее рубежа Демьянка - Конда, сохраняли этническую самобытность до прихода в эти места русского крестьянского населения. В XIX в. они подверглись мощному русскому воздействию, в ходе которого большая часть обрусела.

В XVII - XIX вв. на этнической территории хантов протекали активные внутримиграционные процессы, в ходе которых происходило смешение локальных групп хантов между собой. Нарисованная схема этнических процессов требует более точной хронологической привязки и нуждается в конкретизации после специальных этноисторических исследований по отдельным локальным группам народа.

Проанализированные материалы убеждают в многокомпонентности хантыйского этноса. В результате этнических взаимодействий традиционная культура хантов оказалась синкретичной, особенно на окраинах их расселения. Прежде всего это характеризует обдорско-куноватскую (сходство с ненецкой) и ваховско-васюганскую (селькупские, кетские и эвенкийские параллели) группы.

Приведенные данные показывают, что отличия между этнографическими ареалами хантов проявляются в различных аспектах материальной и духовной культуры. Особенно значимы они между западными (Кодский, Нижнеобский ареалы) и восточными (Юганско-Пимский, Аганско-Васюганский ареалы) областями их расселения. Как отмечалось, Н.И. Терешкин усматривал такое разделение на западные и восточные группы в хантыйском языке. Наиболее существенные различия между этими двумя областями проявляются в представлениях об устройстве Вселенной и пантеоне божеств. Для восточной характерна вертикальная модель мира, связанная, вероятно, с центрально-азиатско-южносибирской традицией, для западной - горизонтальная "речная" модель, по всей видимости, более архаичная автохтонная. Существенно разнятся и церемонии поклонения божествам, семейные обряды. Пантеон божеств обнаруживает сходство, скорее, не по персонажам, а по их функциям: верховный бог-демиург, богиня-жизнеподательница, хозяин Нижнего мира и т. д.

Разделение этнической территории хантов на пять ареалов, выделенных по совокупности этнографических признаков, не противоречит принятому в литературе делению хантов на три этнографические группы, основанному преимущественно на осо-

бенностях языка. Северной группе соответствуют Нижнеобский и Кодский ареалы, восточной - Юганско-Пимский и Аганско-Васюганский, южной - Прииртышский.

Различия в хозяйстве, социальной организации, материальной и духовной культуре между ареалами и локальными группами хантов внутри них объясняются слабой интеграцией этноса со средневековья до наших дней.

Скорее всего в начале и середине 2 тыс. н. э. на территории Нижнего и Среднего Приобья проживали группы родственных угорских и самодийских племен, находившиеся на стадии вожества. Многочисленные столкновения между племенами и с иноэтничным населением, надо полагать, породили объединительные тенденции, иницируемые местной родо-племенной знатью, выступившей в роли военачальников. О наличии обособившейся родо-племенной аристократии у сибирских угров убедительно свидетельствуют материалы С.В. Бахрушина [Бахрушин, 1955а], а также данные фольклора. Объединительные тенденции, по всей видимости, были реализованы в образовании объединений племен, или княжеств. Из русских источников известно несколько таких военно-политических союзов: Обдорское, Ляпинское, Казымское. Кодекс, Белогорское, Пелымское, Бардаково, Демьянское княжества. Они представляли собой крупные территориально-соседские объединения и выступали своеобразными этническими, хотя и не монолитными, группировками с более или менее единым хозяйственно-бытовым укладом. В границах княжеств действовали центростремительные силы, происходила концентрация отдельных племенных общностей. В то же время угорские княжества были политически разобщены, о чем свидетельствуют военные походы князей и удельных "князцов" с целью наживы, воспоминания о которых до сих пор сохраняются у многих групп хантов в виде преданий о набегах *хурун ёх/ куранях* и *авус ях*.

Свидетельств об объединении остяцкого (как, впрочем, и вогульского) населения вокруг единого центра нет, хотя можно предположить, что хантыйские племенные общности тяготели сначала к Белогорью, а затем к Коде. Г.Ф. Миллер заметил, что

белогорский Самар - "главный князец остяков, живших по Иртышу и Оби" [т. 1, с. 246]. Свидетельство о том, что Самар - "главный остяцкий князь" и что на его территории находилась главная святыня - "болван в виде нагой бабы", привел также Х.М. Лопарев [с. 2]. Указание Г.Ф. Миллера о том, что на Шайтанском мысу у ю. Тундринских во время битвы с самоедами был "сбор" остяков с Оби и Иртыша [Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера, с. 216], по-видимому, следует объяснять тяготением хантыйского населения Среднего Приобья к какому-то другому авторитетному князю. Единого социально-политического организма, т. е. устойчивой межплеменной союзнической федерации угорских племен так и не сложилось.

В конце XVI в., после присоединения Северо-Западной Сибири к России и ликвидации княжеств, угорское население оказалось в новых социально-политических условиях, изменилась структура связей между людьми, входившими в те или иные объединения. Управление аборигенами стало осуществляться по созданной российской администрацией ясачным волостям. В хантыйском обществе были прерваны процессы местной (в рамках княжеств) консолидации, началась децентрализация, что привело к разрушению прежних общественных структур и формированию новых социальных объединений.

В документах XVI - XVII вв. преобладают названия хантов по административным образованиям - волостям: кодские, обдорские, меньые-кондинские, верх-демьянские остяки и т. п. В то же время русские письменные источники рассматривают такие группы в качестве составных частей одной общности - остяков. Впоследствии исследователи стали связывать отдельные группы хантов с географическими регионами - бассейнами обских и иртышских притоков: казымские, ваховские, юганские и др. остяки.

J

Для этнической консолидации народа необходимо наличие устойчивых связей разного плана - экономических, социально-политических, культурных. Их установление и функционирование во многом обеспечивается "плотным" в территориально-поселенческом отношении размещением одноязычного населения,

когда устанавливаются коммуникативные цепочки от селения к селению. В XVII - XIX вв. такой благоприятной демографической ситуации в Северном Приобье не существовало. Географически ханты занимали весьма обширную территорию (около 500 тыс. кв. км), причем достаточно компактную, ограниченную бассейном Нижней и Средней Оби с притоками. Плотность хантыйского населения была чрезвычайно мала. Так, в 1927 г. она составляла 11 чел. на 100 кв. км в Кодеком этнографическом ареале и 4 чел. на 100 кв. км в Нижнеобском [Архив ТГИАМЗ, № 243, л. 4].

Развитие широких экономических связей сдерживалось как условиями хозяйственной деятельности хантов, поскольку тесное общение происходило лишь на ограниченной территории участка Оби в период летнего рыболовного промысла, так и полунатуральным характером их хозяйства. Отсутствие дорог также затрудняло связи между населением разных частей хантыйской земли.

Практически ничем не способствовали укреплению общности хантыйского этноса и административные преобразования XIX в. "Для удобства управления" на протяжении столетия проходило переформирование волостей - перечисление населенных пунктов из одной волости в другую (об этом говорилось при описании волостного состава). В 1865 г. волости прииртышских хантов были объединены (Нарымская, Меньпекондинская и Тарханская - в одну Нарымскую; Верх-Демьянская, Назымская и Туртасская - в одну Верх-Демьянскую) и даже соединены с соседними русскими волостями (Темлячевская) [ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 44, д. 51], а в Сургутском округе были созданы Инородческие управы, объединившие по несколько волостей (Тундринская - Селиярскую, Салымскую, Пимскую и часть Подгородно-Юганской; Юганская - часть Подгородно-Юганской, Больпепюганскую и Малоюганскую; Локосовская - Тром-юганскую, Аганскую и две Ваховские; Лумпокольская - Ваховскую, две Лумпокольские, одну Салтыкову и Пирчинскую; Ларьятская - Лумпокольскую, Салтыкову и Тымскую).

Местами регулярных встреч коренного населения Северного Приобья были ярмарки, куда ежегодно собирались жители из разных мест - носители различных культурно-бытовых традиций. Наиболее известными были Обдорская и Сургутская, на которые съезжались ханты, коми, ненцы, манси, русские. Ярмарочная торговля укрепляла экономические и бытовые связи между населением отдельных районов, ибо на ярмарки съезжались не только ради купли-продажи, но и как бы на общественный праздник, своего рода смотр. Но все же процесс экономического интегрирования хантов между собой и с другими народами происходил очень и очень медленно и был пространственно ограничен руслом Оби.

Следует отметить, что с развитием промышленного рыболовства на Оби несколько возросла подвижность хантыйского населения, втягивавшегося в работу по найму за пределами своих волостей. С конца XIX в. для части остяков стали регулярными занятия по ловле и обработке рыбы у рыбопромышленников, сбор дров для пароходов. При таком длительном производственном общении стирались местные различия в языке и культуре.

В языке хантов и манси сохранились понятия, отражающие былую разобщенность и обособленность одноязычного населения. Так, понятие *тата мув ях(ёх)* "здешней земли люди" относится только к жителям бассейна одной реки. До сих пор бытуют собственные названия хантов типа *кунаут ёх*, *касум ёх*, *ягун ях*, *оун ях*, в которых первый элемент означает местность по реке (Куноват, Казым, Юган, Аган), а второй - "народ", "люди".

Следует сказать и об этнической идентификации - важной этнопсихологической характеристике этноса. Для хантов типично двойственное самосознание - осознается как принадлежность к определенной локальной группе по бассейну реки, так и к ко всему хантыйскому сообществу. При этом какие бы особенности в языке, культуре не отделяли друг от друга различные группы хантов, эти внутренние различия отступали на задний план перед более значимыми отличиями от других этносов Северо-Западной Сибири.

Хотелось бы отметить и такое чрезвычайно важное, на мой взгляд, обстоятельство, как идеологическое, прежде всего религи-

озно-культурное, оформление этнического единства. Обращение обских угров в православие носило формальный характер - ханты по-прежнему следуют дохристианским языческим верованиям. Наиболее значимыми и влиятельными для конкретного человека ханты считают местных божеств, покровителей бассейнов рек, а не общеугорских богов, что свидетельствует о слабой эмоционально-идеологической консолидации этноса. Вместе с тем среди многочисленных священных мест, служащих для отправления жертвоприношений жителей бассейнов рек, отдельных поселков, родов, семей, выделялись особо почитаемые капища, время от времени привлекавшие хантов из различных мест. В литературе указывалось на несколько таких знаменитых *емэн тахи* - святыща *Мир ванты ху* у ю. Троицких Белогорской волости, *Калтащ анки* у ю. Калтысянских Шеркальской волости, Старика Обского в устье Иртыша, которые служили местом "съезда великого". Имеются сведения о больших религиозных сборах на медвежьих игрищах в ю. Вежакарских, Тегинских. Нужно указать и на обычай определения каждому ребенку в младенческом возрасте личного духа-покровителя. Им мог быть любой из хантыйских богов, независимо от места проживания и родовой принадлежности, что символизировало приобщение ребенка ко всему хантыскому сообществу. В религиозных представлениях хантов было нечто, поддерживающее самосознание этнической общности, ибо ханты очень четко отделяли "своих" богов и духов от "чужих" - русских, ненецких, селькупских.

В целом приведенные материалы показывают, что хантыйский этнос был и остается слабо интегрированным. Это сказывалось на слабом самоопределении, как внутреннем - ханты Юган-Искоро и Аганско-Васюганского ареалов не знают нижнеобских и наоборот, так и внешнем - сынские, войкарские, казымские, бере- (Ювские ханты считают себя ближе к ляпинско-сосьвинским ман-!сн, чем к юганским хантам, а ваховские - к селькупам, чем к нижнеобским хантам. Процесс социально-этнической консолидации хантов происходит медленно.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов К.А. 1851. О введении христианства у березовских остояков // Журнал министерства народного просвещения. Ч. 72. № Ю - 12. С. 1 - 22.

Абрамов Н.А. 1857. Описание Березовского края // Записки РГО. СПб. Кн. 12. С. 327 - 448.

Абрамов Н.А. 1993. Описание Березовского края. Шадринск. 84с.

Алексеев В.П. 1977. Этногенетические предания, лингвистические данные, антропологический материал // Этническая история и фольклор. М. С. 9 - 33.

Алексеев М.П. 1932, 1936. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск. Т. I, II.

Алексеев Е.А. 1986. Этнические и культурные взаимодействия кетов и обских угров // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово. С. 106-113.

Андреев А.И. 1947. Описания о жизни и упражнениях обитающих в Туруханском и Березовском округах разного рода ясачных иноверцев // СЭ. № 7. С. 84-103.

Андреев А.И. 1960. Очерки по источниковедению Сибири (XVII век). М.-Л. Вып. 1. 261 с.

Андреев А.И. 1965. Очерки по источниковедению Сибири (XVIII в.). М.-Л. Вып. II. 350 с.

Бабаков В.Т. 1973а. Манси // ВИ. № 4. С. 214-218.

Бабаков В.Г. 1973б. Территориально-племенные общности обских угров и нарымских селькупов (XVII-XIX вв.) Дисс. канд. истор. наук. М. 210 с.

Бабаков В.Г. 1976. К этноисторическому изучению приобских хантов // СЭ. № 6. С. 99-111

Бабаков В.Г. 1988. Историческое место фратрии в структуре социальных связей западносибирских угров // СЭ. № 3. С. 36-47.

Бартенев В.В. 1895а. Погребальные обычаи обдорских остояков // Живая старина. Вып. III-IV. С. 487-492.

- Бартнев В.В.* 18956. Понятие о грехе у остяков // ЕТГМ. № 5. 4 с.
- Бартнев В.В.* 1896. На крайнем Северо-Западе Сибири (Очерки Обдорского края). СПб., 148 с.
- Бахрушин С.В.* 1948. Основные линии истории обских угров // Ученые записки ЛГУ. № 105. Серия востоковедческих наук. Вып. 2. Л. С. 257-287.
- Бахрушин С.В.* 1955а. Остяцкие и вогульские княжества в XVI-XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. М. Т.Ш. Ч. 2. С. 86-152.
- Бахрушин С.В.* 19556. Самоеды в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М. Т.Ш. Ч. 2. С. 5-12.
- Бахрушин С.В.* 1955в. Ясак в Сибири в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М. Т.Ш. Ч. 2. С. 49-85.
- Бахрушин С.В.* 1955г. Сибирские служилые татары в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М. Т. Ш. Ч. 2. С. 153-175.
- Белявский Ф.* 1833. Поездка к Ледовитому морю. М. 274 с.
- Бромлей Ю.В.* 1981. Современные проблемы этнографии. М. 387 с.
- Буцинский П.Н.* 1889. Заселение Сибири и быт первых ее сельников. Харьков. 340 с.
- Буцинский П.Н.* 1893а. К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г. // Записки Харьковского университета. Кн. 2. С. 33-98.
- Буцинский П.Н.* 18936. Крещение остяков и вогулов при Петре Великом. Харьков. 93 с.
- Варнаховский Н.А.* 1898. 1902. Рыболовство в бассейне реки Оби. СПб. Т. 1, 2. 143, 230 с.
- Васильев В.В.* 1929. Река Демьянка: Экономико-этнографический очерк. Тобольск. 36 с.
- Васильев В.И.* 1974а. К проблеме этногенеза северосамодийских народов // Социальная организация и культура народов Севера. М. С. 133-176.
- Васильев В.И.* 19746. Ляпинские ненцы: этническая судьба одной самодийской группировки // Новое в этнографических и

антропологических исследованиях. Итоги полевых работ Института этнографии в 1972 г. М. 4.2. С. 12-20.

Васильев В.И. 1977. Исторические предания ненцев как источник при исследовании этногенеза и этнической истории северосамодийских народов // Этническая история и фольклор. М. С. 113-126.

Васильев В.И. 1978. Куноватские ненцы: опыт этнической реконструкции // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск. С. 118-130.

Васильев В.И. 1979. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М. 243 с.

Васильев В.И. 1980. Проблема этногенеза северосамодийских народов (ненцы, энцы, нганасаны) // Этногенез народов Севера. М. С. 41-67.

Васильев В.И. 1988. Ненецко-угорские взаимосвязи на Севере Сибири: история и современность // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. Тобольск. С. 102-108.

Вербов Г.Д. 1939. Пережитки родового строя у ненцев // СЭ. №2. С. 43-66.

Вербов Г.Д. 1973. Диалект лесных ненцев // Самодийский сборник. Новосибирск. С. 157-158.

Вереш П. 1977. К вопросу происхождения дуально-фратриальной организации обских угров // Некоторые вопросы изучения этнических аспектов культуры. М. С. 43-59.

Вереш П. 1978. Этнокультурное развитие угорских народов // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск. С. 102-113.

Викторова В.Д. 1973. Ликинский могильник X - XIII вв. // ВАУ. Вып. 12. С. 155-180.

Воронов А.Г. 1900. Юридические обычаи остяков Западной Сибири и самоедов Томской губернии // Записки РГО по отделению этнографии. Т. 18. СПб. С. 1-50.

Гемуев И.Н. 1990. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск. 232 с.

Гемуев И.Н. 1991. Религиозно-мифологические представления манси. Автореф. дисс. докт. истор. наук. Новосибирск. 45 с.

Георги И.Г. 1776. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. 4.1. СПб. 276 с.

Головнев А.В. 1985. О культуре нытарма и сидрянг у ненцев // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск. С. 45-48.

Головнев А.В. 1987. Экономические факторы миграций коренного населения северо-западной Сибири // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск. С. 50-53.

Головнев А.В. 1988. Социально-экономические аспекты ненецко-угорских контактов // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. Тобольск. С. 86-101.

Головнев А.В. 1993. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск. 204 с.

Головнев А.В. 1995. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург. 607 с.

Головнев А.В., Зайцев Г.С., Прибыльский Ю.П. 1994. История Ямала. Тобольск - Яр-сале. 115с.

Голодников М.К. 1881. От Тобольска до Обдорска летом и зимою // Тобольские губернские ведомости. № 3-11.

Гондатти Н.Л. 1888. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири // Труды этнографического отделения Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 8. М. 91 с.

Городков Б.Н. 1913. Поездка в Салымский край // ЕТГМ. Вып. 21. С. 1-100.

Городков Б.Н. 1926. Краткий очерк населения крайнего северо-востока Западной Сибири // Известия РГО. Т. 58. Вып. 2. С. 50-78.

Григоровский Н.П. 1882. Очерки Нарымского края // Записки Западно-Сибирского отдела РГО. Кн. 4. Омск. С. 1-60.

Григоровский Н.П. 1884. Описание Васюганской тундры // Записки Западно-Сибирского отдела РГО. Омск. Кн. 6. 70 с.

Дмитриев-Садовников Г.М. 1911. С реки Ваха Сургутского уезда//ЕТГМ. Вып. 19. С. 1-21.

- Дмитриев-Садовников Г.М.* 1912. Богатырь реки Сабун // ЕТГМ. Вып. 20.
- Дмитриев-Садовников Г.М.* 1916. На Вахе. ЕТГМ. Вып. 26. С. 1-15.
- Долгих Б.О.* 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке // ТИЭ. Новая серия. Т. 55. М. 622 с.
- Долгих Б.О.* 1970. Племя у народностей Севера // Общественный строй у народов Северной Сибири. М. С. 332-360.
- Древний город на Оби: История Сургута. 1994. Екатеринбург. 321 с.
- Дремав В.А.* 1967. Древнее население лесостепного Приобья в эпоху бронзы и железа по данным палеоантропологии // СЭ. № 6.
- Дремав В.А.* 1973. Черепа эпохи бронзы из могильника Обь-Иртышского междуречья (Барабинская лесостепь) // Вопросы археологии Сибири. Вып. 85. Новосибирск. С. 102-106.
- Дремав В.А.* 1984. Расовая дифференциация угорских и самодийских групп Западной Сибири по данным краниологии // Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии. М. С. 106-132.
- Дульзон А.П.* 1961. Дорусское население Западной Сибири // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск. С.51-68.
- Дульзон А.П.* 1962. Древние передвижения кетов по данным топонимики // Известия ВГО. Т. 94. Вып. 6.
- Дунин-Горкавич А.А.* 1904. 1910. 1911. Тобольский Север. Т. 1, 2, 3. Тобольск, СПб., Тобольск. 281, 353, 140 с.
- Дунин-Горкавич А.А.* 1915. Сведения о рыболовных угодьях Тобольского Севера (по регистрации 1914 г.). Тобольск. 97 с.
- Жеребцов Л.Н.* 1974. Этнические и культурно-исторические связи коми с финноуграми и самодийцами. Серия предпринтов "Научные доклады". Вып. 14. Сыктывкар. 44 с.
- Жеребцов Л.Н.* 1982. Историко-культурные взаимодействия коми с соседними народами (X - начало XIX в.). М. 224 с.

Жеребцов Л.Н. 1974. Этнические и культурно-исторические связи коми с финноуграми и самодийцами // Серия предпринтов "Научные доклады". Вып. 14. Сыктывкар. 44 с.

Зенько А.П. 1995. Хантыйские легенды о древнем народе // Проблемы административно-государственного регулирования межнациональных отношений в Тюменском регионе: исторический опыт и современность. Тобольск. С.35-37.

Золотарев А.М. 1964. Родовой строй и первобытная мифология. М. 328с.

Зуев В.Ф. 1947. Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов // Материалы по этнографии Сибири XVIII в. М.-Л. ТИЭ. Новая серия. Т.5. 65 с.

Зыков А.П., Федорова Н.В. 1993. Обь-Иртышская культурно-историческая общность эпохи железа // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала[^] Екатеринбург. С. 65-66.

Иванов С.В. 1952. Материалы орнаментов к проблеме культурно-исторических связей хантов и манси // СЭ. № 3. С. 85-99.

Иванов С.В. 1963. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX - начала XX вв.) // ТИЭ. Новая серия. М. - Л. Т. 81. 500 с.

Искра И. 1925. По остяцким юртам (Кондинский район) // Наш край. № 10-11. Тобольск. С. 38-39.

Источники по этнографии Западной Сибири. 1987. Томск. 284с.

Историко-этнографический атлас Сибири. 1961. М.-Л.

Караулов Ю.Н. 1976. Хантыйский язык // Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М. С. 239-252.

Карьялайнен К.Ф. 1911. У остяков // Сибирские вопросы. № № 32-52.

Карьялайнен К.Ф. 1994. 1995. Религия югорских народов. Т. 1, 2. (Перевод и публикация Н.В. Лукиной). Томск. 152, 284 с.

Кастрен М.А. Этнографические замечания и наблюдения Кастрена о лопарях, карелах, самоедах и остяках, извлеченные из

его путевых воспоминаний 1838-1844 гг. // Этнографический сборник РГО. Вып. 4. СПб. С. 219-320.

Кастрен М.А. 1860. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири, 1838- 1844, 1845-1849 // Магазин земледения и путешествий. М. Т.6. Ч. 2. 495 с.

Катаное Н.Ф. 1904. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (По рукописям Тобольского губернского музея) // ЕТГМ. Вып. 14. С. 1-28.

Книга Большому Чертежу. М. 1846.

Козьмин В.А. 1980. К вопросу о времени появления оленеводства у обских угров // Этнография Северной Азии. Новосибирск. С" 163-170."

Козьмин В.А. 1986. Традиции в развитии современного оленеводства таежной зоны Западной Сибири // Культурные традиции народов Сибири. Л. С. 42-56.

Конаков Н.Д. 1983. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX- начале XX в. М.

Конаков Н.Д., Котов О.В. 1991. Этноареальные группы коми: формирование и современное этнокультурное состояние. М. 232 с.

Косарев М. Ф. 1984. Западная Сибирь в древности. М. 246 с.

Косарев М.Ф. 1991. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М.

Кулемзин В.М. 1976. Шаманство васюганско-ваховских хантов в конце XIX - начале XX в. //Из истории шаманства. Томск. С. 3-154.

Кулемзин В.М. 1984. Человек и природа в верованиях хантов. Томск. 192 с.

Кулемзин В.М., Лукина Н.В. 1977. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX - начале XX вв. Томск. 226 с.

Кулемзин В.М., Лукина Н.В. 1992. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск. 136с.

Кушелевский Ю.И. 1864. Путевые записки, веденные во время экспедиции 1862, 1863 и 1864 гг. Тобольск. 66 с.

Кушелевский Ю.И. 1868. Северные полюс и земля Ялмал. СПб. 156с.

Лапин Н.А. 1966. Земледелие в Западной Сибири в 1800-1860 годах // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев. С. 482-493.

Лашук Л.П. 1972. Формирование народности коми. М. 292 с.

Лебедев В.В., Соколова З.П. 1982. Селькупы // Этническая история народов Севера. М.

Лопарев П. 1924а. Мифология остяков и самоедов: Поклонение Ун-Урту // Наш край. Тобольск. № 1. С. 3-10.

Лопарев П. 1924б. Мифология остяков и самоедов: Ине-Хон // Наш край. Тобольск. № 3. С. 26-31.

Лопарев ХМ. 1896. Самарово. СПб. 244 с.

Лукина Н.В. 1972. Об этнических связях васюганско-ваховских хантов // Материалы по этнографии Сибири. Томск. С. 67-92.

Лукина Н.В. 1976. Некоторые вопросы этнической истории восточных хантов по данным фольклора // Языки и топонимия. Томск. С. 158-161.

Лукина Н.В. 1978. Об особенностях культуры отдельных групп хантов // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск. С. 114-120.

Лукина Н.В. 1984. Некоторые вопросы происхождения оленеводства хантов // Этнография народов Сибири. Новосибирск. С. 10-17.

Лукина Н.В. 1985. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск. 365 с.

Лукина Н.В. 1986. Культурные традиции в хозяйственной деятельности хантов // культурные традиции народов Сибири. Л. С. 121-138.

Лукина Н.В. 1990а. Общее и особенное в культе медведя у обских угров // Обряды народов Западной Сибири. Томск. С. 179-191.

Лукина Н.В. 1990б. Предисловие // Мифы, предания, сказки хантов и манси. М. С. 3-57.

Лукина Н.В., Кулемзин В.М. 1976. Новые данные по социальной организации восточных хантов // Из истории Сибири. Томск. Вып. 21. С. 232-240.

Лукина Н.В., Кулемзин В.М., Титаренко ЕМ. 1975. Ханты реки Аган // Из истории Сибири. Вып. 16. Томск. С. 130-177.

Майнов В.Н. 1884. Угорские народы // Исторический вестник. № 4. С. 168-182.

Майтинская К.Е. 1966. Финно-угорские и самодийские языки (введение) // Языки народов СССР. М. Т. 3.

Мартынова Е.П. 1986. Южные ханты в XVII - XIX вв. Дисс. канд. истор. наук. М.

Мартынова Е.П. 1988а. Этнодемографические процессы в среде южных хантов в конце XVIII-XIX вв. // Вестник МГУ. № 1. С. 66-75.

Мартынова Е.П. 1988б. Южные ханты в конце XVIII в. (по материалам IV-V ревизий) // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. Тобольск. С. 74-85.

Мартынова Е.П. 1989. Охотничий промысел южных хантов в XVIII-XIX вв. // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск. С. 109-119.

Мартынова Е.П. 1990. Структура социальной организации хантов в XVIII-XIX вв. // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск. С. 84-87.

Мартынова Е.П. 1991а. Волостная организация хантов // Экспериментальная археология. Вып.1. Тобольск. С. 128-139.

Мартынова Е.П. 1991б. Община-юрт у хантов // Обские угры (ханты и манси). Материалы к серии "Народы и культуры". Вып.7. М. С. 62-77.

Мартынова Е.П. 1992. Образ Калтащ-Анки в религиозной традиции хантов // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург. С. 74-84.

Мартынова Е.П. 1993а. Синкретизм празднично-обрядовой деятельности хантов // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Тезисы докладов. Томск. С. 165-166.

Мартынова Е.П. 1993б. Русское влияние на культуру хантов // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Материалы к конференции. Ч.1П. Этнография и изучение культурных процессов и явлений. СПб. С. 98-100.

- Мартынова Е.П.* 1994а.. Брачные связи хантов в конце XVIII в. (по материалам ревизских переписей) // Тобольский исторический сборник. Ч. 1: Археология и этнология. Тобольск. С. 59-85.
- Мартынова Е.П.* 1994б. Обские угры (ханты и манси) // Народы Сибири и Севера в XIX веке. (Этнографическая характеристика). М. С. 158-193.
- Мартынова Е.П.* 1994в. Пор-ёх и Мось-ёх в представлении ханты // Сургут. Сибирь. Россия. (Тезисы докладов). Екатеринбург. С. 112-114.
- Мартынова Е.П.* 1994г. Представления о Нижнем мире у сынских и юганских хантов // Научный семинар по теме: "Проблемы духовной культуры древних обществ". Тезисы докладов. Екатеринбург. С. 16-20.
- Мартынова Е.П.* 1994д. Коми компонент в составе хантов // Европейский Север: взаимодействия культур в древности и средневековье. Тезисы докладов. Сыктывкар. С. 60-61.
- Мартынова Е.П.* 1995. Общественное устройство в XVII-XIX вв. // История и культура хантов. Томск. С. 77-120.
- Мартынова Е.П.* 1996. Этнические взаимодействия хантов в дорусский период по данным фольклора // Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции "Словцовские чтения-95". Тюмень. С. 172-174.
- Матвеев А.К.* 1968. О древнейших местах расселения угорских народов (по данным языка) // Труды Камской археологической экспедиции. Вып. IV. Пермь. (Ученые записки Пермского гос. университета, № 191).
- Матвеев А.К.* 1980. Географические названия Урала. Свердловск.
- Миллер Г.Ф.* 1937, 1941. История Сибири. Т.1, 2. М.-Л. 392, 535с.
- Миненко И.А.* 1975. Северо-Западная Сибирь в XVIII - первой половине XIX в. Новосибирск. 308 с.
- Митусова Р.П.* 1926. Медвежий праздник у аганских остяков // Наш край. Тобольск. № 1. С. 11-13.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси. 1990. Составитель Н В. Лукина. М. 568 с.

Могильников В.А. 1987. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М. С. 163-235.

Могильников В.А. 1991. Контакты населения лесной полосы Приуралья и Западной Сибири в конце I - начале II тыс. н. э. // Проблемы археологии Евразии. М.

Могильников В.А. 1995. Тюменский регион до присоединения к России // Проблемы административно-государственного регулирования межнациональных отношений в Тюменском регионе. Тобольск. С. 3-63. (Рукопись).

Можарский Я.Г. 1959. Хантыйский язык // Младописьменные языки народов СССР. М.,Л. С. 455-462.

Молдтова Т.А. 1993. Орнамент северных хантов (1940 - 1980 гг). Автореф. дисс. канд. истор. наук. Новосибирск. 12 с.

Молодин В.И. Этногенез // История и культура хантов. Томск. С. 3-44.

Морозов В.М., Пархимович С.Г. 1985. Городище Перегребное I: к вопросу о проникновении приуральского населения в Западную Сибирь в начале II тыс. н. э. // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень. С. 89-99.

Морозов В.М., Чемякин Ю.П. 1991. Культуры Нижнего Приобья эпохи железа и их связи с Европейским Северо-Востоком // Проблемы историко-культурной среды Арктики. Сыктывкар. С. 100-102.

Мошинская В.И. 1978. Современное состояние вопроса о роли южного компонента в древней культуре населения Крайнего Севера и Западной Сибири // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск. С. 56-72.

Мошинская В.И., Лукина Н.В. 1982. О некоторых особенностях в отношении к собаке у обских угров // Археология и этнография Приобья. Томск. С. 46-60.

Новицкий Г.Н. 1884 Краткое описание о народе остячком. СПб. 116с.

Населенные пункты Уральской области. 1928. Т. 12. Тобольский округ. Свердловск. 71с.

Общественный строй у народов Северной Сибири: 17 - начало 20 в. 1970. И.С. Гурвич, Б.О. Долгих (ред.). М. 454 с.

Оленеводство Тобольского Севера в цифрах. 1930. Тобольск. 16с.

Огрызко И.И. 1941. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Л.

Описание Тобольского наместничества. 1982. Новосибирск. 309с.

Очерки истории Коды. 1995. Екатеринбург. 189 с.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. 1994. Т.1. Кн.П. Поселения и жилища. Томск. 286 с.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. 1994. Т.2. Мир реальный и потусторонний. Томск. 475 с.

Лаплас П. С. 1788. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб. Ч.3. Кн. 1. 624 с.

Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. 1884. (Составители Голодников К.М., Дмитриев-Мамонов А.И.) Тобольск. 468 с.

Пархимович С.Г. 1991. О контактах населения Нижнего Приобья и Северного Приуралья в начале II тысячелетия н. э. // ВАУ. С. 145-154.

Патканов С.К. 1891 а. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и сказаниям. СПб. 75 с.

Патканов С. К. 1891б. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // Живая старина. Вып. 3-4. СПб. С. 85-116,67-108.

Патканов С.К. 1891в. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии // Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб. Вып. X. - VI. 356, 45 с. Вып. XII - IV. 382, 22 с.

Патканов С.К. 1894. По Демьянке. (Бытовой и экономический очерк) // Записки Западно-Сибирского отдела РГО. Кн. 16. Вып. П-Ш. С. 1-64.

Патканов С.К. 1911. 1912. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды ино-

родцев // Записки РГО по отделению статистики. Т. XI. Вып. 1, 2. СПб. 176, 432 с.

Пелих Г.И. 1981. Селькупы XVII века: очерки социально-экономической истории. Новосибирск. 177 с.

Перевалова Е.В. 1990. К вопросу о брачно-родственных отношениях нижеобских хантов // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск. С. 78-80.

Перевалова Е.В. 1991. Брачно-родственные отношения северных хантов // Экспериментальная археология. Тобольск. Вып. 1. С. 118-128.

Перевалова Е.В. 1996. Две традиции в сакральном отношении к собаке у нижеобских хантов // Интеграция археологических и этнографических исследований. Новосибирск - Омск. Ч. II. С. 83-87.

Перевалова Е.В. 1997. Этническая история северных хантов (обдорско-куноватская группа) в XVII - начале XX вв. Дисс. канд. истор. наук. Екатеринбург. 336 с.

Пигнатти В. 1910. Краткое сообщение о поездке на р. Конду (Меньине-Кондинская волость Тобольского уезда) летом 1910 г. // ЕТГМ. Вып. 20. С. 1-15.

Пица А.И. 19&2. Сосьвинские манси как этносоциальная общность (XVII-XIX в.). Автореферат дисс. канд. истор. наук. М. 21 с.

Поляков И.С. 1877. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии Наук. СПб. 187 с.

Поляков И.С. 1884. Старинное и современное Лукоморье // Живописная Россия. Т. XI. СПб. С. 139-178.

Прокофьева Е.Д. 1952. К вопросу о социальной организации селькупов // ТИЭ. Новая серия. Т. 23. М.,Л.

Прыткова Н.Ф. 1953. Одежда хантов // СМАЭ. Вып. 15. С. 123-233.

Пундани В.В. 1983. Изменения в приемах земледелия и животноводства у государственных крестьян Западной Сибири в первой половине XIX в. // Развитие производительных сил Сиби-

ри в XIX- XX вв.: Бахрушинские чтения 1983 г. Новосибирск. С. 112-122.

Решетов А.М. 1992. Гетерогенность как перманентное состояние этноса (этнос и его подразделения) // Этнос и его подразделения. Ч. I. М. С. 125-140.

Ромбандеева Е.И. 1993. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут. 208с.

Рочев Ю.Г. 1985. Национальная специфика коми преданий о чуди. Сыктывкар. 25 с.

Руденко С.И. 1914. Инородцы нижней Оби. СПб. 16 с.

Рындина О.М. 1995. Орнамент // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск. 640 с.

С.К. 1925. Несколько слов и цифр об осяках р. Югана // Наш край. № 23. С. 50-60.

Сибирские летописи. 1907. СПб.

Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. 1996. // История Сибири. Первоисточники. Вып. 6. Новосибирск. 310 с.

Симченко Ю.Б. 1965. Тамги народов Сибири XVII века. М. 226с.

Соколова З.П. 1963. Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров // Сибирский этнографический сборник. Вып. V. ТИЭ. Новая серия. Т. 84. С. 182-233.

Соколова З.П. 1970. Социальная организация обских угров и селькупов // Общественный строй у народов Северной Сибири. М. С. 103-153.

Соколова З.П. 1971 а. Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX - начале XX вв. Л. С. 211-238.

Соколова З.П. 1971б. Ханты // Вопросы истории. № 8. С. 213-218.

Соколова З.П. 1972. Ханты рр. Сыня и Куноват (этнографический очерк) // Материалы по истории Сибири. Томск. С. 15-66.

Соколова З.П. 1973. О сложении этнографических и территориальных групп у обских угров // Проблемы этногенеза наро-

дов Сибири и Дальнего Востока. Тез. док. Новосибирск. С. 123-125.

Соколова З.П. 1975а. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп обских угров // Этногенез и этническая история народов Севера. М. С. 186-210.

Соколова З.П. 1975б. Наследственные, или предковые имена у обских угров и связанные с ними обычаи // СЭ. № 5. С. 42-52.

Соколова З.П. 1975в. Находки в Шишингах (культ лягушки и угорская проблема) // СЭ. № 6. С. 143-154.

Соколова З.П. 1975г. Формирование ареалов этнографических групп хантов и манси // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л. С. 41-42.

Соколова З.П. 1976а. Общественный строй у обских угров в XVII- XIX вв. // Из истории Сибири. Вып.21. Томск. С. 220-231.

Соколова З.П. 1976б. Проблема рода, фратрии и племени у обских угров // СЭ. № 6. С. 13-38.

Соколова З.П. 1977. Загадка Юильского города // СЭ. № 4. С. 129-138.

Соколова З.П. 1979а. К происхождению современных манси // СЭ. № 6. С. 46-58.

Соколова З.П. 1979б. Ляпинско-сосьвинская группа манси по материалам брачных связей в XVIII-XIX вв. // История, археология и этнография Сибири. Томск. С. 112-130.

Соколова З.П. 1979в. Миграционные процессы и их факторы у обских угров в прошлом // Особенности естественно-географической Среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск. С. 108-111.

Соколова З.П. 1979г. Формирование этнографических групп северных хантов и северных манси // К истории малых народностей Европейского Севера. Петрозаводск. С. 34-48.

Соколова З.П. 1980а. К проблеме этногенеза обских угров и селькупов // Этногенез народов Севера. М. С. 89-117.

Соколова З.П. 1980б. Ханты и манси // Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). М. С. 36-42, 125-144.

Соколова З.П. 1981. Развитие этнических связей обских угров во второй половине XIX- XX вв. // Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири. Томск. С. 50-60.

Соколова З.П. 1982. Обские угры (ханты и манси) // Этническая история народов Севера. М. С. 8-47.

Соколова З.П. 1983а. Социальная организация хантов и манси в XVIII- XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М. 319с.

Соколова З.П. 1983б. Выявление этнических ареалов на основе анализа брачных связей населения и языковых данных (на материалах обских угров) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. (Язык и этнос) Л. С. 76-84.

Соколова З.П. 1985. Современное культурное развитие и этнические процессы у обских угров // Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера. М. С. 93-120.

Соколова З.П. 1986. Некоторые аспекты формирования казымской группы хантов // Проблемы этнической истории народов Сибири. Новосибирск. С. 118-132.

Соколова З.П. 1990. Эндогамный ареал и этническая группа (на материалах хантов и манси). М. 207 с.

Соколова З.П., Споина В.И. 1993. Свадебный обряд у хантов и манси // Российский этнограф. № 3. С. 146-161.

Спафарий Н.М. 1882. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году // Записки РГО по отделению этнографии. Т. 10. Вып. 1. СПб. 214с.

Список населенных пунктов Уральской области. 1928. Т. 12. Тобольский округ. Свердловск. 231 с.

Старцев Г.Н. 1928. Остяки: социально-экономический очерк. Л. 151 с.

Сязи А.М. 1995а. Современное декоративно-прикладное искусство хантов Ямало-ненецкого автономного округа. Автореф. дисс. канд. истор. наук. Новосибирск. 23 с.

Сязи А.М. 1995б. Декоративно-прикладное искусство хантов Нижней Оби. Тюмень. 176 с.

- Талигина Н.М.* 1995. Описание похоронного обряда сынских хантов // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 2. Томск. С. 130-140.
- Теплоухов А.Ф.* 1924. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губернии и последующая смена его пермским и русским народами // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. 39. Свердловск. С. 81-112.
- Терешкин Н.И.* 1966. Хантыйский язык // Языки народов СССР. М.Т.3. С. 319-342.
- Терещенко Н.М.* 1965. Ненецко-русский словарь. М.
- Томшов Н.А.* 1993. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). Томск. 219с.
- Туголуков В.А.* 1985. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М. 284 с.
- Федорова Е.Г.* 1992. О значении предмета (на примере плечевой одежды хантов) // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург. С. 98-103.
- Федорова Е.Г.* 1994. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб. 284 с.
- Федорова Е.Г.* 1996. Обские угры: Этнокультурная ситуация в период с XI по XVI в. // Сибирь. Древние этносы и культуры. СПб. С. 6-38.
- Федорова Н.В.* 1978. О культурной принадлежности Обь-Иртышских памятников 1 тыс. н. э. // Ранний железный век Западной Сибири. Томск. С. 78-83.
- Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М.* 1991. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Екатеринбург. С. 126-144.
- Филатова Н.В.* 1994. Освоение коми районов Восточного Зауралья//ЭО. № 5.
- Финш О., БрэмА.* 1882. Путешествие в Западную Сибирь. М. 575 с.
- Фишер Н.Э.* 1774. Сибирская история. СПб., 631 с.
- Хайду П.* 1985. Уральские языки и народы. М. 430 с.

Хомич Л.В. 1995. Ненцы. Очерки традиционной культуры. СПб. 334 с.

Хондажевский Н.К. 1880. Зимние исследование нагорного берега Иртыша от Тобольска до Самарово и северных тундр между Обскою губою и Сургутом // Записки Западно-Сибирского отдела РГО. Кн. 2. С. 1-32.

Чернецов В.И. 1939. Фратриальное устройство обско-угорского общества // СЭ. № 2. С. 20-42.

Чернецов В.Н. 1947. К истории родового строя у обских угров // СЭ. № 6-7. С. 159-183.

Чернецов В.Н. 1953. Усть-полуйское время в Приобье // МИА. № 53. М. С. 221-241.

Чернецов В.Н. 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. М. № 58. С. 136-245.

Чернецов В.Н. 1959. Представления о душе у обских угров // ТИЭ. Новая серия. Т. 51. С. 117-156.

Чернецов В.Н. 1964. 1971. Наскальные изображения Урала // Свод археологических источников. Вып. В4-12. Ч. 1, 2. М. 51, 119с.

Чиндина Л.А. 1984. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск.

Шавров В.Н. 1871. Краткие записки о жителях Березовского уезда // Чтения в обществе истории и древностей российских. Кн. 2. СПб. С. 1-21.

Шатилов М.Б. 1931. Ваховские остяки: этнографические очерки // Труды Томского краеведческого музея. Томск. Т. IV. 175с.

Штейниц В.К. 1937. Хантыйский язык // Языки и письменность народов Севера. М.- Л. 4.1. С. 193-227.

Шульц Л.Р. 1913. Краткое сообщение об экскурсии на реку Салым Сургутского уезда // ЕТГМ. Вып. 26. С. 1-17.

Шульц Л.Р. 1924. Салымские остяки // Записки Тюменского общества научного изучения местного края. Тюмень. Вып. 1. С. 166-200.

Шухов И.Н. 1913. Поездка в низовья р. Оби Обскую губу // Известия Западно-Сибирского отдела РГО. Т. 1. Вып. 2. С. 1-5.

- Шухов И.Н.* 1914. Река Щучья//ЕТГМ. Вып. 22. С. 1-31.
- Шухов И.Н.* 1915а. Р. Казым и ее обитатели // ЕТГМ. Вып. 26. С. 1-51.
- Шухов И.Н.* 1915б. Из отчета о поездке весной 1914 г. к казымским осякам // СМАЭ. Т. 3. Пг. С. 103-112.
- Этнос и его подразделения. 1992. 4.1: Этнические и этнографические группы. М. 182 с.
- Юданов И.Г.* 1932. Река Сыня и ее значение для рыболовства Обского Севера // Работы Обь-Иртышской научной рыбохозяйственной станции. Тобольск. 89 с.
- Якобий А.И.* 1895. Остяки северной части Тобольской губернии // ЕТГМ. вып. 4. С. 1-25.
- KannШо А.* 1958. Materialien zur Mythologie der Wogulen // Memories de la societe Finno-Ougrienne. Helsinki. Bd. 113. 443 s.
- Kodolanyi J.* 1968. Khanty (Ostyak) sheds for sacrificial objects // Popular beliefs and folklor traditions in Siberia. Budapest. P. 103-106.
- Patkanov S.K.* 1897, 1900. Die Irtish-Ostjaken und ihre Volkspoesie. St.-Ptb. Bd.I. 167 s. Bd. II. 453 s.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИНФОРМАТОРОВ

Белоярский район

пос. Ванзеват: Гындышева М.С., Дыбина Е.П., Молданов И.К., Молданов К.П., Молданова Е.Д., Молданова Е.И., Молданова Н.К., Немусова М.Д., Юрьева П.В.

пос. Полноват: Инырев Д.И., Куриков М.С., Курикова Е.Н.

пос. Тугияны: Гришкин И.Н., Гришкин М.Р., Гришкина Е.С., Гришкина М.Р., Себуров А.И., Себуров Д.С., Себурова У.И., Себурова Е.И.

Березовский район

пос. Теги: Миляхова М.И., Неттин А.В., Неттина Н.А., Неттина Д.И., Новыхов К.В., Новыхова С.В., Новыхова Ф.И., Новыхова Е.П., Отшамов А.Ф., Рябчикова Н.А.

пос. Пугоры: Гындышев К.Н., Кугина Т.В., Рубахова Е.Г.

пос. Тутлейм: Новыхов Н.С., Новыхова Е.В., Яврова М.К.

Кондинский район

пос. Алтай: Андросенко А.И., Куняков А.П., Орак М.Ф., Сургучев А.П., Тахтышева А.Ф., Шалыгина А.М.

пос. Кама: Анчин Г.В., Землякова А.И., Нахтымов Г.И., Чемляков С.И.

Октябрьский район

пос. Перегребное: Алексеев Г.И., Кирилов И.Я., Лыскфв А.А., Ньюлякова А.М., Савина М.С., Тарлин Г.А.,

пос. Шеркалы: Алексеев Г.И., Глазырина Е.С., Каксин Н.В., Константинов В.С., Маремьянина А.И., Пендыхов А.И., Проскуряков А.Г.

Нефтеюганский район

пос. Лемпино: Лебедева Г.К., Милясов Д.С., Рымов А.В., Совкунин И.Я., Шишкина Р.Е.

пос. Пунси: Каюков А.Д., Каюков А.Н., Каюков Л.Н., Каюкова В.В., Каюкова П.Д.

Ханты-Мансийский район

пос. Базьяны: Башмаков П.И., Башмакова Е.Н., Катании А.Н.

пос. Батово: Куклин Е.Е., Куклин Т.С.,

пос. Выкатной: Онина Л.А., Чагин Я.И., Чемляков С.П.

пос. Реполово: Монастырей В.М., Тюльпанов П.Е., Хорькова Н.И.

пос. Согом: Вайветкина М.Г., Сургучев Г.Г., Сургучева Н.С., Сургучева О.Ф.

пос. Тугалово: Вторушина Л.П., Колеватова В.Я., Шашкова В.Г.

пос. Тюли: Иванских А.А., Никурова Д.В., Онин Д.А., Першина А.И.

пос. Цингалы: Захарова А.И., Каскин И.Н., Медведева А.А., Сафонова М.Д.

Шурышкарский район

пос. Азовы: Конкин Н.Т., Лонгортова А.С., Тарасова А.Г., Тогачева Т.Д.

пос. Вершина Войкара: Нензелов И.Е., Нензелова Е.П.

пос. Карвож: Енова Т.Н., Тырлин Е.В.

пос. Киеват: Елескина Р.Н., Сухарин М.Е., Тарагупта С.И., Тогачева Л.Е.

пос. Нымвошгорт: Куртямов А.Н., Куртямов К.Н., Куртямов П.М., Куртямова В.В.,

пос. Овгорт: Артанзеев Л.П., Вальгамов А.И., Вальгамова А.Я., Еприна Д.С., Лонгортов А.Г., Лонгортов П.С., Лонгортова А.Н., Лонгортова М.Г., Лонгортова М.С., Пырысева А.С., Рохтымова Т.И., Тыликов А.И.

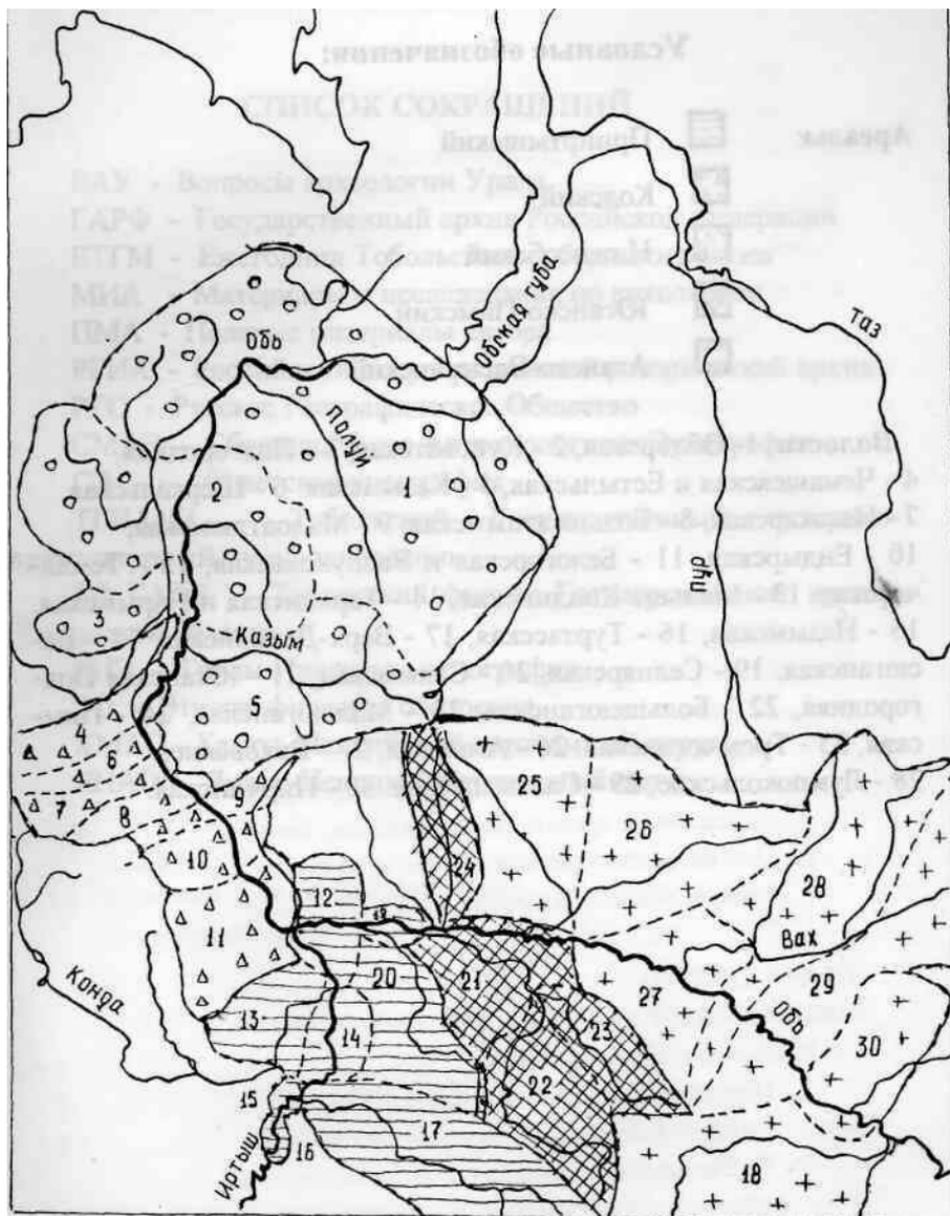
пос. Послово: Носкин В.Н., Шульгин Г.М.

пос. Усть-Войкары: Аляба С.А., Озелова А.И., Озелова Е.А., Озелова М.Е., Ребась Е.А., Севли С.Н.

пос. Унсельгорт: Озелов Г.А., Хунзи Т.И., Хунзи Г.В.

пос. Шурышкары: Кандыгин А.И., Кандыгина О.П., Кельчин Н.Н., Кельчин М.Г., Кельчина И.М., Максаров М.Е., Салтыков С.К., Шиянов Е.П., Шиянов Л.В.

пос. Ямгорт: Контерова З.Е., Пырысев П.Г., Пырысев К.А., ХУНЗИ С.А.

Картосхема расселения хантов

Условные обозначения:

Ареалы:	ЁЗ	Прииртышский
	LAI	Кодский
	Б [^] У	Нижнеобский
	Ш	Юганско-Пимский
	LiJ	Аганско-Васюганский

Волости: 1 - Обдорская, 2 - Куноватская, 3 - Подгородняя, 4 - Чемашевская и Естыльская, 5 - Казымская. 6 - Шеркальская, 7 - Нагакарская, 8 - Большеатлымская, 9 - Малоатлымская, 10 - Ендырская, 11 - Белогорская и Васпухольская, 12 - Темлячевская. 13 - Меньше-Кондинская, 14 - Тарханская и Нарымская, 15 - Назымская, 16 - Туртасская, 17 - Верх-Демьянская, 18 - Васюганская, 19 - Селиярская, 20 - Салымская, 21 - Юганская Подгородняя, 22 - Больнеюганская, 23 - Малоюганская, 24 - Пимская, 25 - Тром-юганская. 26 - Аганская, 27 - Ваховские, 28 - Лумпокольские, 29 - Салтыковские. 30 - Пирчинская.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВАУ - Вопросы археологии Урала
ГАРФ - Государственный архив Российской Федерации
ЕТГМ - Ежегодник Тобольского губернского музея
МИА - Материалы и исследования по археологии
ПМА - Полевые материалы автора
РГИА - Российский Государственный исторический архив
РГО - Русское Географическое Общество
СМАЭ - Сборник Музея Антропологии и Этнографии
СЭ - Советская этнография
ТГИАМЗ - Тобольский Государственный историко-архитектурный музей-заповедник
ТФ ГАТО - Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области
ТИЭ - Труды Института этнографии
ЭО - Этнографическое обозрение
ХМАО - Ханты-Мансийский автономный округ
ЯНАО - Ямало-Ненецкий автономный округ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава первая.	
Прииртышский этнографический ареал	12
1. Прииртышские ханты в XVII - XIX вв.....	14
2. Этнические связи прииртышских хантов.....	23
3. Традиционная хозяйственная деятельность и особенности социальной организации прииртышских хантов.....	31
4. Особенности традиционной культуры хантов Прииртышского ареала.....	40
Глава вторая.	
Кодский этнографический ареал	5.1
1. Кодские ханты в XVII - XIX вв.....	54
2. Этнические связи кодских хантов.....	6,0
3. Традиционное хозяйство и особенности социальной организации кодских хантов.....	65
4. Особенности традиционной культуры хантов Кодского ареала.....	70
Глава третья.	
Нижнеобский этнографический ареал (Обдорско-Казымский)	80
1. Нижнеобские ханты в XVII - XIX вв.....	82
2. Этнические связи нижнеобских хантов.....	8.8
3. Традиционное хозяйство и особенности социальной организации нижнеобских хантов.	103
4. Особенности традиционной культуры нижнеобских хантов.....	117

Глава четвертая.

Юганско-Пимский этнографический ареал 138

1. Юганско-пимские ханты в XVII - XIX вв. 140
2. Этнические связи юганско-пимских хантов. 144
3. Традиционное хозяйство и особенности социальной организации юганско-пимских хантов. 147
4. Особенности традиционной культуры юганско-пимских хантов. 155

Глава пятая.

Аганско-Васюганский этнографический ареал . 169

1. Аганско-васюганские ханты в XVII - XIX вв. ... 170
2. Этнические связи аганско-васюганских хантов 177
3. Традиционные хозяйственные занятия и особенности социальной организации аганско-васюганских хантов. 183
4. Особенности традиционной культуры хантов Аганско-Васюганского ареала. 187

Заключение..... 203

Литература..... 210

Список основных информаторов..... 228

Список сокращений..... 233